

ЖУРНАЛ
БЕЛАРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ІСТОРИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ГІСТОРЫЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

HISTORY

Издаётся с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Веснік БДУ.
Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»)
Выходит один раз в квартал

1

2021

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

КОХАНОВСКИЙ А. Г. – доктор исторических наук, профессор; декан исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: kohanovsky@bsu.by

Заместитель главного редактора

МЕНЬКОВСКИЙ В. И. – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: menkovski@bsu.by

Ответственный секретарь

МАЛЮГИН О. И. – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: maliugin@bsu.by

Белецкий С. В. Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.
Бон Т. Гисенский университет им. Юстуса Либиха, Гисен, Германия.

Бородкин Л. И. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Волански Ф. Институт истории Вроцлавского университета, Вроцлав, Польша.

Жеребцов И. Л. Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Республика Коми.

Линднер Р. Констанцкий университет, Констанц, Германия.

Упадуз А. Центр российских и центральноазиатских исследований Университета им. Джавахарлала Неру, Дели, Индия.

Фишер Д. Техасский университет в Браунсвилле, США.

Фэн Ш. Институт международных отношений и регионального развития, Центр изучения России Восточно-Китайского педагогического университета, Шанхай, Китай.

Шмигель М. Университет Матея Бела, Банска-Бистрица, Словакия.

Яновский О. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бригадин П. И. Институт бизнеса Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.

Вабищевич А. Н. Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина, Брест, Беларусь.

Виддер Э. Институт средневековой истории Тюбингенского университета им. Эберхарда Карла, Тюбинген, Германия.

Дук Д. В. Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.

Карпов С. П. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Карпюк С. Г. Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия.

Коваленя А. А. Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.

Колесник В. Ф. Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Киев, Украина.

Космач В. А. Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, Витебск, Беларусь.

Кошелев В. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

Лаевинович Д. С. Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.

Ларин М. В. Историко-архивный институт Российской государственной гуманитарной академии, Москва, Россия.

Локотко А. И. Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.

Марзалик И. А. Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь, Минск, Беларусь.

Мезга Н. Н. Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Гомель, Беларусь.

Микнис Р. Институт истории Литвы, Вильнюс, Литва.

Нечухрин А. Н. Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.

Пилипенко М. Ф. Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.

Туманс X. Латвийский университет, Рига, Латвия.

Ходин С. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

Федосик В. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

Шадурский В. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

Галоўны рэдактар	КАХАНОЎСКІ А. Г. – доктар гісторычных навук, прафесар; дэкан гісторычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Намеснік галоўнага рэдактара	МЕНЬКОЎСКІ В. І. – доктар гісторычных навук, прафесар; прафесар кафедры гісторыі Расіі гісторычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: menkovski@bsu.by
Адказны сакратар	МАЛЮГІН А. І. – кандыдат гісторычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі старажытнага свету і сярэдніх вякоў гісторычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: maliugin@bsu.by
Бародкін Л. І.	Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Москва, Расія.
Бон Т.	Гісенскі ўніверсітэт імя Юстуса Лібіха, Гісен, Германія.
Бялецкі С. В.	Інстытут гісторыі матэрыяльнай культуры Расійскай акадэміі навук, Санкт-Пецярбург, Расія.
Валанскі Ф.	Інстытут гісторыі Вроцлаўскага ўніверсітэта, Вроцлаў, Польшча.
Жарабцоў І. Л.	Інстытут мовы, літаратуры і гісторыі Комі навуковага цэнтра Уральскага аддзялення Расійскай акадэміі на-вук, Сыктывкар, Рэспубліка Комі.
Лінднер Р.	Констанцкі ўніверсітэт, Констанц, Германія.
Упадуэй А.	Цэнтр расійскіх і цэнтральнаазіяцкіх даследаванняў Універсітэта імя Джавахарлала Неру, Дэлі, Індыйя.
Фішэр Д.	Тэхаскі ўніверсітэт у Браўнсвіле, ЗША.
Фэн Ш.	Інстытут міжнародных адносін і рэгіянальнага развіцця, Цэнтр вывучэння Расіі Усходне-Кітайскага педа-гагічнага ўніверсітэта, Шанхай, Кітай.
Шмігель М.	Універсітэт Мацея Бела, Банска-Бістрыца, Славакія.
Яноўскі А. А.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

МІЖНАРОДНЫ РЭДАКЦЫЙНЫ САВЕТ

Брыгадзін П. І.	Інстытут бізнесу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
Вабішчэвіч А. М.	Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна, Брэст, Беларусь.
Відэр Э.	Інстытут сярэднявечнай гісторыі Цюбінгенскага ўніверсітэта імя Эберхарда Карла, Цюбінген, Германія.
Дук Д. У.	Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
Каваленя А. А.	Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Калеснік В. Ф.	Кіеўскі нацыянальны ўніверсітэт імя Тараса Шаўчэнкі, Кіеў, Украіна.
Карпаў С. П.	Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Москва, Расія.
Карпюк С. Г.	Інстытут усеагульной гісторыі Расійскай акадэміі навук, Москва, Расія.
Космач В. А.	Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава, Віцебск, Беларусь.
Кошалеў У. С.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Лакотка А. І.	Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Ларын М. В.	Гісторыка-архіўны інстытут Расійскага дзяржаўнага гуманітарнага ўніверсітэта, Москва, Расія.
Лаўрыновіч Д. С.	Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
Марзялюк І. А.	Палата прадстаўнікоў Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь, Мінск, Беларусь.
Мікніс Р.	Інстытут гісторыі Літвы, Вільнюс, Літва.
Мязга М. М.	Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны, Гомель, Беларусь.
Нячухрын А. М.	Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, Гродна, Беларусь.
Піліпенка М. Ф.	Інстытут мастацтвазнаўства, этнографіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Туманс X.	Латвійскі ўніверсітэт, Рыга, Латвія.
Ходзін С. М.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Фядосік В. А.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Шадурскі В. Г.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief **KAKHANOUSKI A. G.**, doctor of science (history), full professor; dean of the faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: kohanovsky@bsu.by

Deputy editor-in-chief **MENKOUSKI V. I.**, doctor of science (history), full professor; professor at the department of Russian history, faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: menkovski@bsu.by

Executive secretary **MALIUGIN O. I.**, PhD (history), docent; associate professor at the department of ancient and medieval history, faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: maliugin@bsu.by

- Beletsky S. V.** Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia.
Bohn T. Justus Liebig University of Giessen, Giessen, Germany.
Borodkin L. I. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Feng Sh. School of Advanced International and Area Studies, Centre for Russian Studies of the East China Normal University, Shanghai, China.
Fisher D. C. University of Texas Rio Grande Valley, Brownsville, USA.
Lindner R. University of Konstanz, Konstanz, Germany.
Šmigel M. Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia.
Upadhyay A. Centre for Russian and Central Asian Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India.
Wolański F. Institute of History, University of Wrocław, Wrocław, Poland.
Yanouski A. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zherebtsov I. L. Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Komi Republic.

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

- Bryhadzin P. I.** Institute of Business, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Duk D. V. Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
Fedosik V. A. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Karpov S. P. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Karpyuk S. G. Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Khodzin S. N. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kolesnyk V. F. Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv, Ukraine.
Koshelev V. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kosmach V. A. Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Vitebsk, Belarus.
Kovalenya A. A. National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Larin M. V. Institute for History and Archives, Russian State University for Humanities, Moscow, Russia.
Lavrinovich D. S. Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
Lokotko A. I. National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Marzaluk I. A. House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Miazga M. M. Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus.
Miknys R. Institute of Lithuanian History, Vilnius, Lithuania.
Nechukhrin A. N. Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.
Pilipenko M. F. Kandrat Krapiva Institute of Arts Studies, Ethnography and Folklore of the Center for the Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Shadurski V. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Tumans H. University of Latvia, Riga, Latvia.
Vabishchevich A. N. Brest State University named after A. S. Pushkin, Brest, Belarus.
Widder E. Medieval History Institute, Eberhard Karls University of Tübingen, Tübingen, Germany.

ОТ РЕДАКЦИИ АД РЭДАКЦЫІ EDITORIAL

Пытанне зямлі і волі ў яго шырокім значэнні стаяла вельмі востра на працягу так званага доўгага XIX стагоддзя на тэрыторыі амаль усёй Цэнтральнай і Усходняй Еўропы. Звычайнаму абывацелю, які не заглыбляеца ў гістарычныя праблемы, можа здавацца, што гэта пытанне тычылася выключна справы ўласнасці на зямлю і асабістай свабоды сялян і што змяненне пэўных прававых норм – наданне сялянам волі і перадача ім зямельных надзелаў – выпраўляла сітуацыю і адкрывала шлях да хуткага капіталістычнага развіцця. З аднаго боку, сапраўды так і было, але калі паглядзеце на пытанне больш уважліва, то становіцца відавочным, што сутнасць праблем прыгонніцтва і феадальных перажыткаў крыеца ў глыбінных гаспадарчых адметнасцях жыцця і светапоглядзе людзей у розных частках Еўропы пачынаючы як мінімум ад Сярэдневякоўя. У пазнейшы перыяд гэта адбілася на асаблівасцях дзяржаваўтаральных працэсаў, паколькі доўгае існаванне прыгоннага права ва Усходняй Еўропе значна замаруджвала працэсы нацыянальнай эманспацыі сялянства, фарміравання гарадоў і гарадской субкультуры, рынку і рыначных адносін, культуры міжасабовых зносін, развіцця інфармацыйнай прасторы і новага светапогляду. Інакш нельга растлумачыць ні запозненасць многіх працэсаў капіталістычных пераўтварэнняў у краінах Цэнтральнай і Усходняй Еўропы, ні тыя іх асаблівасці, якія спадарожнічалі народам гэтай часткі кантынента ў шляху да мадэрнізацыі ў XIX–XXI стст. Шмат адметнасцей выяўляеца і пры паглыбленні ў праблематыку адмены прыгоннага права ў асобых частках Расійскай імперыі, у іншых рэгіёнах Усходняй Еўропы. У сферу гаспадаркі і права ўжо ў XIX ст. умешваеца яшчэ і палітыка. Гэта таксама адзін з тых аспектаў, які цікавіць сёння даследчыкаў пры вывучэнні з'явы прыгонніцтва.

Адмена прыгону не толькі перафарміравала гаспадарчыя і прававыя адносіны, але і глыбінна змяніла сацыяльную структуру грамадства, прыспешыла ўзнікненне новых сацыяльных сувязей і структур, паскорыла сацыяльную мабільнасць,

перайначыла традыцыйны вобраз вёскі. Разам з тым прыгонніцтва ўсё роўна пакідала ў спадчыну шматлікія рудыменты, якія адбіліся на гістарычным фундаменце Цэнтральнай і Усходняй Еўропы і якія выразна адчуваюцца, хоць і ў трансфармаваным выглядзе, да гэтага часу. Фактычна ў з'яве прыгонніцтва мы маем справу з адным з найбольш выразных і важных маркёраў адметнага шляху гаспадарчага, ментальнага і псіхагістарычнага развіцця народаў Цэнтральнай і Усходняй Еўропы, а нават і дзяржаваўтаральных працэсаў на гэтих тэрыторыях.

Безумоўна, адмена прыгону, як і любая іншыя тэктанічныя і прарыўныя змены ў жыцці людзей, што выводзяць грамадства на новы ўзровень развіцця, не магла не мець сваіх бенефіцыяраў, як і тых, хто нешта страчваў у выніку правядзення гэтай рэформы. Як бы там ні было, але ўсё грамадства наогул, канечно, выступала бенефіцыярам гэтых рэвалюцыйных перамен. Вывучэнню складаных механізмаў трансфармациі, запушчаных адменай прыгоннага права, мадэрнізацыйных змен у сферы міжаслоўных, гаспадарчых і сацыяльных адносін, якія ахоплівалі грамадства, а таксама адметнасцей функцыянавання і адмены прыгону ў беларускіх губернях прысвечаны артыкулы тэматычнага раздзела.

У артыкуле прафесара А. Г. Каханоўскага «Пачатак трансфармациі беларускай вёскі» разглядаюцца праблемы пачатку сістэмнай трансфармациі беларускай вёскі ў выніку рэформы 1861 г., пераходу ад традыцыі да мадэрну, змены сацыяльна-еканамічнай арганізацыі і культурнага жыцця вёскі, дэмографічных паводзін і іншыя аспекты жыцця сельскага насельніцтва. Аўтар акцэнтуе ўвагу на tym, што прыгонная гаспадарка ў Беларусі напярэдадні яе скасавання была прадстаўлена шырэй, чым у многіх іншых рэгіёнах Расійскай імперыі, а змены ва ўмовах адмены прыгоннага права на тэрыторыі Беларусі, здзейсненыя ўладамі Расійскай імперыі ў сувязі з паўстаннем 1863 г., мелі па глыбіні наступстваў фактычна характар са-мастайной рэформы.

У артыкуле А. В. Бурачонка «Прамысюла-гандлёва развіццё Мінска ў канцы XIX – пачатку XX ст.» на аснове матэрыялаў справаводства і стацтыстычных крыніц Расійскай імперыі даследуецца развіццё галоўных напрамкаў прадпрымальніцкай дзейнасці ў Мінску ў акрэслены перыяд, паказаны колькасныя і якасныя змены ў галіне прамысюла-сці і гандлю, ахарактарызаваны стан крэдытнай справы, выяўлены інстытуцыянальныя змены ў эканамічным жыцці горада ў парэформенны перыяд. У высновах паказаны ўплыў мадэрнізацыйных працэсаў на развіццё дзелавой актыўнасці гараджан у канцы XIX – пачатку XX ст.

Г. І. Маскеўіч у артыкуле «Сельская грамада ў Беларусі пасля адмены прыгоннага права» вызначае ролю і функцыі сельской грамады ў Беларусі пасля 1861 г. праз выяўленне адрозненняў па-

між тэрмінамі «грамада» і «абшчына», паказвае афіцыйную структуру сельской грамады і яе нефармальны ўплыў на сялянскае жыццё ў Беларусі.

У артыкуле А. Б. Арлукевіча «Ваенны пастой і пастойная павіннасць у Беларусі (сярэдзіна 1850-х – сярэдзіна 1870-х гг.)», які завяршае тэматычны раздзел, раскрываеца прырода воінскага пастою і пастойнай павіннасці эпохі аляксандраўскіх рэформ, якія ў маштабах Расійскай імперыі аказаліся найбольш распаўсюджанымі менавіта ў беларускіх губернях, але да апошняга часу не становіліся прадметам даследавання беларускіх гісторыкаў. Аўтар паказвае, што ваенны пастой па прычыне асаблівага геастратэгічнага становішча беларускіх губерняў у сярэдзіне 1850-х – сярэдзіне 1870-х гг. з’яўляўся неад’емным атрыбутам паўсядзённага жыцця сотняў тысяч іх жыхароў.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

ТЭМАТИЧНЫ РАЗДЗЕЛ

SPECIAL TOPIC SECTION

К 160-летию отмены крепостного права в Российской империи

Да 160-годдзя адмены прыгоннага права ў Расійскай імперыі

On the 160th anniversary of the abolition of serfdom in the Russian Empire

УДК 94(476)«1861/1914»

НАЧАЛО ТРАНСФОРМАЦИИ БЕЛОРУССКОЙ ДЕРЕВНИ

А. Г. КОХАНОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассмотрено начало системной трансформации белорусской деревни, ее перехода от традиции к модерну, что охватил социально-экономическую организацию, культурную жизнь, демографическое поведение, глубинные процессы идентификации крестьянства, связанные с отменой крепостного права, которая, в свою очередь, была первой и важнейшей в ряду буржуазных реформ. Акцентируется внимание, что крепостное хозяйство в Беларуси накануне его ликвидации было распространено шире, чем во многих других регионах Российской империи. Показаны механизмы реализации крестьянской реформы 1861 г., его особенности в Беларуси, охарактеризовано поземельное устройство различных категорий сельских жителей. Утверждается, что изменения в условиях отмены крепостного права на территории Беларуси, которые были реализованы властями Российской империи в связи с восстанием 1863 г., имели по глубине последствий фактически характер самостоятельной реформы. Делается вывод, что главный итог реформы 1861 г. – раскрепощение личности крестьянина, а судьба модернизационных процессов в Беларуси во второй

Образец цитирования:

Каханоўскі АГ. Пачатак трансфармацыі беларускай вёскі. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя.* 2021;1:7–14.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-1-7-14>

For citation:

Kakhanouski AG. The beginning of transformation of the Belarusian village. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2021;1:7–14. Belarusian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-1-7-14>

Автор:

Александр Геннадьевич Кохановский – доктор исторических наук, профессор; декан исторического факультета.

Author:

Aliaksandr G. Kakhanouski, doctor of science (history), full professor; dean of the faculty of history.
kohanovsky@bsu.by

половине XIX – начале XX в. зависела прежде всего от степени включенности в них сельских жителей, которые стали в результате реформы субъектами социально-экономических, общественно-политических, культурных процессов.

Ключевые слова: Беларусь; белорусские губернии Российской империи; отмена крепостного права; трансформационные изменения в деревне; крестьянство.

ПАЧАТАК ТРАНСФАРМАЦЫІ БЕЛАРУСКАЙ ВЁСКІ

А. Г. КАХАНОЎСКІ^{1*}

¹ Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Разгледжаны пачатак сістэмнай трансфармацыі беларускай вёсکі, яе пераходу ад традыцый да мадэрну, што закрунуў сацыяльна-эканамічную арганізацыю, культурнае жыццё вёсکі, дэмаграфічныя паводзіны, глыбінныя працэсы ідэнтыфікацыі сялянства, звязаныя з адменай прыгоннага права, якая, у сваю чаргу, была першай і важнейшай у шэрагу буржуазных рэформ. Акцэнтуецца ўвага на больш шырокім распаўсюджанні, чым у многіх іншых рэгіёнах Расійскай імперыі, прыгоннай гаспадаркі напярэдадні яе скасавання. Паказаны механизм рэалізацыі сялянскай рэформы 1861 г., яго асаблівасці ў Беларусі, ахарактарызаваны пазамельнае ўладкаванне розных катэгорый сельскіх жыхароў. Сцвярджаецца, што змены ва ўмовах адмены прыгоннага права на тэрыторыі Беларусі, якія былі здзеіснены ўладамі Расійскай імперыі ў сувязі з паўстаннем 1863 г., мелі па глыбіні наступстваў фактычна характар самастойнай рэформы. Робіцца выснова, што галоўнымы вынікі рэформы 1861 г. – разніволенне асобы селяніна, а лёс мадэрнізацыйных працэсаў у Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. залежаў перш за ўсё ад ступені ўключанасці ў іх сельскіх жыхароў, якія сталі ў выніку рэформы суб'ектамі сацыяльна-эканамічных, грамадска-палітычных і культурных працэсаў.

Ключавыя слова: Беларусь; беларускія губерні Расійскай імперыі; адмена прыгоннага права; трансфармацыйныя змены ў вёсцы; сялянства.

THE BEGINNING OF TRANSFORMATION OF THE BELARUSIAN VILLAGE

A. G. KAKHANOUSHKI^a

^a Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article presents the beginning of the systemic transformation of the Belarusian village, its transition from tradition to modernity linked with the abolition of serfdom, which in its turn was the first and most important reform together with other bourgeois reforms. Transformation of the village embraced the socio-economic organisation, cultural life of the village, demographic behaviour, ingrained peasantry identification. The author draws attention to the fact that economy based on serfdom in Belarus shortly before its abolition was more widely represented than in many other regions of the Russian Empire. The author goes on to show the process of implementation of the reform of 1861, its peculiarities in Belarus. Also the land arrangement of various categories of peasantry is characterised. The author states that in conditions of abolition of serfdom on the territory of Belarus changes carried out by the authorities of the Russian Empire owing to the uprising of 1863 actually had the nature of an independent reform in terms of intensity of their consequences. The author concludes that the main result of the reform of 1861 was the attainment by peasants of personal liberty, while the fate of modernisation processes in Belarus in the second half of the 19th – the beginning of the 20th century, first of all, depended on the degree of involvement peasants in these processes, who consequently became subjects of socio-economic, socio-political and cultural processes.

Keywords: Belarus; Belarusian governorates of the Russian Empire; the abolition of serfdom; transformation of the village; the peasantry.

Уводзіны

Традыцыйная беларуская вёска зведала шмат рэформ. Моцнае ўздзеянне на яе развіццё аказалі і пераход да фальваркова-паншчыннай гаспадаркі ў XVI ст., і правядзенне інвентарнай рэформы

ў памешчыцкай вёсцы, і люстрацыя дзяржаўных уладанняў у першай палове XIX ст. Іх уплыў, асабліва першай з названых, адчуваўся нават у пачатку XX ст. Аднак сістэмную трансфармацыю, якая

закранула не толькі сацыяльна-эканамічную арганізацыю, але і культурнае жыццё, дэмографічныя паводзіны, глыбінныя працэсы ідэнтыфікацыі сялянства, беларуская вёска зведала ў сувязі з пераходам ад традыцыі да мадэрну. Пачатак гэтаму працэсу, што расцягнуўся на дзесяцігоддзі, паклала

адмена прыгоннага права. Яна стала першай і важнейшай у шэрагу буржуазных рэформ у Расійскай імперыі. З моманту падпісання 19 лютага 1861 г. заканадаўчых дакументаў аб вызваленні прыгонных сялян, закліканых вырашыць іх імкненне да зямлі і волі, мінула 160 гадоў.

Метадалогія і гісторыяграфія даследавання

Правядзенне сялянскай рэформы стала хрэстатматыйнай тэмай для ўсіх без выключэння вучэбных выданняў па айчыннай гісторыі XIX – пачатку XX ст., ад школьніх да ўніверсітэцкіх. Аднак да сённяшняга дня няма сучаснай спецыяльнай працы аб адмене прыгоннага права ў Беларусі. Больш за тое, сярод даследчыкаў нярэдка адсутнічае адзінства ў вызначэнні перадумоў, ступені падрыхтаванасці, характеристу і вынікаў адмены прыгоннага права ў суаднясенні са ступенню задаволенасці галоўнага адрасата рэформы – сялянства. У беларускай гісторыяграфіі найбольш вядомымі з'яўляюцца перш за ўсё два спецыяльнія даследаванні па адмене прыгоннага права ў Беларусі – працы М. Б. Фрыдман [1] і М. М. Улашчыка [2], якія былі створаны ў сярэдзіне мінулага стагоддзя. Упльў сялянскай рэформы на далейшае развіццё беларускай вёскі знайшоў адлюстраванне ў даследаваннях Л. П. Ліпінскага [3], В. П. Панюціча [4; 5] і інш. У савецкай і сучаснай беларускай гісторыяграфіі сялянская рэформа разглядалася пераважна на старонках раздзелаў агульняючых навуковых выданняў, навучальных дапаможнікаў, манаграфічных даследаванняў, прысвечаных сацыяльна-эканамічнаму развіццю беларускай вёскі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. [6–11]. Па-за ўвагай даследчыкаў засталіся пытанні сацыяльна-прававога становішча прыгонных сялян напярэдадні рэформы, раскрыцця механізма практичнай рэалізацыі сялянскай рэформы ў Беларусі, дэтальнага вывучэння сельскай грамады, асаблівасцей яе функцыянавання як важнага інстытута жыцця паслярэформеннай вёскі, а таксама дзейнасці міравых пасрэднікаў па ўрэгулюванні спрэчных пытанняў паміж памешчыкамі і сялянамі. У айчынным гісторыяграфічным дыскурсе нярэдка прысутнічае негатывісцкі, часам спрошчаны

падыход у ацэнцы вынікаў сялянскай рэформы. У гэтым сэнсе харктэрнай для савецкай і часткова для сучаснай беларускай гісторыяграфіі з'яўляецца пазіцыя аўтараў адпаведнага раздзела другога тома выдання «Гісторыя сялянства Беларусі» адносна характеристу і вынікаў рэформы 1861 г. Яны звяртаюць увагу на «прыгонніцкую сутнасць урадавай праграмы вызвалення сялян», грабежніцкія ўмовы рэформы, калі за сялянамі былі замацаваны «недастатковыя і часта недабраякасныя надзелы» [8, с. 42, 62]. У выніку робіцца выснова, што рэформа «была самай буйной уступкай прыгоннікаў і іх дзяржавы, з дапамогай якой яны спадзяваліся адстаяць і пры капіталізме ў непарушным стане панскае землеўладанне і самадзяржаўе» [8, с. 115]. Больш узважана, з улікам складанасцей падрыхтоўкі, недасканаласцей рэалізацыі і велізарнага станоўчага значэння для далейшага развіцця беларускай вёскі адмена прыгоннага права на аснове выкарыстання вялікай колькасці крыніц і сучасных гісторыяграфічных падыходаў паказана ў раздзеле, падрыхтаваным А. Ф. Рацько, у калектыўным выданні «Сацыяльна-эканамічнае развіццё Беларусі (канец XVIII – пачатак XX ст.)» [12].

Стварэнне цэласнай карціны рэалізацыі сялянскай рэформы ў Беларусі, вызначэнне яе глыбіні і паслядоўнасці, ступені задаволенасці галоўнага адрасата, вырашэнне дыскусійных пытанняў тэмы на сёняшні дзень патрабуюць пераасэнсавання вялізнага масіву крыніц, найперш матэрыялаў справаўства, статыстычных, этнографічных даных, крыніц асабістага паходжання. Акрамя агульна-навуковых і спецыяльна-гістарычных метадаў, даследаванне адмены прыгоннага права патрабуе выкарыстання тэорыі мадэрнізацыі і міждысцыпленіарнага падыходу.

Асноўная частка

У першай палове XIX ст. прыгонная гаспадарка ў Беларусі была распаўсюджана шырэй, чым у многіх іншых рэгіёнах Расійскай імперыі. Пасля далучэння да апошняй у Беларусі да пачатку XIX ст. значна скарацілася дзяржаўнае землеўладанне. Толькі ў заходній яе частцы ў прыватную ўласнасць было перададзена больш за 42 тыс. душ сялян [2, с. 50]. Бліжэй да сярэдзіны XIX ст. колькасць дзяржаўных сялян пачала павялічвацца за кошт канфіскацыі памешчыцкіх і секулярызацыі царкоўных уладан-

няў. Напярэдадні адмены прыгоннага права ўдзельная вага памешчыцкага землеўладання ў беларускіх губернях складала 66,8 % ад агульной плошчы ўгоддзяў. У той жа час гэты паказык па еўрапейскай частцы Расійскай імперыі быў значна нижэйшы – 24,7 % [12, с. 130]. Прыйгонныя сяляне ў Віленскай губерні складалі 45,95 % ад агульной колькасці насельніцтва, у Віцебскай – 57,08, Гродзенскай – 40,97, Мінскай – 60,74, Магілёўскай – 64,69 %. Па еўрапейскай частцы Расійскай імперыі

сярэдні паказчык удзельнай вагі прыгоннага сялянства быў ніжэйшы – 37,51 %¹. Магілёўская губерня па велічыні згаданага паказчыка займала трэцюю пазіцыю ў Расійскай імперыі, Мінская – пятую, Віцебская – дванаццатую, Віленская – дваццатую, Гродзенская – дваццаць другую².

Наогул сярод сялянства Беларусі незадоўга да правядзення рэформы 1861 г. па прававым становішчы вылучаліся шэраг саслоўных разрадаў. Паводле даных 1858 г., памешчыцкая сяляне складалі 76,0 % ад іх агульнай колькасці, дзяржаўныя – 19,5, ленные – 0,75, удзельныя – 0,68 % і інш. [5, с. 29]. Неаднародны склад вясковых жыхароў Беларусі стаў непасрэдным вынікам перапляцення ранейшых эканамічных адносін, якія ўсталяваліся яшчэ ў часы існавання Рэчы Паспалітай, і здзяйснення ўрадавай палітыкі Расійскай імперыі.

Варта падкрэсліць, што ўжо пасля адмены прыгоннага права ў 1863 г. у структуры сялянства беларускіх губерняў абсалютную большасць складалі быўшыя прыгонныя – 73,5 %, дзяржаўныя сяляне – 26,1, удзельныя сяляне – 0,4 % і інш.³ У другіх рэгіёнах еўрапейскай часткі Расійскай імперыі гэтыя групы насельніцтва складалі адпаведна 46,8; 46,5 і 6,7 %. У Беларусі сярод сялян адчувальна большым быў працэнт былых прыгонных.

Ініцыятыва па адмене прыгоннага права ў Расійскай імперыі зыходзіла ад вярхоўнай улады. Аднак для правядзення сялянскай рэформы існавалі і аб'ектыўныя перадумовы. Многія землеўласнікі, асабліва ў заходніх губернях дзяржавы, паступова ўключаліся ў таварна-грашовыя адносіны, і захаванне прыгону для іх становілася неіхаданым. У Беларусі памешчыцкая гаспадаркі вылучаліся больш раннім уцягнутасцю ў развіццё капіталістычных адносін, а таксама спалучэннем у іх вытворчасці сельскагаспадарчага і прымесловага кірункаў. Вопыт суседніх польскіх і прыбалтыскіх губерняў, дзе ўжо даўно не існавала прыгоннага права, падказваў правільны шлях. Далейшае развіццё краіны, мадэрнізацыя яе эканомікі быўлі абмежаваны наяўнасцю пазаэканамічнага прымусу прыгонных сялян.

Для абмеркавання мерапрыемстваў па падрыхтоўцы і рэалізацыі адмены прыгоннага права ў Расійскай імперыі імператар Аляксандр II стварыў у студзені 1857 г. Сакрэтны камітэт. Аднак упершыню аб жаданні скасаваць прыгонніцтва Аляксандр II заявіў яшчэ ў сакавіку 1856 г. падчас сустрэчы з прадстаўнікамі маскоўскага дваранства [10, с. 11]. Ідэя вярхоўнай улады вызваліць сялянства выклікала вельмі стрыманую рэакцыю землеўласнікаў цэнтральных губерняў Расійскай

імперыі. У такім выпадку імператар вырашыў звярнуцца за падтрымкай да памешчыкаў беларускіх і літоўскіх губерняў, якія папярэдне неаднаразова выказваліся за вызваленне сялян ад прыгону і мелі ўласныя праекты рэалізацыі рэформы. Стымулам для іх згоды пры абмеркаванні будучай рэформы стала непазбежнасць увядзення ў беларускіх губернях абавязковых інвентароў і ўрэгулювання адносін паміж прыгоннымі сялянамі і землеўласнікамі паводле правіл 1844 г., што магло абмежаваць самавольства памешчыкаў і выклікала іх незадаволенасць. Праз віленскага генерал-губернатара У. І. Назімава была арганізавана ініцыятыва віленскага, гродзенскага, ковенскага дваранства па адмене прыгоннага права. Пры гэтым мясцовыя землеўласнікі былі аднадушнымі ў адмаўленні абавязковага продажу сялянам апрацоўваемай імі зямлі па фіксаваных дзяржавай цэнах, што прапаноўваўся вярхоўнай уладай. Такая ідэя адпавядала расійскому парадку ўраўнядальнага землекарыстання, але, на думку памешчыкаў беларускіх і літоўскіх губерняў, супяречыла мясцовай структуры эканамічнага жыцця, пры якім у вёсцы панавала падворнае землекарыстанне. Беларускія і літоўскія землеўласнікі лічылі больш прымальнай такую арганізацыю зямельных адносін у маёнтках, якая б стварала ўмовы для больш спрошчанай арэнды зямлі і прыцягнення мясцовых сялян у якасці вольнанаёмнай рабочай сілы.

Сваю пазіцыю памешчыкі Віленскай, Гродзенскай і Ковенскай губерняў выклікалі ў адрасах, якія ў верасні 1857 г. накіравалі імператару. У адказ на іх Аляксандр II звярнуўся 20 лістапада 1857 г. з рэскрыптом да віленскага генерал-губернатара У. І. Назімава, якім афіцыйна дазволіў абмяркоўваць праекты адмены прыгоннага права [10, с. 11]. У рэскрыпце наступаў жаданню беларускага і літоўскага дваранства прапаноўвалася перадаць сялянам іх сядзібы ва ўласнасць за гроши або за працу, а таксама ў карыстанне за аброк ці за паншчыну частку памешчыцкай зямлі для забеспечэння іх жыццёвых патрэб і спраўнага выканання абавязкаў перад дзяржавай і землеўласнікам [12, с. 143]. Сяляне, паводле гэтага дакумента, павінны былі атрымаць волю паступова. Акрамя таго, было прынята рашэнне аб стварэнні губернскіх дваранскіх камітэтаў для распрацоўкі праектаў адмены прыгону.

Рэскрыпт У. І. Назімаву афіцыйна паклаў пачатак падрыхтоўцы сялянскай рэформы ў Расійскай імперыі. Згода беларускіх і літоўскіх землеўласнікаў адмяніць прыгоннае права дала падставу расійскаму ўраду пашырыць мясцовую ініцыятыву на

¹ Тройницкий А. Крепостное население в России по 10-й народной переписи : стат. исслед. СПб. : Тип. К. Вульфа, 1861. С. 49.

² Там же. С. 85.

³ Статистический временник Российской империи. Вып. 1. СПб., 1866. С. 50–51.

ўсю дзяржаву. У лютым 1858 г. Сакрэтны камітэт быў рэарганізаваны ў Галоўны камітэт па сялянскай справе. Да канца 1858 г. дваранская камітэты былі створаны ва ўсіх губернях еўрапейскай часткі Расійскай імперыі. Зварот імператара Аляксандра II менавіта да беларускіх і літоўскіх памешчыкаў быў абумоўлены фактычна большай падрыхтаванасцю рэгіёна да вырашэння надзённага для дзяржавы сялянскага пытання.

Пачатак падрыхтоўкі рэформы выклікаў неадназначную рэакцыю з боку памешчыкаў. Многія з іх сустрэлі навіну з насцярожанасцю і трывогай, асабліва непакоіла неабходнасць прадставіць за выкуп сялянам іх сядзібную аселасць. Землеўласнікі пачалі абезсямельваць сялян, забіраць сялянскія лепшия ўгоддзі. Частка прыгонных былі пераведзены ў дваровыя ці адпушчаны на волю, але без зямлі. Гэта выклікала пратэст з боку сялян і занепакоенасць з боку ўлад. Напрыклад, 21 лютага 1858 г. У. І. Назімаў быў вымушаны забараніць адпусканне на волю сялян без зямлі [12, с. 144]. Пазней міністр юстыцыі В. М. Панін пад уплывам незадаволенасці з боку памешчыкаў дазволіў вызываць сялян без зямлі, але толькі з іх згоды, што, у сваю чаргу, часта парушалася.

19 лютага 1861 г. Аляксандру II падпісаў Маніфест аб адмене прыгоннага права і іншых заканадаўчых дакументы. На беларускія губерні пашыралася дзеянне агульнага і двух мясцовых палажэнняў. Паводле агульнага палажэння, сяляне атрымлівалі асабістую свободу, становіліся суб'ектамі права, маглі ад свайго імя заключаць грамадзянскія дамовы, весці судовыя справы, самастойна займацца промысламі і гандлем. Аднак гэта не азначала, што быўшыя прыгонныя сяляне былі ўраўнаванымі ў правах. Яны па-ранейшаму з'яўляліся саслоўем, якое аблкладалася падаткамі. Памешчык заставаўся ўласнікам усёй зямлі, аднак частка яе перадавалася ў карыстанне сялянам. Да заключэння выкупной здзелкі былы прыгонныя знаходзіўся ў часоваабавязаным становішчы і вымушаны быў выконваць на карысць землеўласніка агавораныя павіннасці. Пазярмельныя адносіны паміж памешчыкамі і часоваабавязанымі сялянамі рэгуляваліся ўстаўнымі граматамі.

Канкрэтны парадак землеўпарадкавання сялян і выканання імі павіннасцей рэгламентавалі мясцовыя палажэнні. На беларускія паветы Віцебскай і Магілёўскай губерняў распайсоджвалася Палажэнне для губерняў вялікарэспубліканскіх, новарасійскіх і беларускіх. Для Віленскай, Гродзенскай, Мінскай, а таксама Ковенскай губерняў улады выпрацавалі асобнае спецыяльнае палажэнне, што было абумоўлены пашырэннем тут падворнага землекарыстання і значнай актыўнасцю па ўвядзенні інвентароў.

У беларускіх паветах Віцебскай і Магілёўскай губерняў, дзе ў значна большай ступені прысутнічала абшчыннае землекарыстанне, зямельныя надзеі сялян вызначаліся ў залежнасці ад якасці глебаў: вышэйшы – ад 4 да 5,5 дзесяціны, ніжэйшы – 1/3 вышэйшага [10, с. 13]. Тут імкнуліся пакінуць той памер зямельных участкаў, якімі сяляне карысталіся да рэформы. Калі велічыня надзелу перавышала вышэйшы, то памешчык атрымліваў магчымасць адрэзаць частку на сваю карысць. Адным зrudыментай ранейшай эпохі было захаванне ў абшчынах кругавой парукі для гарантаванага выканання сялянамі сваіх павіннасцей.

У Віленскай, Гродзенскай і Мінскай губернях мясковым жыхарам перадавалася тая зямля, якой яны карысталіся да 1861 г. у адпаведнасці з уведзенымі інвентарамі. У тым выпадку, калі ў сялян зямлі заставалася больш, чым паказана ў інвентары, або калі ў памешчыка было менш 1/3 зручных земель, апошні меў права адрэзаць на сваю карысць да 1/6 часткі сялянскага надзелу. Тут адпаведна з умовамі мясцовага палажэння выдзеленыя участкі зямлі не маглі перадавацца несялянам⁴. У беларускіх губернях прадугледжвалася стварэнне ў кожным павете паверачных камісій, якія на працягу шасці гадоў пасля зацвярджэння ўстаўных грамат разбіralі спрэчкі і рознагалосці паміж сялянамі і памешчыкамі. Такі орган у велікарэспубліканскіх губернях не ствараўся. Супраць дзейнасці паверачных камісій выступілі мясцовыя памешчыкі, якія бачылі ў гэтым абмежаванне сваіх маёмынских правоў. Зямля перадавалася сялянам ва ўласнасць праз выкуп. Выкупная аперацыя вызначалася агульнымі для ўсіх губерняў правіламі. Выкупная сума разлічвалася ў такім памеры, што ў выпадку ўкладання яе ў банк пры ўмове 6 % гадавых памешчык павінен атрымліваць даход, які быў роўны ранейшаму гадавому аброку.

Усе лясы пакідаліся ва ўласнасці памешчыкаў. Сяляне маглі нарыхтоўваць дровы толькі з іх дазволу і за пэўную плату. Дзяржава для ажыццяўлення выкупной аперацыі давала сялянам доўгатэрміновую грашовую пазыку. Вясковыя жыхары на 49 гадоў рабіліся даўжнікамі дзяржавы і павінны былі вяртаць доўг з улікам працэнтаў – так званых выкупных плацяжкоў. На практицы памер выкупу перавышаў фактычны кошт зямлі. Акрамя выкупных плацяжкоў, сяляне вымушаны былі плаціць дзяржаве падаткі і зборы. Сумарна яны ў разліку на адну дзесяціну перавышалі выкупныя плацяжы.

Практычнымі мерапрыемствамі па ажыццяўленні рэформы займаліся міравыя пасрэднікі, якія павінны былі праверыць складзеныя ўстаўныя граматы, колькасць і якасць размежаваных угод-дзяў [13, с. 44]. Міравыя пасрэднікі прызначаліся

⁴Статистыка крестьянских дворов Виленской губернии. Вильно : Тип. А. Г. Сыркина, 1895. С. 5.

губернатарамі з ліку мясцовых памешчыкаў. Ім было падначалена сялянскае кіраўніцтва некалькіх валаасцей. Яны нярэдка сумленна выконвалі ўскладзенія на іх абавязкі, за што атрымлівалі скарті з боку землеўласнікаў, асабліва калі вырашалі спречныя пытанні на карысць сялян.

Азнямленне з умовамі адмены прыгоннага права праводзілася ў цэрквях і касцёлах у прысутнасці паліцыі. Незадавальненне выклікала ў сялян тое, што ім абяцалі толькі асабістую волю і то не адразу, а зямлю, на якой яны працавалі многія гады, неабходна было выкупашаць у памешчыка. Сельскім жыхарам не спадабаўся двухгадовы пераходны перыяд, на працягу якога міравым пасрэднікам патрэбна было скласці ў кожным маентку ўстаўная граматы.

Калі пачалося паўстанне 1863 г., расійскія ўлады стараліся пазбегнуць далучэння беларускіх сялян да паўстанцаў. Такое імкненне прымусіла ўрад пайсці на істотную радыкалізацыю ўмоў адмены прыгоннага права на тэрыторыі беларускіх і літоўскіх губерняў. Указам ад 1 сакавіка 1863 г. спыняліся часоваабавязаныя адносіны сялян у Віленскай, Гродзенскай, Мінскай, а таксама Ковенскай губернях і інфлянцкіх паветах Віцебскай губерні. 2 лістапада 1863 г. дзеянне ўказу было пашырана на Магілёўскую і беларускія паветы Віцебскай губерні. Гэтымі заканадаўчымі дакументамі сяляне пераvodзіліся на абавязковы выкуп сваіх надзелаў і становіліся сялянамі-уласнікамі. Выкупныя плацяжы змяншаліся на 20 %, а зямельныя надзелы былі павялічаны. За сялянамі замацоўвалася права на сервітутныя ўгоддзі, якімі яны карысталіся да рэформы 1861 г. У выніку праведзеных змен сяляне Гродзенскай губерні атрымалі зямлі на 12 % больш у параўнанні з дарэформенным перыядам, Віленскай губерні – на 16, беларускіх паветаў Віцебскай губерні – на 17 % больш і г. д. [10, с. 14]. Акрамя таго, у адпаведнасці з указам ад 17 жніўня 1863 г. выдзяляўся абавязковы трохдзесяцінны надзел сялянам, абеззямеленым у перыяд з 1846 па 1857 г., а ўказам ад 18 кастрычніка 1863 г. гарантавалася поўнае вяртанне надзелаў тым, хто быў іх пазбаўлены пасля 1857 г. Змены, праведзенныя ў сувязі з паўстаннем 1863 г., па сваім значэнні і наступствах могуць ацэнівацца як самастойная рэформа.

Пасля адмены прыгоннага права для памешчыцкіх сялян Беларусі з'явілася неабходнасць паземельнага ўладкавання іншых катэгорый сельскага насельніцтва. У маі 1867 г. быў прыняты закон, якім прадугледжвалася рэформа дзяржаўнай вёскі Беларусі, а таксама Літвы і Правабярэжнай Украіны [10, с. 14–15]. Паводле названага дакумента, землеўладкаванне дзяржаўных сялян праводзілася на той жа аснове, што і былых памешчыцкіх. Іх пераvodзілі на абавязковы выкуп і прылічалі да

сялян-уласнікаў. За дзяржаўнымі сялянамі Беларусі заставалася зямля, якая знаходзілася ў іх карыстанні да 1867 г. Памер зямельных надзелаў і сума выкупных плацяжоў за іх вызначаліся люстрацыйнымі камісіямі. Тэрмін пагашэння выкупнога доўгу складаў 46 гадоў. Ніякай фінансавай падтрымкі ад дзяржавы казённыя сяляне не мелі. Выкупныя плацяжы былі набліжаны па сваіх памерах да мясцовых рыначных цэн на зямлю і былі ніжэй, чым у былых памешчыцкіх сялян. У сувязі з паўстаннем расійскі ўрад у чэрвені 1863 г. вымушаны быў перавесці ўдзельных сялян на абавязковы выкуп. Апошняя атрымалі некалькі большыя надзелы, чым дзяржаўныя сяляне, і кошт гэтых надзелаў быў меншым. У ліпені 1864 г. апублікавалі ўказ аб паземельным уладкаванні вольных людзей. Нягледзячы на асабістую свабоду яны былі абавязаны плаціць падушны аброк ці адпрацоўваць за зямлю. Напярэдадні адмены прыгоннага права многіх з вольных людзей абеззямелі. У гэту катэгорию былі пераведзены мноствы прыгонных сялян. Паводле ўказу 1864 г., вольныя людзі, абеззямеленыя памешчыкамі пасля лістапада 1857 г., надзяляліся зямлём з правам выкупу на тых жа ўмовах, што і памешчыцкія сяляне, а пазбаўленыя зямлі да 1857 г. пакідаліся на 12 гадоў у якасці арандатарапаў [8, с. 107–108]. Адпаведна закону ад 9 чэрвеня 1886 г. на тэрыторыі Беларусі, Правабярэжнай Украіны і Літвы чыншавікоў пераvodзілі на абавязковы выкуп. Законам 1893 г. права выкупіць зямлю было нададзена праваслаўным арандатарам.

Перавод на выкуп памешчыцкіх, а затым і дзяржаўных сялян Беларусі, землеўпарадкаванне іншых катэгорый сельскіх жыхароў стварылі больш спрыяльныя ўмовы для сацыяльна-эканамічнай трансфармацыі беларускай вёскі ў адрозненне ад многіх іншых губерняў еўрапейскай часткі Расійскай імперыі. Пасля адмены прыгоннага права пачаўся працэс кансалідацыі розных груп сялян у межах аднаго саслоўя. У той жа час у пачатку XX ст. яшчэ адчуваўся падзел сялянства на былых памешчыцкіх, дзяржаўных, дваровых і інш., што было абумоўлена супярэчлівасцю ўрадавых мерапрыемстваў, а таксама наяўнасцю традыцыйных рыс ідэнтыфікацыі сялянства [14, с. 209–210].

Пасля адмены прыгоннага права сялянам даводзілася вучыцца самастойна вырашашаць гаспадарчыя пытанні, адстойваць свае права праз грамаду. Архіўныя крыніцы змяшчаюць вялікую колькасць матэрыялаў, паводле якіх можна меркаваць аб слабых месцах паслярэформеннага жыцця сялян. Адной з самых актуальных проблем была неабходнасць за гроши ці адпрацоўку нарыхтоўваць дровы ў панскіх лясах, незадаволенасць выклікала неўрэгуляванасць пытання аб магчымасці карыстання сумеснымі ўгоддзяямі (сервітутамі).

У сярэдзіне XIX ст. сяляне свой жыщёвы поспех звязвалі з заняткамі земляробствам і не прымалі «рознага роду промыслы»⁵. Правядзенне рэформы 1861 г., наступнае ўладкаванне іншых груп сельскіх жыхароў разняволі сялянства, аднак у 1860–80-х гг. яго акты́насць была звязана перш за ёсё з набыццём зямлі. У 1880–90-х гг. ва ўмовах сусветнага аграрнага крызісу адбыўся пералом у сацыяльна-эканамічным развіцці беларускай вёскі [15, с. 233].

Заключэнне

У апошнія два дзесяцігоддзі на навуковых мера-прыемствах, прысвечаных юбілейным датам з на-годы адмены прыгоннага права, выказваліся розныя меркаванні адносна ступені падрыхтаванасці рэформы, узроўню эканамічнай эффектыўнасці пры-гоннай гаспадаркі напярэдадні яе ліквідацыі і нават магчымасці далейшага яе функцыянування. Аднак у ацэнцы сялянскай рэформы 1861 г. павінен брацца пад увагу перш за ёсё яе галоўны вынік – дэфеадалізацыя працы, разняволенне асобы селяніна. Нельга гаварыць аб станаўленні грамадзянскай супольнасці, нават яе элементаў, пакуль значная частка насельніцтва (а ў Беларусі гэта больш паловы ад агульнага ліку) праз свой прыгонны стан пазбаўлены звычайных чалавечых імпульсаў да самаразвіцця, магчымасці самастойна ўдзельнічаць у сацыяльна-эканамічным і грамадскім жыцці.

Лёс мадэрнізацыйных працэсаў у Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. залежаў перш за ёсё ад ступені ўключанасці ў іх сялянства. Адмена

Узрасла колькасць лішняй працоўнай сілы, многія прадстаўнікі сельскага насельніцтва імкнуліся працаваць у гарадзе прымесі. На мяжы XIX–XX стст. у сялян стала прайяўляцца схільнасць да гаспадарчых навацый, прадпрымальніцтва [16, с. 25]. Акрамя таго, у той жа перыяд сялянства ахапілі працэсы сацыяльнай мабільнасці, перш за ёсё гарызантальнай, аднак з часам больш частымі становішчамі выпадкі вертыкальной.

пригоннага права адкрыла магчымасці глыбінных сацыяльных зрухаў у сельскім асяроддзі. Аднак пасапраўданому сялянству адыграла вызначальную ролю ў разгортванні трансфармацыйных працэсаў у беларускім грамадстве толькі пад уплывам сусветнага аграрнага крызісу 1880-х гг., калі яно вымушана было ўлічваць у сваёй гаспадарчай дзеянасці тэндэнцыі развіцця таварна-грашовых адносін і рыначную кан'юнктuru. У сваю чаргу, гэта запатрабавала ад сялянства змяніць адносіны да адучакці, уключыцца ў сацыяльна-культурныя і міграцыйныя працэсы, зведаць, што ёсць яшчэ іншыя жыщёвыя сцэнарыі, акрамя традыцыйнай прывязанасці да зямельнай гаспадаркі. І самае галоўнае: больш шырокая распаўсюджанасць прыгонніцтва на тэрыторыі Беларусі, парайональна вялікая ўдзельная вага заняволенага сялянства сказала-ся на працэсах станаўлення мадэрнавай беларускай нацыі, запозненасці гэтага працэсу, паколькі прыгонны селянін па вялікім рахунку не мог мець сформіраваную нацыянальную ідэнтыфікацыю.

Бібліографічныя спасылкі

1. Фридман М.Б. *Отмена крепостного права в Белоруссии*. Минск: Издательство Белгосуниверситета; 1958. 202 с.
2. Улащик НН. *Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии*. Москва: Наука; 1965. 479 с.
3. Липинский ЛП. *Развитие капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии (II половина XIX в.)*. Минск: Наука и техника; 1971. 254 с.
4. Панютич ВП. *Историография аграрной истории Беларуси, 1861–1917 гг.* Минск: Институт истории НАН Беларуси; 2005. 262 с.
5. Панютич ВП. *Социально-экономическое развитие белорусской деревни в 1861–1900 гг.* Минск: Навука і тэхніка; 1990. 375 с.
6. Касцюк М, рэдактар. *Гісторыя Беларусі. Том 4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.)*. Мінск: Экаперспектыва; 2005. 519 с.
7. Гнатаценка ІМ, рэдактар. *Гісторыя Беларускай ССР. Том 2. Беларусь у перыяд капіталізму (1861–1917 гг.)*. Мінск: Навука і тэхніка; 1972. 688 с.
8. Сташкевіч МС, рэдактар. *Гісторыя сялянства Беларусі: са старажытных часоў да 1996 г. Том 2. Ад рэформы 1861 г. да сакавіка 1917 г.* Мінск: Беларуская навука; 2002. 552 с.
9. Зайончковский ПА. *Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г.* Москва: Издательство социально-экономической литературы; 1958. 470 с.
10. Каҳаноўскі АГ. Адмена прыгоннага права на тэрыторыі Беларусі: ход рэформы, яе наступствы і значэнне. *Беларускі гістарычны часопіс*. 2011;10:10–16.
11. Носевич ВЛ. *Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе*. Минск: Тэхналогія; 2004. 350 с.
12. Даніловіч ВВ, рэдактар. *Сацыяльна-эканамічнае развіццё Беларусі (канец XVIII – пачатак XX ст.)*. Мінск: Беларуская навука; 2020. 684 с.

⁵Крачковский Ю. Ф. Быт западнорусского селянина. М. : Унів. тип., 1874. С. 85.

13. Луговцова СЛ. Крестьянская реформа в Беларуси в воспоминаниях мировых посредников. У: Ходзін СМ, рэдактар. *Крыніца знаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Выпуск 7*. Мінск: БДУ; 2012. с. 37–48.
14. Каханоўскі АГ. *Сацыяльная трансформация беларускага грамадства (1861–1914 гг.)*. Мінск: БДУ; 2013. 335 с.
15. Довнар-Запольский МВ. *Народное хозяйство Белоруссии, 1861–1914 гг.* Минск: Издательство Госплана БССР; 1926. 239 с.
16. Бурачонак АВ. Сацыяльны склад прамысловых прадпрымальнікаў Беларусі (канец XIX – пачатак XX ст.). У: Коршук УК, рэдактар. *Працы гістарычнага факультэта БДУ. Выпуск 6*. Мінск: БДУ; 2011. с. 20–26.

References

1. Fridman MB. *Otmena krepostnogo prava v Belorussii* [The abolition of serfdom in Belarus]. Minsk: Izdatel'stvo Belgosuniversiteta; 1958. 202 p. Russian.
2. Ulashchik NN. *Predposyлki krest'yanskoi reformy 1861 g. v Litve i Zapadnoi Belorussii* [Prerequisites of the peasant reform of 1861 in Lithuania and Western Belarus]. Moscow: Nauka; 1965. 479 p. Russian.
3. Lipinskii LP. *Razvitiye kapitalizma v sel'skom hozyaistve Belorussii (II polovina XIX v.)* [Capitalist development of Belarusian agriculture, the second half of the 19th century]. Minsk: Nauka i tekhnika; 1971. 254 p. Russian.
4. Panyutich VP. *Istoriografiya agrarnoi istorii Belarusi, 1861–1917 gg.* [Historiography of the agrarian history of Belarus, 1861–1917]. Minsk: Institute of history of National Academy of Sciences of Belarus; 2005. 262 p. Russian.
5. Panyutich VP. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye beloruskoi derevni v 1861–1900 gg.* [Social and economic development of the Belarusian village in 1861–1900]. Minsk: Navuka i tjehnika; 1990. 375 p. Russian.
6. Kascjuk M, editor. *Gistoryja Belarusi. Tom 4. Belarus' u skladze Rasijskaj imperii (kanec XVIII – pachatak XX st.)* [History of Belarus. Volume 4. Belarus as a part of the Russian Empire in the end of the 18th – the beginning of the 20th century]. Minsk: Jekaperspektiva; 2005. 519 p. Belarusian.
7. Ignacenka IM, editor. *Gistoryja Belaruskaj SSR. Tom 2. Belarus' u peryjad kapitalizmu (1861–1917 gg.)* [History of the Belarusian SSR. Volume 2. Belarus during the period of capitalism (1861–1917)]. Minsk: Navuka i tjehnika; 1972. 688 p. Belarusian.
8. Stashkevich MS, editor. *Gistoryja sjaljanstva Belarusi: sa starazhytnyh chasow da 1996 g. Tom 2. Ad rjeformy 1861 g. da sakavika 1917 g.* [History of the Belarusian peasantry from ancient times to 1996. Volume 2. From the reform of 1861 to March of 1917]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2002. 552 p. Belarusian.
9. Zaionchkovskii PA. *Provedenie v zhizn' krest'yanskoi reformy 1861 g.* [Implementation of the peasant reform of 1861]. Moscow: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury; 1958. 470 p. Russian.
10. Kakhanouski AG. [The abolition of serfdom in Belarus: its implementation, consequences and importance]. *Belaruski gistrychny chasopis*. 2011;10:10–16. Belarusian.
11. Nosevich VL. *Tradicionnaya beloruskaya derevnya v evropeiskoi perspektive* [The traditional Belarusian village in European perspective]. Minsk: Tjehnalogija; 2004. 350 p. Russian.
12. Danilovich VV, editor. *Sacyjal'na-ekanamichnae razvicio Belarusi (kanec XVIII – pachatak XX st.)* [Social and economic development of Belarus in the end of the 18th – the beginning of the 20th century]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2020. 684 p. Belarusian.
13. Lugovtsova SL. [The peasant reform in Belarus in the memories of conciliators]. In: Khodzin SM, editor. *Krynicznavstva i specyjal'nyja gistrychnyja dyscypliny. Vypusk 7* [Source studies and auxiliary sciences of history. Issue 7]. Minsk: Belarusian State University; 2012. p. 37–48. Russian.
14. Kakhanouski AG. *Sacyjal'naja transformacija belaruskaga gramadstva (1861–1914 gg.)* [Social transformation of the Belarusian society (1861–1914)]. Minsk: Belarusian State University; 2013. 335 p. Belarusian.
15. Dovnar-Zapol'skii MV. *Narodnoe khozyaistvo Belorussii, 1861–1914 gg.* [National economy of Belarus, 1861–1914]. Minsk: Izdatel'stvo Gosplana BSSR; 1926. 239 p. Russian.
16. Burachonak AV. [Social structure of industrial entrepreneurs of Belarus in the end of the 19th – beginning of the 20th century]. In: Korshuk UK, editor. *Pracy gistrychnaga fakul'tjeta BDU. Vypusk 6* [Proceedings of the faculty of history of the Belarusian State University. Issue 6]. Minsk: Belarusian State University; 2011. p. 20–26. Belarusian.

Артыкул паступіў у рэдкалегію 25.01.2021.
Received by editorial board 25.01.2021.

УДК 94(476)«18/19»+323.3:63-051(091)«18/19»

СЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО В БЕЛАРУСИ ПОСЛЕ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА

А. И. МАСКЕВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются вопросы создания и функционирования сельских обществ в Беларуси после отмены крепостного права. Значительное внимание уделяется определению различий между терминами «сельское общество» и «крестьянская община», отмечаются территориальные особенности в деятельности сельских обществ в Беларуси, выделяются их формальная и неформальная структуры. Объект исследования – крестьянство Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. Предметом исследования выступают закономерности и особенности создания и существования сельской общины в Беларуси в преобразованный период. Выбор объекта и предмета исследования обусловлен значимостью крестьянства в структуре населения, важной ролью социальной трансформации крестьянства в модернизационных процессах на территории Беларуси в 1860–90-х гг. Цель исследования – определение роли и функций сельского общества в Беларуси после отмены крепостного права через выявление различий между терминами «общество» и «община», изучение его официальной структуры, отражение неформального влияния общества и общественного мнения на крестьянскую жизнь.

Ключевые слова: крестьянство; сельское общество; крестьянская община; сельский сход; сельский староста; общественное мнение.

Благодарность. Автор выражает благодарность доктору исторических наук, профессору декану исторического факультета Белорусского государственного университета Александру Геннадьевичу Кохановскому за помощь в написании статьи.

СЕЛЬСКАЯ ГРАМАДА Ў БЕЛАРУСІ ПАСЛЯ АДМЕНЫ ПРЫГОННАГА ПРАВА

Г. И. МАСКЕВІЧ^{1)*}

^{1)*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Разглядаюцца пытанні стварэння і функцыянування сельскай грамады ў Беларусі пасля адмены прыгоннага права. Значная ўвага надаецца вызначэнню адрознення паміж тэрмінамі «сельская грамада» і «сялянская ашчына», адзначаюцца тэрытарыяльныя асаблівасці ў дзеянасці сельскіх грамад у Беларусі, выдзяляюцца іх фармальная і нефармальная структуры. Аб'ект даследавання – сялянства Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. Прадметам даследавання выступаюць заканамернасці і асаблівасці стварэння і існавання сельскай грамады ў Беларусі ў парэформенны перыяд. Выбар аб'екта і прадмета даследавання абумоўлены значнасцю сялянства ў структуры насельніцтва, важнай роллю сацыяльнай трансфармацыі сялянства ў мадэрнізацыйных працэсах на тэрыторыі Беларусі ў 1860–90-я гг. Мэта даследавання – вызначэнне ролі і функцыі сельскай грамады ў Беларусі пасля адмены прыгоннага права праз выяўленне адрознення паміж тэрмінамі «грамада» і «ашчына», вывучэнне афіцыйнай структуры сельскай грамады Беларусі, адлюстраванне нефармальнага ўплыву грамады і грамадскай думкі на сялянскае жыццё.

Образец цитирования:

Маскевіч Г. Сельская грамада ў Беларусі пасля адмены прыгоннага права. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя*. 2021;1:15–25.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-1-15-25>

For citation:

Maskevich AI. The rural community in Belarus after the abolition of serfdom. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2021;1:15–25. Belarusian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-1-15-25>

Автор:

Анна Ивановна Маскевич – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета.

Author:

Anna I. Maskevich, PhD (history), docent; associate professor at the department of modern and contemporary history of Belarus, faculty of history.
annamaskevich@gmail.com

Ключавыя слова: сялянства; сельская грамада; сялянская абшчына; сельскі сход; сельскі стараста; грамадская думка.

Падзяка. Аўтар выказвае падзяку доктару гістарычных навук, прафесару дэкану гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта Аляксандру Генадзьевічу Каханоўскаму за дапамогу пры напісанні артыкула.

THE RURAL COMMUNITY IN BELARUS AFTER THE ABOLITION OF SERFDOM

A. I. MASKEVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article explores the creation and the functioning of rural societies in Belarus after the abolition of serfdom. Considerable focus is given to the definition of differences between the terms «rural society» and «peasant community». Territorial differences in the activities of rural societies in Belarus are noted and their formal and informal structure is highlighted. The object of the study is the peasantry of Belarus in the second half of the 19th – early 20th century. The subject of the study is the regularities and features of creation and existence of rural communities in Belarus in the post-reform period. The choice of the object and subject of the study is determined by the importance of peasantry in the population structure and the principal role of peasantry in the processes of social transformation and modernisation in Belarus in the 1860–90s. The goals of the study are to determine the roles and functions of rural society in Belarus after the abolition of serfdom by identifying the differences between the terms «society» and «community»; to investigate the official structure of rural society in Belarus; and to depict the informal influence of society and public opinion on peasant life.

Keywords: peasantry; rural society; peasant community; rural assembly; village headman; public opinion.

Acknowledgements. The author expresses gratitude to the doctor of science (history), professor dean of the faculty of history of the Belarusian State University Aliaksandr G. Kakhanouski for help during the writing of the article.

Уводзіны

Адмена прыгоннага права стала моцным штуршком для развіцця мадэрнізацыйных працэсаў як на тэрыторыі Беларусі, так і ва ўсёй Расійскай імперыі. Жыццё асноўнай часткі насельніцтва – сялянства – пачало актыўна і дынамічна змяняцца. У перыяд станаўлення капіталістычных адносін і развіцця нацыятворчых працэсаў у Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. менавіта сялянства стала асновай, з якой фарміраваўся новы сацыяльны пласт насельніцтва – пралетарыят, і сялянства стала той сацыяльнай групай, на падмурку якой фарміравалася беларуская нацыя. Вывучэнне тых працэсаў, што адбываліся ў сялянскім асяроддзі ў парэформенны перыяд (сюрод іх – развіццё таго-га інстытута, як сельская грамада), прадстаўляеца надзвычай важным і актуальным. Айчынная гістарыяграфія накапіла немалы досвед вывучэння сялянства, у тым ліку дзеянасці органаў сялянскага

самакіравання. Узгаданая тэма разглядаецца ў працах А. Г. Каханоўскага, В. П. Панюціча, У. А. Сосны, С. А. Талмачовай, С. М. Токця [1–6] і інш. Сельскую абшчыну ў больш ранні час (XVI–XVIII стст.) грунтоўна даследаваў В. Ф. Голубеў [7]. Важны аспект, які да сённяшняга часу застаецца практична па-за ўвагай даследчыкаў гісторыі Беларусі XIX ст., – вызначэнне адрозненняў паміж тэрмінамі «сельская грамада» і «сялянская абшчына», адлюстраванне фармальнаі ролі і нефармальных функцый сельскай грамады ў сялянскім асяроддзі.

Мэта даследавання – вызначэнне ролі і функцыі сельской грамады ў Беларусі пасля адмены прыгоннага права праз выяўленне адрозненняў паміж тэрмінамі «грамада» і «абшчына», вывучэнне афіцыйнай структуры сельской грамады Беларусі, адлюстраванне нефармальнага ўплыву грамады і грамадской думкі на сялянскае жыццё.

Метадалогія даследавання

Базавымі прынцыпамі даследавання з'яўляюцца аўтактыўнасць, гістарызм, сістэмны аналіз і каштоўнасны падыход. У аснову даследавання былі пакладзены такія агульнанавуковыя метады, як абагульненне, класіфікацыя, дэдукцыя і індукцыя, сінтэз і аналіз, параўнальны аналіз. Пры напісанні арты-

кула выкарыстоўваліся спецыяльна-гістарычныя метады, а таксама метады іншых навук. Так, з дапамогай гістарычна-сістэмнага метаду была вылучана афіцыйная структура сельской грамады Беларусі ў парэформенны перыяд. Параўнальная-гістарычныя метад дазволіў ахарактарызаваць рэгіональныя

асаблівасці функцыяновання ніжэйшага звяна сялянскага самакіравання на тэрыторыі Беларусі. Гістарычна-генетычны метад даў магчымасць прасачыць змены ў становішчы і ролі сельскай грамады ў сялянскім грамадстве на працягу 1860–90-х гг. З дапамогай гістарычна-тыпалагічнага метаду стала магчымым знайсці агульныя рысы фарміравання іерархічнай структуры сельскай грамады, упрадкаўваць прынцыпы і асновы вылучэння афіцыйных і нефармальных грамадскіх статусаў у сялянскім асяроддзі. Рэтраспектывны погляд на сацыяльную структуру грамады дазволіў выявіць характэрныя менавіта для парэформеннага перыяду рысы яе

існавання. Пры дапамозе метаду герменеўтыкі стала магчымым больш дэтальна і якасна выкарыстаць даныя этнографічных крыніц, правесці аналіз тэкстаў. Метады сацыялагічнага аналізу далі магчымасць зразумець і ахарактарызаваць сацыяльная ролі і статус розных іерархічных катэгорый сельскай грамады Беларусі ў парэформенны перыяд.

Крыніцаўную базу даследавання склалі за-канадаўчыя акты Расійскай імперыі, документы сялянскіх устаноў з фондаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі і Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі ў г. Гродне, статыстычныя і этнографічныя матэрыялы.

Вынікі і абмеркаванне

Пасля правядзення рэформы 1861 г. шэраг працэсаў, звязаных з усталяваннем новага пасля-прыгоннага ладу, для сялян Беларусі праходзілі аналагічна зменам у іншых рэгіёнах Расійскай імперыі. Асобныя трансфармацыі былі выключнай і адметнай характарыстыкай менавіта беларускага сялянства. Трэба адзначыць, што ў 1861 г. рэформа праводзілася для сялян, якія належалі памешчыкам, і дваровых людзей. На іншыя катэгорыі сялянства правілы выкупу зямельных надзелаў першапачаткова не распаўсюджваліся. Змены, прапісаныя ў асноўным і мясцовых палажэннях 1861 г., упершыню ўводзіліся для прыватнаўласніцкіх сялян, але не ўсе яны былі наватарскімі для астатніх жыхароў вёскі. Пэўныя асобныя палажэнні, якія ўводзіліся ў жыщё прыватнаўласніцкіх сялян, яшчэ ў першай палове XIX ст. былі вядомыя некаторым іншым катэгорыям згаданага слоя насельніцтва. Гэта тычыцца такога важнага элемента сялянскага жыцця, як органы кіравання і самакіравання. Асаблівай увагі заслугоўваюць пытанні стварэння, функцыяновання, развіцця сельскай грамады ў Беларусі і яе ролі ў парэформенным сялянскім жыцці.

Перш за ўсё неабходна разабрацца з тэрміналогіяй і зразумець адрозненні паміж тэрмінамі «сельская грамада» і «сялянская абшчына», блытаніна з якімі часам мела месца ў гісторыяграфіі. Адна з прычын такой сітуацыі – характэрнае для савецкай науکі імкненне да ўніфікацыі адлюстравання сацыяльнай і эканамічнай гісторыі розных рэгіёнаў Расійскай імперыі. Сялянская абшчына, як традыцыйная форма існавання сялянства, існавала ў многіх унутраных губернях, але ў рэчаіснасці была не настолькі арганічнай для сялянства Беларусі. Пасля падзелаў Рэчы Паспалітай тут пачала ўводзіцца такая форма сялянскага землекарыстання, як абшчына. Абшчыннае землекарыстанне было пашырана пераважна ва ўсходніх беларускіх губернях – Віцебскай і Магілёўскай. Сялянства Гродзенскай, Віленскай і Мінскай губерняў не ведала абшчыннай формы карыстання зямлі. Тут яна была падворнай, што абумовіла значны індывідуалізм саміх

гаспадароў, большую асабовую адказнасць у гэтых мясцовасцях.

Важныя сацыяльныя, ідэалагічныя, выхаваўчыя, грамадскія функцыі, якімі звычайна надзяляюць абшчыну, у Беларусі больш карэктна будзе вызначыць для грамадскай думкі і яе важнасці ў сялянскім асяроддзі. Традыцыйнасць і пэўны кансерватызм беларускай вёскі, значная роля думкі і меркавання аднавяскойцаў з'яўляліся неад'емным элементам сялянскага жыцця, уплывалі на многія рашэнні і ўчынкі, падштурхоўвалі да развіцця або стрымлівалі памкненні. Такая сітуацыя была тыповай для ўсяго беларускага сялянства як на заходзе, так і на ўсходзе. Гэта не залежала ад таго, былі абыяднаны жыхары пэўнай мясцовасці ў сялянскую абшчыну ці не.

Незалежна ад таго, існавала абшчына як форма землекарыстання ці абшчыннага землекарыстання ў сялян не было (а значыць, і абшчыны як формы землекарыстання), грамадская думка адыгрывала выключна важную ролю ў жыцці селяніна. У такім выпадку можна выкарыстоўваць тэрмін «абшчына», ці, яшчэ больш дакладна, «сялянская абшчына», для абавязання пэўнай нефармальнай ці надфармальнай катэгорыі, якая мела вялікі ўплыў на сялянскае жыццё. Менавіта ў такім выглядзе абшчына стала інстытутам, які існаваў са старадаўніх часоў і садзейнічаў «захаванню гаспадарчых, юрыдычных, бытавых і культурных традыцый, фарміраванню этнічнай агульнасці насельніцтва» [7, с. 5].

Магчымасць узвесці меркаванні грамадской думкі да ўзроўню афіцыйных пастаноў, дазволаў ці абмежаванні ўбыла ў большасці сялян пасля рэформы 1861 г. з увядзеннем такой адзінкі сялянскага самакіравання, як сельская грамада. Сельскія грамады ствараліся паўсюдна на тэрыторыі Беларусі незалежна ад форм землекарыстання сялян. Сельская грамада не з'яўлялася абліютна новым досведам у сялянскім жыцці. Яшчэ ў ходзе рэформы П. Дз. Кісялёва (1840) яна была ўведзена для дзяржаўных сялян. Праўда, такія сяляне на той момант складалі каля 20 % вясковых жыхароў усіх

беларускіх губерняў. У прыватнаўласніцкіх сялян афіцыйныя органы самакіравання з'явіліся толькі ў другой палове XIX ст.

З часоў рэформы П. Дз. Кісялёва дзяржаўных сялян афіцыйна называлі свабоднымі сельскімі абывацелямі. У Агульным палажэнні аб сялянах, што выйшлі з-пад прыгоннай залежнасці, ад 19 лютага 1861 г. (далей – Агульнае палажэнне) абвяшчалася, што памешчыцкім сялянам надаюцца «правы свабодных сельскіх абывацеляў»¹, гэта значыць іх асабістыя права павінны былі наблізіцца да тых, што мелі дзяржаўныя сяляне. Менавіта ў Агульным палажэнні былі пропісаны асноўныя правілы стварэння і функцыянування сельской грамады як ніжэйшай адзінкі сялянскай адміністрацыі. Акрамя гэтага дакумента, адмена прыгоннага права на тэрыторыі Беларусі рэгламентавалася яшчэ двумя мясцовымі палажэннямі: для губерняў Віленскай, Гродзенскай, Мінскай і часткі Віцебскай і для губерняў беларускіх² (да іх адносіліся Магілёўская і частка Віцебскай (Велікія, Віцебскі, Гарадзецкі, Лепельскі, Невельскі, Полацкі, Себежскі і Суражскі паветы, гэта значыць якраз беларуская частка Віцебскай губерні)). Неабходнасць выдання асобных мясцовых палажэнняў была выкліканая рознымі тыпамі сялянскага землекарыстання ў названых рэгіёнах, што патрабавала розных правіл надзялення сялян зямлём і адпаведнага ўладкавання паземельных адносін з памешчыкамі. У мясцовых палажэннях пропісаліся выключна пытанні зямельнага размеркавання і вызначаліся павіннасці на карысць памешчыка. Пытанні правоў сялян, арганізацыі самакіравання, размеркавання дзяржаўных, земскіх і мірскіх павіннасцей вырашаліся аднолькава для ўсіх рэгіёнаў Расійскай імперыі, у тым ліку і для беларускіх губерняў, і рэгламентаваліся артыкуламі Агульнага палажэння. Сельская грамада стваралася як адзінка сялянскага самакіравання, на яе ў складзе шэраг кантралюючых, фіскальных, паліцыйскіх, сацыяльных, ідэалагічных функцый. Ва ўсходніх губернях Беларусі да агульнараспавяджаных функцый дадавалася яшчэ і рэгуляванне паземельных адносін.

Па ўмовах рэформы 1861 г. сяляне заходніх губерняў Беларусі, дзе было распаўсюджана падворнае землекарыстанне, атрымлівалі свае дарэформенныя надзелы. Адрэзкі і пераразлікі зямлі на карысць

памешчыка, безумоўна, былі прадугледжаны, але існавалі і пункты ў падтрымку сялян. Напрыклад, у мясцовых палажэннях пропісаліся рэкамендаваныя памеры паншчыны з дзесяціны зямлі, аднак дазвалялася гэтыя памеры памяншаць у выпадку, калі да 1861 г. у сялян яны былі ніжэйшымі за новавызначаныя³. Па-іншаму адбывалася размеркаванне зямель ва ўсходніх губернях Беларусі. Пры наяўнасці абшчыннага землекарыстання было немагчыма вызначыць асабістыя дарэформенныя надзелы, таму ўлады вырашылі, што тут «предоставляется в постоянное пользование каждого сельского общества... надлежащее, по местным удобствам, количество земли, за которое крестьяне платят оброк или отбывают работу помещику»⁴ (курсіў наш. – A. M.). Сельская грамада ў дадзеным выпадку выступала яшчэ і землеўласнікам. Далей правіламі рэгламентаваўся яе склад. Туды павінны былі ўваходзіць усе асобы, што былі запісаны ў вёсцы па дзясяткай рэвізіі (падушны перапіс насельніцтва ў Расійскай імперыі, праведзены ў 1857–1859 гг.) за памешчыкам, акрамя тых, хто атрымаў асабістую свабоду раней. Прадугледжваўся і некаторы перагляд складу сельской грамады: да яе павінны былі прыпісацца сяляне з іншых маёнткаў аднаго памешчыка, калі яны змянілі месца жыхарства (пражывалі не ў той мясцовасці, дзе былі прыпісаны да грамады), а таксама дваровыя сяляне, якія карысталіся зямельнымі надзеламі (такім чынам, дваровыя пераходзілі ў разрад часоваабавязаных сялян або сялян-уласнікаў). Разам з тым сяляне, што раней не карысталіся надзелам і зямлю не апрацоўвалі, пры жаданні ці неабходнасці маглі быць выпісаны з грамады і ў размеркаванні зямлі не ўдзельнічалі.

Адрозненне ў функцыянуванні сельской грамады на заходзе і ўсходзе Беларусі заключалася пераважна ў тым, што ў губернях з абшчынным землекарыстаннем вырашэнне зямельных пытанняў выносілася на агульны сельскі сход, а для губерняў з падворным землекарыстаннем упрыгожвалася сельской грамады на вырашэнне паземельных пытанняў (звязаных з падворным землекарыстаннем) быў аблежаваны. Некаторыя даследчыкі гісторыі XIX ст. адзначалі, што і на ўсходзе абшчына існавала толькі на паперы, падпрацоўкаўшыся законам падворнага землеўладання.

¹ Высочайше утвержденное Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, от 19 февраля 1861 г. № 36657 // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 2 : в 55 т. Т. 36. 1861. Отд-ние 1. СПб., 1863. С. 141.

² Высочайшее утвержденное Местное положение о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях в губерниях: Великороссийских, Новороссийских и Белорусских, от 19 февраля 1861 г. № 36662 // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 2 : в 55 т. Т. 36. 1861. Отд-ние 1. СПб., 1863. С. 232.

³ Высочайшее утвержденное Местное положение о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях в губерниях: Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской и части Витебской, от 19 февраля 1861 г. № 36665 // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 2 : в 55 т. Т. 36. 1861. Отд-ние 1. СПб., 1863. С. 363.

⁴ Высочайшее утвержденное Местное положение о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях в губерниях: Великороссийских, Новороссийских и Белорусских, от 19 февраля 1861 г. № 36662 // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 2 : в 55 т. Т. 36. 1861. Отд-ние 1. СПб., 1863. С. 232.

Нягледзячы на больш актыўны ўдзел усходніх сельскіх грамад у вырашэнні зямельных пытанняў заходня грамады таксама не былі цалкам ад іх адхілены. Іх роля ў дадзеным выпадку была кантролючай. Калі за селянінам назапашваліся нядоімкі або выяўляліся іншыя выпадкі несумленнага адбывання ім павіннасцей, сельская грамада мела права і нават абавязана была ўдзельнічаць у выпраўленні падобных хібаў. Наступная сітуацыя, калі грамада ўдзельнічала ў вырашэнні зямельных пытанняў, узнікала ў выпадку пераразмеркавання спадчыннага ўладання. Перадаць свой спадчынны надзел іншаму гаспадару селянін мог толькі са згоды памешчыка і сельской грамады. Прычым перадаваць яго можна было выключна сялянам гэтай жа грамады. Сельская грамада павінна была сачыць і за tym, каб у межах адной грамады селянін не ўтрымліваў больш за трэх надзелы зямлі. Акрамя таго, існавалі пры падворным землекарыстанні і землі агульныя, якімі распараджалася сельская грамада. У прыватнасці, гэта былі «выпуски и никем не занятые пустопорожние места»⁵. Сельская грамада займалася размеркаваннем такіх земляў паміж сваімі членамі ў выпадку неабходнасці ўладкавання новых двароў ці апрашоўкі дадатковых зямель.

Такім чынам, сельская грамада ў парэформенны перыяд выступала формай грамадскай арганізацыі сялян, з'яўлялася афіцыйнай адзінкай самакіравання ў вёсцы, а сялянская абшчына прадстаўляла сабой форму сялянскага землеўладання, якое існавала ў сельской грамадзе разам з падворным.

Трэба адзначыць, што пытанне адрознення паміж тэрмінамі «сялянская абшчына» («мір») і «сельская грамада» стала ўздымацца яшчэ ў сярэдзіне XIX ст. пры падрыхтоўцы адмены прыгоннага права. Для распрацоўкі асноўных правіл вызвалення сялян урадам Расійскай імперыі былі створаны спецыяльныя рэдакцыйныя камісіі, якія неаднаразова абмяркоўвалі і пытанне аб размежаванні і значэнні названих тэрмінаў. У выніку рэдакцыйнымі камісіямі было прынята рашэнне аб неабходнасці аб'яднання гэтих двух розных інстытутаў. Прапанавалася замяніць звыклы і больш распаўсюджаны на той момант тэрмін «абшчына» («мір») тэрмінам «сельская грамада». Да сельской грамады, якая выконвала адміністрацыйныя функцыі, павінны былі перайсці і гаспадарчыя (звязаныя перш за ёсё з вырашэннем зямельных пытанняў) функцыі сялянскай абшчыны [8, с. 62–64]. Такім чынам, кантроль за землекарыстаннем і землеўладаннем сялян ад сялянскай абшчыны пераходзіў да сельской грамады. У такіх выпадках неабходна было прывесці ў адпаведнасць колькасны склад былой

абшчыны і новай сельской грамады. На практыцы нярэдка здаралася, што некалькі бытых абшчын апыналіся ў складзе адной грамады. У такіх выпадках на агульным сельскім сходзе, дзе прысутнічалі ўсе члены грамады, вырашаліся пераважна пытанні агульнаграмадскага значэння. Пры неабходнасці вырашэння пэўных паземельных праблем склікаліся сходы, на якія запрашаліся выключна гаспадары-абшчыннікі, што сумесна валодалі зямлём. Першапачаткова падобная сітуацыя рэгулявалася традыцыйнымі нормамі і толькі ў пачатку XX ст. была замацавана ў афіцыйным заканадаўстве. У 1902 г. выйшла новая рэдакцыя Агульнага пала жэння, у якой з'явілася такое паняцце, як «сelenныя сходы» [9, с. 635]. Гэтыя ўстановы павінны былі вырашаць зямельныя і звязаныя з імі падатковыя пытанні тых частак сельскіх грамад, што мелі «асобнае валоданне зямлём» [9, с. 635]. У той жа час сенат актыўна заняўся рэгулюваннем паземельных пытанняў і зацвердзіў, што ўласнікам зямлі пры абшчынным землекарыстанні выступае сельская грамада [9, с. 513]. Такім чынам, можна сцвярджаць, што сельская грамада з'яўлялася формай грамадскай арганізацыі сялян і ніжэйшай адзінкай сялянскага самакіравання, у той час як сялянская абшчына выступала формай сялянскага землекарыстання і землеўладання і паступова трансліравала свае функцыі сельской грамадзе, у якой абшчыннае землеўладанне існавала нароўні з падворным.

Пасля адмены прыгоннага права працэс фарміравання сельской грамады ў асяроддзі памешчыцкіх сялян строга рэгламентаваўся tym жа Агульным палажэннем. У прыватнасці, у адну сельскую грамаду маглі ўваходзіць толькі сяляне, што належалі аднаму памешчыку. Як правіла, гэта былі аднавяскі, але дазваляліся і некаторыя выключэнні. Калі пасяленне з'яўлялася рознапамесным, то тэрыторыя кожнага памешчыка складала асобную сельскую грамаду. Калі пасяленні былі зусім невялікімі (выселкі, хутары, аднаселлі і інш.), то іх можна было аб'ядноўваць у адной грамадзе, але пры абавязковай умове іх блізкага размяшчэння і карыстання агульнымі надзеламі ці наяўнасці «другіх общих хозяйственных выгод»⁶. Колькасць насельніцтва ў пасяленні, якое магло ўтварыць адну сельскую грамаду, не павінна была складаць менш за 20 рэвізскіх душ мужчынскага полу. У адваротным выпадку такое пасяленне прыпісвалася да іншай грамады або аб'ядноўвалася з такім ж невялікім пасяленнямі.

Некаторыя даследчыкі гісторыі канца XIX ст. выказвалі думку, што пасля адмены прыгоннага права ўлада памешчыкаў над сялянамі была заме-

⁵ Высочайше утвержденное Местное положение о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях в губерниях: Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской и части Витебской, от 19 февраля 1861 г. № 36665 // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 2 : в 55 т. Т. 36. 1861. Отд-ние 1. СПб., 1863. С. 352.

⁶ Высочайше утвержденное Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, от 19 февраля 1861 г. № 36657 // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 2 : в 55 т. Т. 36. 1861. Отд-ние 1. СПб., 1863. С. 147.

нена ўладай грамады, а праз яе – фактычна ўладай органаў сялянскага кіравання, якім у адміністрацыйным плане была падпарадкавана сельская грамада як ніжэйшая адміністрацыйная адзінка [10, с. 9]. Раней селянін не мог без згоды памешчыка змяніць месца жыхарства, правесці сямены раздзел і пад., а зараз ён не мог зрабіць гэтага без згоды грамады, якая з'яўлялася важным кантралюющим органам сялянскага жыцця з той асаблівасцю, што кантроль гэтых ажыццяўлялі самі сяляне – члены грамады.

З фарміраваннем і развіццем унутранай структуры сельскай грамады ў асяроддзі беларускага сялянства ўзнікалі новыя, нехарактэрныя раней для сялян, падмуркі сацыяльнага расслаення. Паступова фарміравалася новая ўнутрысаслоўная сацыяльная іерархія сялянства, якая вызначалася не толькі афіцыйным месцам асобы ў грамадзе, але і не-фармальныя роляй, ступенню грамадскага ўплыву і значнасці асобы. Афіцыйная структура сельской грамады дакладна вызначалася ў Агульным пала жэнні. Ніжэйшымі і самымі блізкімі да сялян установамі сялянскага самакіравання, якім была падпарадкавана дзеянасць грамады, з'яўляліся сельскія праўленні.

Сельскае праўленне складалася з сельскага старасты і сельскага сходу. Акрамя сельскага старасты, у вёсцы існавалі і іншыя службовыя асобы, якія забяспечвалі дзеянасць сельскага праўлення. Аднак трэба адзначыць сельскіх пісараў, зборшчыкаў падаткаў, дазорцаў хлебных запасных магазінаў, лясных і палявых вартаўнікоў, службы соцкіх і дзясяцкіх. Аднак у Беларусі па прычыне таго, што ў склад сельскіх грамад уваходзіла невялікая колькасць людзей, сельскія пісары ў многіх мясцовасцях замяняліся валаснымі. Тое ж магло быць і з сельскімі старастамі. У выпадку, калі ў воласці была адна грамада, пасада сельскага старасты скасоўвалася і яго абавязкі выконваў валасны старшина. У такіх сітуацыях для дапамогі валасному старшине выбіраўся яшчэ памочнік. Сельская грамада павінна была забяспечыць двух кандыдатаў, якія пры неабходнасці, надзвычайнай сітуацыі маглі хутка замяніць сельскага старасту на яго пасадзе. Пасады кандыдатаў не былі пастаяннымі, а толькі знаходзіліся на ўліку на выпадак хваробы ці адсутнасці афіцыйнага кіраўніка.

Пасада сельскага старасты была найвышэйшай у сельской грамадзе. Адначасова ў сістэме вясковай адміністрацыі сельскі стараста прадстаўляў ніжэйшае звязно кіраўніцтва. Прадстаўніком ніжэйшай адміністрацыі быў і валасны старшина, але сельскі стараста падпарадкоўваўся нават яму. Лічылася, што пасада першага мела большую знач-

насць і аўтарытэт сярод сялян [11, с. 29]. Тым не менш менавіта сельскі стараста выконваў непасрэдны нагляд за грамадой і ажыццяўляў кіраванне ёй, сачыў за выкананнем грамадой яе афіцыйных функцый. Валоданне ўладай, безумоўна, надавала селяніну, які займаў пасаду сельскага старасты, больш высокі афіцыйны статус у параўнанні з аднавяскочаўцамі, вылучала яго з шэрагу іншых членаў грамады. Разам з тым такі адносна высокі афіцыйны статус старасты не заўсёды адпавядаў яго рэальнаму становішчу, уплыву ў грамадзе і мог быць даволі зменлівым. Нярэдка здаралася так, што на працягу нават аднаго тэрміну службы статус старасты мяняўся, вагаўся ў розныя бакі, яго аўтарытэт то ўзрастай, то паніжаўся. Тэрмін службы сельскага старасты складаў тры гады, але законам не забараняліся і неаднаразовыя перавыбары адной і той жа асобы на гэту пасаду. Свайго абіралі кіраўніка самі ж члены грамады. Такая сітуацыя давала магчымасць атрымаць кіруючу пасаду ў залежнасці ад грамадскай думкі, павагі і аўтарытэту. У першыя парэформенные гады сяляне, якія імкнуліся да кіраўніцтва, намагаліся заваяваць тая самая аўтарытэт і павагу сярод аднавяскочаўцаў, дэманстравалі свае найлепшыя гаспадарчыя і чалавечыя якасці перад грамадой, што забяспечвала ім выбранне на пасаду. Даследчыкі сялянскага побыту часам адзначалі, што распаўсюджанымі заганамі вяскочаў былі лянота, непрацавітасць [12, с. 500; 13, с. 38]. У такіх умовах асновай для абрання на пасаду маглі стаць нават звычайнія гаспадарлівасць і дбайніцтва. З цягам часу сітуацыя нярэдка мянялася, неабходнасць у тым, каб залагодзіць грамаду, прападала, і вяскочы нярэдка пачыналі скардзіцца на сваё кіраўніцтва і выказваць незадаволенасць ім.

Заганы сельскіх стараст, якія выклікалі найбольшую незадаволенасць і абурэнне сялянства, – п'янства, хабарніцтва, злоўживанне службовымі паўнамоцтвамі – не былі незвычайнімі. Выбіраючы сабе кіраўніка, сяляне разлічвалі, што ён будзе ў першую чаргу адстойваць агульнаграмадскія інтарэсы, працаўаць для вяскочаў. На справе нярэдка здаралася, што сельскія старасты намагаліся выслужыцца перад вышэйшымі ўладамі і грэбавалі інтарэсамі сялян. Напрыклад, І. Ханевіч – стараста вёскі ў Слонімскім павеце – раздаваў дваранам і памешчыкам сялянскі хлеб (збожжа) з запасных сельскіх магазінаў, у падзяку за гэта ён атрымліваў будаўнічыя матэрыялы (лес) для свайго дома⁷. Нярэдкімі былі выпадкі, калі тыя ж сродкі з сельскіх запасных магазінаў ці з мірскіх сум, агульныя гроши на выплаты казённых нядоімак старасты выкарыстоўвалі для задавальнення ўласных патрэб (будаўніцтва жылля, гаспа-

⁷Нац. гіст. арх. Беларусі ў г. Гродне (НГАБ у г. Гродне). Ф. 12. Воп. 3. Спр. 266. Арк. 1, 7.

дарчых пабудоў, «сяброўства» з прадстаўнікамі вышэйшых улад)⁸. Здаралася і такое, што кіраўнікі вёскі ўчынялі пабоі членаў сялянскіх сем'яў, нават жанчын. Былі выпадкі, калі сяляне пасля гэтага заставаліся інвалідамі на ўсё жыццё⁹.

Падобныя сітуацыі прыводзілі да таго, што пасада сельскага старасты з цягам часу губляла сваю значнасць і прэстыж. На гэта былі і іншыя прычыны, звязаныя з паступовым знікненнем жадання ў саміх сялян быць выбранымі на гэту пасаду. Справа ў тым, што, акрамя кіруючых паўнамоцтваў і больш шырокіх магчымасцей, стараста меў і шэраг даволі адказных і няпростых абавязкаў. Ён нёс адказнасць за дзейнасць усёй грамады, скаардынаваць якую было не заўсёды проста. Выплата мірскіх і казённых падаткаў, выкананне грамадскіх і дзяржаўных абавязкаў, праца сельскага сходу і прыняцце агульных рашэнняў – усё гэта ляжала на плячах сельскага старасты. Ён адказваў за грамаду, і менавіта на яго ўскладалася пакаранне пры наяўнасці недахопаў па службе, нездавальнічых вынікаў працы сельскіх сходаў, нядоімак і г. д., хоць вінаваты ў гэтым быў не асабістая сельскі стараста, а ўся грамада ці асобныя неруплівия гаспадары, часам нават звычайнія прыродныя абставіны (пажары, павадкі і пад.).

Не спрыяла росту сацыяльнага статусу сельскага старасты і тое, што ён з'яўляўся прадстаўніком найніжэйшага звяна вясковай адміністрацыі і шмат у чым залежаў ад валасных, павятовых, губернскіх улад. Зразумела, у такіх умовах самастойнасць і магчымасці сельскага кіраўніцтва былі значна аблежаванымі. Нярэдка служба старасты прадстаўлялася хутчэй цяжарам, чым ганаровым абавязкам, таму паступова складвалася сітуацыя, калі сяляне не імкнуліся заняць гэту пасаду ў грамадзе. Не выпраўлялі сітуацыю нават ільготы і матэрыяльнае забеспечэнне, што належалі старастам. З цягам часу павялічвалася колькасць прашэнняў аб датэрміновым звольненні ад стараст, якія не жадалі працягваць службу, лічылі яе цяжкім абавязкам¹⁰. Пасада старасты ўжо не разглядалася як прэстыжная і аўтарытэтная, асабліва для прыстойных, сумленных, заможных гаспадароў. Апошнія дзяякуючы свайму матэрыяльнаму становішчу і без таго мелі аўтарытэт у грамадзе і маглі ўпłyvaць на працу сельскага сходу і прыняцця ім рашэнні. Такая сітуацыя стала прычынай таго, што выбары сельскага старасты нярэдка ператвараліся ў фармальнасць. Здаралася так, што выбранымі аказваліся сяляне, якія самі на сходзе не прысутнічалі, знаходзіліся нават за межамі Беларусі, былі на заробках

у іншых губернях Расійскай імперыі [2, с. 62]. Такія асобы павінны былі ў абавязковым парадку падпрадкавацца рашэнню грамады і тэрмінова вярнуцца на месца жыхарства для выканання сваіх абавязкаў. Падставамі для адмовы і змены рашэння грамады магло быць толькі тое, што селянін выбіраўся на пасаду ўжо не першы раз, або выплата ім грашовай кампенсацыі за нежаданне вяртацца і кіраваць грамадой. Як бачна, становішча кіраўніцтва сельскай грамады не было пастаянным і адназначным. Яно вызначалася не толькі афіцыйнымі паўнамоцтвамі і магчымасцямі, але і асабістымі якасцямі, уласнымі паводзінамі селяніна, грамадскай думкай. Высокі афіцыйны статус асобы не абавязкова забяспечваў яе нефармальнае лідарства.

Сельскі сход з'яўляўся афіцыйным кіруючым органам сельскай грамады, у дзейнасці якога былі адлюстраваны асноўныя яе функцыі. На сходзе вырашаліся актуальныя пытанні сялянскага існавання. Разам з тым у дзейнасці сельскага сходу раскрываліся і нефармальны бок сялянскага жыцця, унутрыграмадскія адносіны і асабістая стасункі. Удзел у сельскім сходзе маглі прымаць усе сяляне грамады, нават безземельныя гаспадары і жанчыны. Толькі пры вырашэнні зямельных пытанняў да ўдзелу ў сходзе запрашаліся выключна сяляне-гаспадары, якія валодалі зямлём, або іх прадстаўнікі. Старшынства на сельскім сходзе афіцыйна належала старасце. На справе заможныя і ўплыдовыя гаспадары нярэдка схілялі сход да прыняцця больш карысных для іх рашэнняў. Усе пастановы сельскага сходу прымаліся шляхам прамога галасавання праз дасягненне згоды не менш чым 2/3 гаспадароў, прысутных на сходзе. Нярэдка атрымлівалася так, што безземельныя і бедныя гаспадары не прыходзілі нават на агульныя незямельныя сходы, і спраvy вырашаліся без уліку іх думкі на карысць больш заможнай часткі вяскоўцаў. Такая сітуацыя не сталася незадаванай для ўрада, які рабіў пэўныя заходы па павелічэнні колькасці сялян-уласнікаў. У парэформенны перыяд на вырашэнне сельскага сходу былі аддадзены пытанні надзялення бабылёў (безземельных сялян) зямлём. Паўплывала на перадачу такіх абавязкаў сельскім сходам менавіта важная роля грамады ў сялянскім жыцці, яе функцыя выразніка сялянскіх інтарэсаў і контролю над мясцовымі парадкамі. На справе аказалася так, што сельскія сходы не спрыялі павелічэнню колькасці сялян-землеўласнікаў, нярэдка прымалі адмоўныя рашэнні па адпаведных пытаннях. Разам з тым справа здавала сялянам павінны былі змяненія

⁸Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 2642. Воп. 1. Спр. 115. Арк. 63.

⁹Там жа. Арк. 117, 148.

¹⁰Там жа. Ф. 242. Воп. 1. Спр. 126. Арк. 4–6.

шчаць станоўчыя пастановы, адлюстроўваць вырашэнне праблем беззямельных сялян. Гэта прымушала сельскае кіраўніцтва часам ісці на падман, фальсіфікацыю фактаў, калі наяўнасць беззямельных сялян у грамадзе проста замоўчвалася. Нярэдкімі былі скаргі, падобныя на скаргу сялян в. Карповічы Гродзенскага павета, калі стараста не ўключыў іх у спіс беззямельных гаспадароў, нягледзячы на тое, што яны «цярпелі вялікую нястачу»¹¹. Адзначым, што гэту скаргу адмовіліся разглядаць нават вышэйшыя ўлады, кіруючыся, мабыць, «карпаратыўнай этыкай». У падобных сітуацыях выявлялася выключная роля сельскага сходу і грамады ўмагчымасцях асобнага селяніна ці сялянскай сям'і змяніць матэрыяльны статус і палепшиць свой дабрабыт. У такіх выпадках сельскі сход выступаў адной з галоўных перашкод сацыяльнай мабільнасці бедных катэгорый сялянства.

Для нежадання сельской грамады ўключаць у свой склад беззямельных гаспадароў былі прычыны. Справа ўтым, што да адмены прыгоннага права беззямельныя сяляне маглі цалкам вызывацца ад падаткаў або абкладацца асобнымі адмысловымі падаткамі з улікам іх маёмыснага становішча. Пасля 1861 г. такія сяляне паўсюдна пачалі ўключацца ў склад сельскіх грамад без надзялення зямлём, але з абкладаннем падаткамі і павіннасцямі, як гэта было з іншымі сялянамі-уласнікамі – членамі грамады. Такая сітуацыя тлумачылася тым, што ў большасці мясцовасцей Беларусі падушны падатак размяркоўваўся пароўну, без уліку мясцовых умоў і ступені забяспечанасці сялян зямлём [2, с. 68]. Пры наяўнасці кругавой паруکі ў адбыванні пэўных павіннасцей і выплаце падаткаў асноўныя цяжар за нядоімкі беззямельных клаўся на плечы больш забяспечаных гаспадароў, што не спрыяла іх добраму стаўленню да беднякоў. Беззямельныя сяляне, хоць і з'яўляліся афіцыйна членамі сельской грамады, але на практицы былі амаль выключаны з удзелу ў грамадскім жыцці, іх мясцовасці прававой абароны сваіх інтарэсаў былі вельмі абмежаванымі. Часта ўдзел іх у сельскіх сходах ператвараўся ў фармальнасць, або яны ўвогуле на сходзе не прысутнічалі. Праўда, існавалі мясцовасці змяніць такое становішча беднякоў. Яны былі звязаны з абранным на пасаду сельскага старасты. Пэўнага маёмыснага цэнзу тут не існавала, таму нярэдка атрымлівалася так, што абіраліся на службовыя пасады менавіта бедныя і малазабяспечаныя гаспадары, паколькі

большая частка ўплывовых і заможных гаспадароў ад гэтых абавязкаў адмаўляліся. Такая сітуацыя і абрannе на кіруючу пасаду мала ўплывалі на змену рэальнага сацыяльнага статусу старасты: пасада не надавала яму асабістага аўтарытэту і прэстыжу.

У працы сельскіх сходаў былі адлюстрраваны і нефармальныя сацыяльныя стасункі ў межах сельскай грамады. Шматлікія дакументы аб дзейнасці сельскіх сходаў, іх пастановы і рашэнні сведчаць, што ў большасці выпадкаў на іх прыняцце ўплывалі не столькі прадстаўнікі афіцыйных кіруючых пасад (сельскія старасты), колькі вяскоўцы, якія карысталіся нефармальным уплывам і аўтарытэтам у грамадзе. Найбольшую колькасць сярод іх складалі заможныя гаспадары. Менавіта яны імкнуліся падпарадковаваць дзейнасць сельскага сходу і жыццё грамады сваім уласным інтарэсам. Адмоўныя паводзіны сельскіх стараст (п'янства, хабарніцтва і г. д.) таксама не спрыялі росту іх аўтарытэту. А гаспадарлівасць, дбайніцтва, працавітасць, якімі звычайна вызначаліся ўласнікі паспяховых гаспадароў, вельмі цаніліся сярод сялянства і выклікалі павагу. Таму менавіта такія гаспадары нярэдка выступалі нефармальнымі лідарамі на сельскіх сходах. Зразумела, што гэта ставіла вырашэнне пытання ў заможнай часткі сялянства ў прыярытэт перад праблемамі беднаты. Часта вырашэнне галоўных пытанняў адбывалася не справядлівым галасаваннем, а пад уплывам «важакоў грамадскіх спраў», крыкуноў, людзей «бойкіх і плутаватых», нярэдка заможных, за пачастунак ці грашовую ўзнагароду¹².

Не толькі заможнае сялянства аказвала ўплыв на дзейнасць грамады. Валасное кіраўніцтва таксама імкнулася паказаць сваю важнасць і значнасць у вырашэнні пытанняў. Найбольшай самастойнасцю грамада карысталася ў вырашэнні гаспадарчых спраў і спрэчак паміж сялянамі, у астатнім – лёгка паддавалася ўплыву валасных старшын і пісараў¹³. Такая сітуацыя прыводзіла да того, што многія сяляне разумелі фармальныя характеристики сходаў і самі не імкнуліся да ўдзелу ў іх. Часам па сваёй волі яны не з'яўляліся на сход або пасыпалі замест сябе жанчын, дзяцей, батракоў, разглядаючы ўдзел у сходзе хутчэй як цяжкую і некарысную справу, чым як ганаровы абавязак і мясцовасць быць пачутым. Службовыя асобы і самі не заўсёды імкнуліся запрасіць усіх гаспадароў на сход. Ім дастаткова было толькі прысутнасці 2/3 насельніцтва, неабходныя для

¹¹НГАБ у г. Гроднен. Ф. 10. Воп. 5. Спр. 564. Арк. 1.

¹²Материалы для изучения современного положения землевладения и сельскохозяйственной промышленности в России. СПб. : Тип. Тренке и Фюсно, 1880. С. 38 ; Свод заключений губернских совещаний по вопросам, относящимся к пересмотру законодательства о крестьянах. Т. 1. Сельское и волостное управление (вопросы 1–25). СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1897. С. 182.

¹³Материалы для изучения современного положения землевладения и сельскохозяйственной промышленности в России. СПб. : Тип. Тренке и Фюсно, 1880. С. 38.

прыняцца рашэння. Безумоўна, такія абставіны не спрыялі росту значнасці сельскага сходу як органа сялянскага кіравання.

З цятага часу расла колькасць скаргаў членоў сельскай грамады на пастановы сходаў, што таксама з'яўлялася сведчаннем паніжэння іх аўтарытэтнасці сярод сялянства і ўсё больш узрастаючай суб'ектыўнасці ў прыняцці рашэнняў. Лідарамі сярод сялянскіх скаргаў на рашэнні сельскіх сходаў былі незадаволенасць вырашэннем зямельных пытанняў і паводзінамі службовых асоб сялянскага самакіравання, іх зняважлівымі адносінамі да аднавіскоўцаў і членоў іх сем'яў. Найбольш пакорліва прымаліся сялянамі тыя пастановы, якія тычыліся агульных пытанняў дзеянасці грамады¹⁴. У імкненні павысіць значнасць сельскіх сходаў і прыцягнуць як мага большую колькасць сялян да ўдзелу ў іх губернскія ўлады нават спрабавалі ўвесці меры пакарання за адсутнасць на сходзе, але моцнага ўздзеяння на сялян яны не аказалі. Урадам былі створаны і спецыяльныя камісіі, якія павінны былі займацца вывучэннем і ўдасканаленнем сялянскага жыцця. Гэтыя камісіі прыйшлі да высновы, што ў пачатку 1860-х гг. сельская грамада мела значны ўплыў у сялянскім асяроддзі, але паступова афіцыйная роля яе паніжалася. Не спрыяла станоў-

чай працы сельскага сходу і некаторая блытаніна, якая існавала ў вызначэнні гаспадароў, што мелі права голасу. На працягу парэформеннага перыяду ў вёсцы натуральным чынам праходзілі сямейныя раздзелы, пры якіх зямля бацькі дзялілася паміж дарослымі сынамі і іх сем'ямі. У такіх выпадках не заўсёды было зразумела, ці можна лічыць новаўтвораныя сем'і самастойнымі гаспадаркамі або ці можа прадстаўляць іх на сходзе толькі ўладальнік першапачатковага надзелу. Існавалі спрэчкі і наконт таго, каго лічыць гаспадаром з правам голасу ў выпадку, калі некалькі сялян валодалі аднымі участкамі.

Распад грамады стрымлівалася захаванне на працягу доўгага перыяду кругавой паруки ў выплаце некаторых падаткаў і адбыванні павіннасцей. Толькі ў пачатку 1890-х гг. пачаўся працэс яе ліквідацыі. Першапачаткова ён закрануў тыя сельскія грамады, дзе існавала падворнае землеўладанне. Пры абышынным землеўладанні кругавая парука захоўвалася і ў пачатку XX ст. Асобныя пастановы, якія афіцыйна паніжалі кантроль грамады над сялянскім жыццём і надзялялі сялян большай асабістай свободай (адмянялі кругавую паруку, ліквідавалі неабходнасць прыпіскі да грамады, дазвалялі адыход і перасяленні без згоды грамады), былі ўведзены толькі з 1 студзеня 1907 г.

Заключэнне

Адмена прыгоннага права паклала пачатак фарміраванню сістэмы самакіравання ў сялян, што выйшлі з-пад прыгоннай залежнасці. Агульнымі палажэннямі рэгуляваліся правілы, па якіх павінны былі функцыянуваць органы сялянскага самакіравання, ніжэйшае іх звязно было прадстаўлена сельскімі праўленнямі. Апошняя з'яўлялася прадстаўнічым і кірующим органам такой асаблівой вісковай структуры, як сельская грамада. Менавіта яна стала важным, а часам і вызначальным фактарам сялянскага жыцця пасля 1861 г. Сельская грамада ў Беларусі існавала паўсюдна і не была тоеснай сялянскай абышчыне. Апошняя выступала пераважна адзінкай землекарыстання, а пазней – і землеўладання сялян. Сельская грамада мела афіцыйна вызначаную структуру і функцыі, разам з тым назіраўся і значны нефармальны яе ўплыў на штодзённае вісковое жыццё. Асновай афіцыйнай сацыяльной іерархіі беларускага сялянства з'яўляліся ўсталяваныя, замацаваныя законамі статусы і стасункі. Афіцыйна дзеянасць сельскай грамады падпарадкоўвалася сельскім праўленням, якія складаліся са сходу і старасты – непасрэднага кіраўніка грамады. Акрамя яго, існавалі іншыя службовыя асобы сялянскай адміністрацыі. У парэ-

форменны перыяд да іх адносіліся сельскія (часам валасныя) пісары, зборшчыкі падаткаў, дазорцы хлебных запасных магазінаў, соцкія і дзясяціцкія, лясныя і палявыя вартайнікі, а таксама кандыдаты на пасаду сельскага старасты. Менавіта так выглядала фармальная структура сельскай грамады ў Беларусі ў 1860–90-я гг. Аднак высокі афіцыйны статус у грамадзе не заўсёды адпавядаў такому ж нефармальному стану. Пасада сельскага старасты паступова губляла свой прэстыж і аўтарытэт, становілася для сялян хутчэй цяжкім абавязкам, чым ганаровай службай. Сапраўдны ўплыў на дзеянасць грамады часцей аказвалі заможныя гаспадары, дбайнія сяляне. Важнымі фактарамі сялянскага жыцця і фарміравання ўнутрыграмадскіх адносін выступалі грамадская думка, асабісты аўтарытэт, індывідуальныя якасці і нефармальныя стасункі. Немалаважнае месца ў дзеянасці грамады займаў сельскі сход. Менавіта ён павінен быў выступаць выразнікам інтэрэсаў сялянства і інструментам рэгулявання адносін у вёсцы. На сельскіх сходах фарміравалася і гучала грамадская думка, у іх дзеянасці праяўляліся як афіцыйныя, так і нефармальныя стасункі паміж сялянамі. Аднак на працягу парэформеннага перыяду дзеянасць сельскіх

¹⁴Материалы для изучения современного положения землевладения и сельскохозяйственной промышленности в России. СПб. : Тип. Тренке и Фюсно, 1880. С. 38.

сходаў у Беларусі пачынае губляць сваю значнасць. Бліжэй на канцы XIX ст. назіраўся паступовы спад упływu сходаў на жыщце сельскай грамады, усё менш іх рашэнні вызначала афіцыйнае кіраўніцтва, часцей асобныя ўплыўовыя гаспадары падпрадкоўвалі гэтыя рашэнні сваім уласным інтэрэсам. Разам з тым выключны ўплыў грамадскай думкі на сялянскае жыщце працягваў захоўвацца.

Такім чынам, сельская грамада ў Беларусі пасля адмены прыгоннага права прадстаўляла сабой

адзінку сялянскага самакіравання, якая мела не толькі афіцыйныя структуру і функцыі, але і адыгрывала важную ролю ў нефармальных сялянскіх стасунках, адлюстроўвала неафіцыйную сацыяльную іерархію ў вёсцы. У той жа час сялянская абшчына ў Беларусі таксама была, але прадстаўляла сабой пераважна форму сялянскага землекарыстання і землеўладання, якая існавала нароўні з падворнай і была распаўсюджана пераважна ва ўсходніх рэгіёнах краіны.

Бібліографічныя спасылкі

1. Каханоўскі АГ. *Сацыяльная трансформацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.)*. Мінск: БДУ; 2013. 335 с.
2. Панюціч ВП. Прававое становішча сялянства парэформенай эпохі. Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. 1998;1:58–65.
3. Грышкевіч ТВ, Дрывен' ІІ, Жытко АП, Талмачова СА. Самакіраванне ў беларуска-літоўскіх губернях. У: Каваленя АА, рэдактар. *Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. Кніга 1*. Мінск: Беларуская навука; 2011. с. 62–144.
4. Талмачова СА. Эвалюцыя дзеянасці органаў сялянскага самакіравання (1861–1914 гг.). У: Жытко АП, рэдактар. *Гісторыя Беларусі перыяду капіталізму. Частка 2. Актуальныя праблемы аграрнай гісторыі*. Мінск: БДПУ; 2007. с. 5–109.
5. Токць СМ. *Сацыяльныя і культурныя працэсы ў беларускай вёсцы ў другой палове XIX – пачатку XX ст.* Мінск: ДІКСТ БДУ; 2016. 328 с.
6. Сосна УА. Беларускія сяляне і ліквідацыя Рэчы Паспалітай. В: *Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки*. 2009;8(часть 1):172–179.
7. Голубеў ВФ. *Сельская абшчына ў Беларусі XVI–XVIII стст.* Мінск: Беларуская навука; 2008. 407 с.
8. Леонтьев АА. *Волостной суд и юридические обычаи крестьян*. Санкт-Петербург: Типография М. Меркушева; 1895. 147 с.
9. Сямеіных ЗМ. Міграцыя беларускага сялянства ў гады Сталыпінскай аграрнай рэформы (1906–1914 гг.). Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. 1982;4:53–59.
10. Леонтьев АА. *Крестьянское право. Систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах*. Санкт-Петербург: Юридический книжны магазін І. І. Зубкова под фирмой «Законоведение»; 1914. 372 с.
11. Янчук НА. *По Минской губернии: заметки из поездки в 1886 г.* Москва: Типография А. Левенсон; 1889. 130 с.
12. Дембовецкій АС. *Опыт описания Могилёвской губернии в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном, сельскохозяйственном, лесном, учебном, медицинском и статистическом отношениях. Книга 3*. Могілёў: Типографія губернскага правления; 1884. 382 с.
13. Kolberg O. *Dzieła wszystkie. Tom 52: Białoruś – Polesie*. Warszawa: Ludowa Spółdzielnia wydawnictwo; 1968. 571 s.

References

1. Kakhanouski AG. *Sacyjal'naja transformacyja belaruskaga gramadstva (1861–1914 gg.)* [Social transformation of the Belarusian society (1861–1914)]. Minsk: Belarusian State University; 2013. Belarusian.
2. Panyutich VP. [The legal status of the peasantry of the post-reform era]. *Vesci Nacyjanałnej akademii navuk Belarusi. Seryja gumanitarnykh navuk*. 1998;1:58–65. Belarusian.
3. Gryshkevich TV, Dryven' II, Zhytko AP, Talmachova SA. [Self-government in the Belarusian-Lithuanian provinces]. In: Kavaljenja AA, editor. *Gistoryja belaruskaj dzjarzhawnasci w kancy XVIII – pachatku XXI st. Kniga 1*. Minsk: Belaruskaja navuka; 2011. p. 62–144. Belarusian.
4. Talmachova SA. [Evolution of the activity of the bodies of peasant self-government (1861–1914)]. In: Zhytko AP, editor. *Gistoryja Belarusi peryjadu kapitalizmu. Chastka 2. Aktual'nyja prablemy agrarnaj gistoryi*. Minsk: Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank; 2007. p. 5–109. Belarusian.
5. Tokc' SM. *Sacyjal'nyja i kul'turnyja praciesy w belaruskaj vjoscy w drugoju palove XIX – pachatku XX st.* [Social and cultural processes in the Belarusian village in the second half of the 19th – early 20th century]. Minsk: State Institute of Management of Social Technologies of the Belarusian State University; 2016. 328 p. Belarusian.
6. Sosna UA. [Belarusian peasants and the liquidation of the Polish-Lithuanian Commonwealth]. *Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshei shkoly. Istoricheskie i psihologo-pedagogicheskie nauki*. 2009;8(part 1):172–179. Belarusian.
7. Golubew VF. *Sel'skaja abshchyna w Belarusi XVI–XVIII stst.* [Rural community in Belarus of the 16th–18th centuries]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2008. 407 p. Belarusian.
8. Leont'ev AA. *Volostnoi sud i yuridicheskie obychai krest'yan* [Volost court and legal customs of the peasants]. Saint Petersburg: Tipografiya M. Merkusheva; 1895. 147 p. Russian.
9. Sjamejnyh ZM. [Migration of the Belarusian peasantry in the years of the Stolypin agrarian reform (1906–1914)]. *Vesci AN BSSR. Seryja gramadskih navuk*. 1982;4:53–59. Belarusian.
10. Leont'ev AA. *Krest'yanskoe pravo. Sistematischeskoe izlozhenie osobennosti zakonodatelstva o krestiyana* [Peasant law. Systematic presentation of the features of the legislation on peasants]. Saint Petersburg: Yuridicheskii knizhnyi magazin I. I. Zubkova pod firmoyou «Zakonovedenie»; 1914. 372 p. Russian.

11. Yanchuk NA. *Po Minskoi gubernii: zamečki iz poezdki v 1886 g.* [In the Minsk province: notes of their trip in 1886]. Moscow: Tipografiya A. Levenson; 1889. 130 p. Russian.

12. Dembovetskii AS. *Opyt opisaniya Mogilevskoi gubernii v istoricheskem, fiziko-geograficheskem, etnograficheskem, promyšlennom, sel'skokhozyaistvennom, lesnom, uchebnom, meditsinskem i statisticheskem otnosheniyakh. Kniga 3* [The experience of describing the Mogilev province in historical, physical-geographical, ethnographic, industrial, agricultural, forestry, educational, medical and statistical relations. Book 3]. Mogilev: Tipografiya gubernskogo pravleniya; 1884. 382 p. Russian.

13. Kolberg O. *Dzieła wszystkie. Tom 52: Białoruś – Polesie.* Warszawa: Ludowa Spółdzielnia wydawnictwo; 1968. 571 s.

Артыкул настуپіў у рэдкалегію 30.12.2020.
Received by editorial board 30.12.2020.

УДК 338(476)(091) «18/19»(043.3)

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ДЕЛОВОЙ АКТИВНОСТИ В БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. (НА ПРИМЕРЕ г. МИНСКА)

A. V. БУРАЧОНОК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

На основе материалов делопроизводства, статистических и законодательных источников Российской империи исследуется развитие основных направлений деловой активности в Минске в конце XIX – начале XX в. В динамике показаны количественные и качественные изменения, произошедшие в сферах промышленности и торговли. Отображено состояние кредитного дела. Выявлены институциональные изменения в экономической жизни Минска в пореформенный период. В выводах рассмотрено влияние модернизационных процессов на развитие деловой активности в Минске в конце XIX – начале XX в.

Ключевые слова: предпринимательство; Беларусь; промышленность; торговля; кредит; модернизация; Российская империя.

АСНОЎНЯ ТЭНДЭНЦЫІ РАЗВІЦЦЯ ДЗЕЛАВОЙ АКТЫЎНАСЦІ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XIX – ПАЧАТКУ XX ст. (НА ПРЫКЛАДЗЕ г. МІНСКА)

A. V. БУРАЧОНАК^{1)*}

¹⁾Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

На аснове матэрыялаў справаўства, статыстычных і заканадаўчых крыніц Расійскай імперыі даследуецца развіццё асноўных напрамкаў прадпрымальніцкай дзейнасці ў Мінску ў канцы XIX – пачатку XX ст. У дынаміцы паказаны колькасныя і якасныя змены, што адбыліся ў галінах прамысловасці і гандлю. Адлюстраваны стан крэдытнай справы. Выяўлены інстытуцыянальныя змены ў эканамічным жыцці Мінска ў парэформенны перыяд. У высновах паказаны ўплыў мадэрнізацыйных працэсаў на развіццё дзелавой актыўнасці ў Мінску ў канцы XIX – пачатку XX ст.

Ключавыя слова: прадпрымальніцтва; Беларусь; прамысловасць; гандаль; крэдыт; мадэрнізацыя; Расійская імперыя.

Образец цитирования:

Бурачонак АВ. Асноўныя тэндэнцыі развіцця дзелавой актыўнасці на тэрыторыі Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. (на прыкладзе г. Мінска). Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя. 2021; 1:26–35.

<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-1-26-35>

For citation:

Burachonak AV. Major trends in the development of business activity in Belarus in the second half of the 19th – early 20th century (the case of Minsk). *Journal of the Belarusian State University. History*. 2021;1:26–35. Belarusian. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-1-26-35>

Автор:

Александр Вячеславович Бурачонок – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета.

Author:

Aliaksandr V. Burachonak, PhD (history), docent; associate professor at the department of modern and contemporary history of Belarus, faculty of history.
burumag@gmail.com

MAJOR TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF BUSINESS ACTIVITY IN BELARUS IN THE SECOND HALF OF THE 19th – EARLY 20th CENTURY (THE CASE OF MINSK)

A. V. BURACHONAK^a

^a Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article provides analysis of major directions of entrepreneurship development in Minsk in late 19th – early 20th century, showcases dynamics of quantitative and qualitative changes in industry and trade. The paper uncovers level of credit business development as well as institutional changes in the economic life of Minsk in the post-reform period. The conclusions reveal influence of modernisation processes on the development of business activity in Minsk in the late 19th – early 20th century.

Keywords: entrepreneurship; Belarus; industry; trade; credit; modernisation; Russian Empire.

Падпісанне 19 лютага 1861 г. Маніфеста аб адмене прыгоннага права не толькі надало асабістую свабоду большасці насельніцтва, што пражывала ў Расійскай імперыі, але і стала адпраўным пунктам у працэсе лібералізацыі шматлікіх аспектаў жыцця тагачаснага грамадства. Акрамя трансфармацыі сістэм судаўладкавання і судаводства, мясцовага кіравання і самакіравання, вайсковай справы і іншых сфер грамадскага жыцця, істотныя змены адбыліся і ў рэгуляванні прадпрымальніцкай дзейнасці. Апошняму садзейнічала прыняще 1 студзеня 1863 г. Палажэння аб пошлінах за права гандлю і іншых промыслau і ўдакладненне яго асобных артыкулаў 9 лютага 1865 г. Дадзены заканадаўчы акт можна паставіць у шэраг з другім¹, якія паклалі пачатак парэформеннаму перыяду ў айчыннай гісторыі новага часу, паколькі зрабілі занятак прадпрымальніцтвам даступным для ўсіх грамадзян незалежна ад падданства, прыналежнасці да пэўнага саслоўя ці полу². Гэта дало штуршок для актывізацыі дзелавой актыўнасці насельніцтва і трансфармацыі эканамічных адносін як у Расійскай імперыі ў цэлым, так і ў беларускіх губернях у прыватнасці.

Змены, якія адбываліся ў эканамічным жыцці Беларусі на працягу парэформеннага перыяду, прывялі да того, што ў якасці цэнтраў ажыццяўлення прадпрымальніцкай дзейнасці яшчэ большую ролю сталі адыгрываць гарады і мястэчкі. Нарастанне дзелавой актыўнасці насельніцтва ў гарадской мясцовасці было непасрэдна звязана з мадэрнізацыйнымі працэсамі, якія разгортваліся ў Расійскай імперыі ў той час. Паляпшэнне транспартнай інфраструктуры, у тым ліку праходжанне праз шэраг населеных пунктаў чыгункі, а таксама тэхнічнае пераўзбраенне прамысловасці даз-

волі сканцэнтраваць у беларускіх гарадах і мясцёках вытворчасць фабрычна-заводскай прадукцыі [1, с. 32]. Павелічэнне прамысловага патэнцыялу населеных пунктаў гарадскога тыпу стварала дадатковыя працоўныя месцы, што прыцягвала сюды новых жыхароў. Урбанізацыйныя працэсы, у сваю чаргу, прыводзілі да павелічэння попыту на разнастайную прадукцыю. Гэта выклікала неабходнасць арганізація гандлёвых адносін ў гарадах і мястэчках па-іншаму. Канцэнтрацыя гандлёвага і прамысловага прадпрымальніцтва ў гарадской мясцовасці Беларусі прыцягвала сюды расійскія і замежныя інвестыцыі. У выніку змяняліся формы і ўмовы ажыццяўлення прадпрымальніцкай дзейнасці, узнікалі новыя сродкі вытворчасці і рыначныя інстытуты, якія не замянялі старыя, а да-паўнялі іх. Усё гэта прыводзіла да павелічэння аб'ёмаў вытворчасці, уключэння ў сістэму агульна-расійскага рынку і, як вынік, росту гандлёвага таваразвару [2, с. 113]. Такія тэндэнцыі былі агульнымі для ўсёй тэрыторыі Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст.

Развіццё дзелавой актыўнасці на тэрыторыі Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. неаднаразова разглядалася прадстаўнікамі нацыянальнай гісторыяграфіі. Асобныя аспекты гэтай праблемы знайшлі адлюстраванне ў працах М. Ф. Болбаса [3], Л. М. Міхневіча [4], Х. Ю. Бейлькіна [5], А. Г. Каҳаноўскага [6], Н. І. Палятаевай [7], А. Л. Кіштымава [8], Ю. Л. Грузіцкага [9], К. А. Бруханчык [10] і інш. У іх, як правіла, вывучэнне пытанняў развіцця дзелавой актыўнасці праведзена на агульнабеларускім узроўні. Аднак у асобна ўзятым населеным пункце ўтварэнне дзелавога асяроддзя магло мець свае адметнасці. Мэта дадзенага

¹ Положение о губернских и уездных земских учреждениях от 1 января 1865 г. № 40457 // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 2 : в 55 т. Т. 39. 1864. Отд-ние 1. СПб., 1867. С. 1–14 ; Положение о введении в действие Судебных уставов 20 ноября 1864 г. от 19 октября 1865 г. № 42587 // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 2 : в 55 т. Т. 40. 1865. Отд-ние 2. СПб., 1867. С. 74–84 ; Городовое положение от 16 июня 1870 г. № 48498 // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 2 : в 55 т. Т. 45. 1870. Отд-ние 1. СПб., 1874. С. 821–839.

² Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов от 9 февраля 1865 г. № 41779 // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 2 : в 55 т. Т. 40. 1865. Отд-ние 1. СПб., 1867. С. 160–161.

артыкула – прасачыць, якім чынам прайяўляліся тэндэнцыі развіцця дзелавой актыўнасці ў Мінску ў другой палове XIX – пачатку XX ст. Для дасягнення паставленай мэты неабходна вырашыць задачу, звязаную з выяўленнем колькасных і якасных змен у прамысловага-гандлёвым развіцці Мінска ў адзначаны час пад уздзеяннем фактараў рознага характару, якія мелі месца на тэрыторыі Беларусі пасля скасавання прыгоннага права. Сярод спецыялізаваных даследаванняў, прысвечаных эканамічнаму развіццю Мінска ў парэформенны перыяд, вылучаюцца працы З. В. Шыбекі [11; 12]. Але нават у гэтых фундаментальных выданнях, якія комплексна адлюстроўваюць разнастайныя бакі дарэвалюцыйнага жыцця сучаснай сталіцы Беларусі, прыведзены не ўсе аспекты фарміравання тут дзелавога асяроддзя. Пры напісанні артыкула аўтарам былі выкарыстаны заканадаўчыя крэніцы, матэрыялы справаводства і статыстычныя выданні Расійскай імперыі. Ацэньваючы ступень рэпрэзентатыўнасці апошніяя групы крэніц, неабходна звярнуць увагу на тое, што не ўсе яны ўтрымліваюць звесткі аб прамысловым і гандлёвым развіцці Мінска. У сувязі з гэтым дынаміка змен паказана па перыдах, не заўсёды кратных пэўнаму ліку, напрыклад 5 ці 10 гадам. Метадалагічны фундамент дадзенага даследавання склада сукупнасць агульнанавуковых, спецыяльна-гістарычных (гістарычна-тыпалагічны, параўнальна-гістарычны і гістарычна-сістэмны), колькасных метадаў з прыцягненнем міждысцыплінарных метадаў навукова га даследавання.

У другой палове XIX – пачатку XX ст. істотнае значэнне ў фарміраванні дзелавога асяроддзя на тэрыторыі Беларусі адыгралі фактары сацыяльна-эканамічнага характару. Станаўча на развіццё прамысловага прадпрымальніцтва ў беларускіх губернях упłyвала мадэрнізацыя транспартнай інфраструктуры. У 1862 г. праз тэрыторыю Беларусі прайшла чыгуначная лінія Парэчча – Гродна, якая з’яўлялася часткай Пецярбургска-Варшаўскай магістралі. За 1867–1913 гг. даўжыня чыгуначных ліній у беларускіх губернях павялічылася з 241 да 3863 км, гэта значыць больш чым у 16 разоў [13, с. 5, 13].

Пры вывучэнні штогадовых справаздач губернатара і падатковага інспектара Мінскай губерні неаднаразова сустракаецца інфармацыя³, што пе ракрыжаванне ў Мінску Лібава-Роменскай і Маскоўска-Брэсцкай чыгуначных магістралей дазволіла губерні ўзняцца на якасна новы ўзровень развіцця. Першая з названых ліній давала магчымасць для транспарціроўкі тавараў на прасторы ад паўднёвых губерняў Расійскай імперыі да партой Балтыйскага мора, другая злучала Маскву з Варшавай, праз якую адкрываўся шлях у краіны замежжа. Наяўнасць зручнага чыгуначнага транспарту дазваляла не толькі збываць вырабленую прадукцыю ў розных напрамках, але і засноўваць прадпрыемствы ў аддаленасці ад краініц сыравіны.

Да з’яўлення ў ім чыгункі горад у плане развіцця прамысловасці быў дастаткова адметным на фоне ўсёй губерні па колькасці прадпрыемстваў, але не сумарнага аб’ёму іх вытворчасці. У 1865 г. у Мінску функцыянувалі 58 прадпрыемстваў, на якіх было выраблены фабрычны і заводскай прадукцыі на суму 54 780 руб. Усяго ж у Мінскай губерні ў гэты год налічвалася 200 прадпрыемстваў, аб’ём вытворчасці якіх склаў 737 242 руб.⁴ Амаль за 15 гадоў колькасць прамысловых установ, якія дзейнічалі ў Мінску, скарацілася. У 1879 г. тут налічвалася 46 фабрычна-заводскіх прадпрыемстваў (7 % ад агульнай колькасці ў губерні), на якіх было выраблены прадукцыі на суму 295 536 руб. (4 % ад агульнагубернскай вытворчасці)⁵. Пры гэтым толькі 3 прадпрыемствы з 46 з’яўляліся гільдзейскімі⁶, што сведчыць аб перавазе дробнатаварнай вытворчасці ў Мінску ў гэты час. Да 1890 г. агульная колькасць у Мінску прамысловых установ, на якіх выраблялася фабрычная і заводская прадукцыя, зменышылася да 43 (да 6,5 % ад агульнай колькасці ў губерні). Адначасова з гэтым назіралася амаль двухразовая павелічэнне аб’ёму іх вытворчасці – да 589 459 руб.⁷, што складала 5,8 % ад сумарнага губернскага кошту вырабленай прадукцыі. За гэта дзесяцігоддзе вырасла колькасць і гільдзейскіх прамысловых установ. У 1890 г. у Мінску функцыянувалі 9 такіх прадпрыемстваў з агульным аб’ёмам вытворчасці 354 тыс. руб.⁸

³Обзор Минской губернии за 1875 год. Минск, 1876. С. 56–57 ; Обзор Минской губернии за 1881 год. Минск, 1882. С. 9 ; Обзор Минской губернии за 1883 год. Минск, 1884. С. 5 ; Нац. гіст. арх. Беларусі (НГАБ). Ф. 358. Воп. 1. Спр. 34. Арк. 51–52.

⁴НГАБ. Ф. 21. Воп. 1. Спр. 14. Арк. 44–44 адв.

⁵Приложение ко всеподданнейшему отчету за 1879 год минского губернатора. Ведомость о фабриках и заводах в Минской губернии за 1879 год. Минск : Губ. тип., [18–?].

⁶Указатель фабрик и заводов Европейской России с Царством Польским и Великим княжеством Финляндским : материалы для фабрично-завод. стат. / под ред. П. А. Орлова. СПб., 1881. С. 184, 564. Неабходна адзначыць, што ў адпаведнасці з Палажэннем аб пошлінах за права гандлю і іншых промыслу ў ад 9 лютага 1865 г. да ліку гільдзейскіх адносіліся прамысловыя прадпрыемствы з механічным рухавіком або немеханізаваныя прадпрыемствы, на якіх налічвалася 16 і больш працоўных. Для арганізацыі вытворчасці на іх неабходна было штогод набываць адпаведнае гільдзейскае пасведчанне.

⁷Обзор Минской губернии за 1890 год. Приложение к всеподданнейшему отчету минского губернатора. Ведомость о фабриках и заводах в Минской губернии за 1890 год. Минск, 1891.

⁸Указатель фабрик и заводов Европейской России : материалы для фабрично-завод. стат. / под ред. П. А. Орлова, С. Г. Будагова. СПб., 1894. С. 244, 337, 379, 669, 707, 718.

У наступныя дзесяцігоддзі адбывалася паступовае павелічэнне колькасці прамысловых прадпрыемстваў, якія працавалі ў Мінску. У 1900 г. іх ужо налічвалася 50, у 1910 г. – 61, у 1913 г. – 69. Пры гэтым уражвае павелічэнне аб'ёму вытворчасці, якое назіралася ў названыя гады. У 1900 г. на прадпрыемствах Мінска было вырабленна прадукцыі на суму 2,36 млн руб., у 1910 г. – 3,26, у 1913 г. – 4,37 млн руб.⁹ Напярэдадні Першай сусветнай вайны ў горадзе было сканцэнтравана больш за 13 % ад усіх прадпрыемстваў губерні, іх вытворчасць у грашовым выражэнні складала амаль 12 % ад агульна-губернскай.

Развіццё прамысловага прадпрымальніцтва на тэрыторыі Беларусі ў парэформенны перыяд суправаджалася паглыбленнем спецыялізацыі вытворчасці. У канцы XIX – пачатку XX ст. прамысловыя ўстановы Мінска ў асноўным займаліся перапрацоўкай сельскагаспадарчай, мінеральнай і лясной сыравіны. З цягам часу назіралася пашырэнне іх спецыялізацыі. Калі ў пачатку 1880-х гг. прадпрыемствы па вырабу фабрычнай і заводскай прадукцыі спецыялізіваліся ў 10 сферах вытворчасці, то напярэдадні Першай сусветнай вайны праца ажыццяўлялася ў 32 напрамках прамысловай дзейнасці. Акрамя традыцыйных для беларускага рэгіёна вінакурнай, піваварнай, тытунёвой, гарбарнай, цаглянай, лесаапрацоўчай і іншых галін прамысловасці, у 1913 г. у Мінску функцыянувалі чатыры машынабудаўнічыя прадпрыемствы¹⁰. Першы такі завод быў заснаваны ў 1881 г. на Скобелеўскай плошчы купцом Н. Якабсонам¹¹. На момант стварэння дадзенага прадпрыемства ў межах сучаснай тэрыторыі Беларусі не існавала ніводнага машынабудаўнічага завода. Абсталяванне для галоўных падаткафарміруючых галін беларускай прамысловасці – вінакурнай і лесаапрацоўчай – прадпрымальнікі вымушаны былі набываць у цэнтральных губернях Расійскай імперыі і ў Царстве Польскім¹². Мясцовыя прамыслоўцаў не заўсёды задавальняў кошт прадукцыі маскоўскіх, варшаўскіх і кіеўскіх вытворцаў тэхнікі, а таксама якасць саміх машын. З'яўленне ў цэнтры белару-

скага рэгіёна машынабудаўнічага завода было ў інтарэсах не толькі прадстаўнікоў мясцовага дзялавога свету, але і дзяржаўных органаў, якія клапаціліся аб сталым паступленні падатковых адлічэнняў у дзяржаўную казну. Таму нядзіўна, што Н. Якабсон з'яўляўся адным з атрымальнікаў крэдыту ў Мінскім аддзяленні Дзяржаўнага банка¹³, дзе пазыка выдавалася толькі ўпływowым прадпрымальнікам.

Менш чым за дзесяцігоддзе на базе невялікага прадпрыемства на Скобелеўскай плошчы з'явіўся сучасны завод з паравым рухавіком, на якім працавала 50 рабочых і ў год выраблялася прадукцыі на суму 34 тыс. руб.¹⁴ Да 1896 г. Н. Якабсон меў марапольнае становішча ў машынабудаўнічай галіне прамысловасці не толькі ў Мінску, але і ў межах сучаснай Беларусі. Прадукцыя гэтага прадпрыемства была запатрабавана ў Віленскай, Віцебскай, Магілёўскай, Мінскай, Смаленскай і Чарнігаўскай губернях¹⁵. Аднак у канцы XIX ст. братамі Ліўшыцамі быў заснаваны Вакзальны машынабудаўнічы і медна-жалезакацельны завод. У 1900 г., пасля смерці Н. Якабсона, два машынабудаўнічыя прадпрыемствы аб'ядналі свае вытворчыя магутнасці, заснаваўшы гандлёвы дом «Таварыства Н. Я. Якабсон, Г. Л. Ліўшыц і К°». Статутны капитал дадзенага таварыства склаў 120 тыс. руб., а агульны аўдзейны вытворчы ў момант аўдзяньня – 165,6 тыс. руб. Гандлёвы дом ажыццяўляў рознабаковую дзейнасць. Прадпрыемства спецыялізівалася на ўладкаванні вінакурных, лесапільных, шкляных і іншых фабрык і заводаў пры дапамозе ўласнага тэхнічнага бюро, якое займалася складаннем праектаў, чарцяжоў і каштарысаў. Тэхнічная аснашчанасць двух заводаў дазваляла займацца чыгуна- і медна-ліцейнай вытворчасцю, выконваць замовы на выраб рознага кшталту машын і абсталявання для апрацоўкі сельскагаспадарчай і лясной сыравіны¹⁶. Далейшая сумесная дзейнасць двух мінскіх машынабудаўнічых прадпрыемстваў дазволіла нарасці гадавы абарот фірмы да 315 тыс. руб.¹⁷

Гандлёвы дом «Таварыства Н. Я. Якабсон, Г. Л. Ліўшыц і К°» з'яўляецца яскравым прыкладам працэсу асацыяравання капіталу, які назіраўся

⁹Обзор Минской губернии за 1900 год. Ведомость о фабриках и заводах в Минской губернии за 1900 год. Минск, 1901 ; Обзор Минской губернии за 1910 год. Ведомость о фабриках и заводах в Минской губернии за 1910 год. Минск, 1911 ; Обзор Минской губернии за 1913 год. Ведомость о фабриках и заводах в Минской губернии за 1913 год. Минск, 1914.

¹⁰Обзор Минской губернии за 1881 год. Ведомость о фабриках и заводах в Минской губернии за 1881 год. Минск, 1892 ; Обзор Минской губернии за 1913 год. Ведомость о фабриках и заводах в Минской губернии за 1913 год. Минск, 1914.

¹¹Указатель фабрик и заводов Европейской России : материалы для фабрично-завод. стат. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1894. С. 379.

¹²Указатель фабрик и заводов Европейской России с Царством Польским и Великим княжеством Финляндским : материалы для фабрично-завод. стат. / под ред. П. А. Орлова. СПб., 1881. С. 357–372.

¹³НГАБ. Ф. 370. Воп. 1. Спр. 38. Арк. 34.

¹⁴Указатель фабрик и заводов Европейской России : материалы для фабрично-завод. стат. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1894. С. 379.

¹⁵НГАБ. Ф. 358. Воп. 1. Спр. 38. Арк. 68.

¹⁶Список фабрик и заводов Европейской России / под ред. В. Е. Варзара. СПб., 1903. С. 279 ; Указатель действующих в Империи акционерных предприятий и торговых домов / под ред. В. А. Дмитриева-Мамонова : в 2 т. Т. 2. СПб., 1905. С. 132.

¹⁷Фабрично-заводские предприятия Российской империи (исключая Финляндию) / ред. Ф. А. Шобер. Петроград, 1914. № 5327.

ў дзелавым асяроддзі Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX ст. На працягу названага перыяду колькасць гандлёвых дамоў у пяці беларускіх губернях павялічылася з 27 да 443 (у 16,4 раза), акцыянернапаявых таварыстваў – з 8 да 37 (у 4,6 раза)¹⁸. У Мінску ў канцы XIX ст. не існавала ніводнага гандлёвага дома, а ў форме акцыянернага таварыства працаваў выключна Мінскі камерцыйны банк¹⁹. Напярэдадні Першай сусветнай вайны ў губернскім горадзе дзейнічалі 2 мясцовыя акцыянерна-паявія таварысты і 46 гандлёвых дамоў – поўных таварыстваў і таварыстваў на веры²⁰.

Пачатак XX ст. стаў не толькі часам развіцця асацыярованых форм прадпрымальніцкай дзейнасці на тэрыторыі Беларусі, але і распаўсюджвання тут манапалістычных аўяднанняў. У 1905 г. быў створаны сіндыкат кафляных заводчыкаў у Копысі, у 1906 г. – сіндыкат піваварных заводчыкаў Паўночна-Заходняга краю ў Оршы, у 1911 г. – сіндыкат «Прадакон», куды ўвайшлі гаспадары канвертных фабрык Адэсы, Брэста і Вільні. Акрамя гэтага, уласнікі буйных шкляных заводаў, што працавалі на тэрыторыі Беларусі, удзельнічалі ў з'ездах шкло-заводчыкаў Расійскай імперыі, якія ставілі сваёй мэтай усталіваць манапольныя цэны на бутэлькі і рыхтавалі заснаванне сіндыката «Гандлёвае таварыства шкла» [14, с. 23]. Адно з першых манапалістычных аўяднанняў – Камітэт фабрыкантаў па камісійным продажы запалак (далей – Камітэт) – было створана ў Мінску ў чэрвені 1905 г. Дадзены сіндыкат аўяднай фінансавыя магчымасці Мінскага аддзялення Паўночнага банка (з 1906 г. – Мінскага камерцыйнага банка) і вытворчыя магчымасці ўладальнікаў запалковых фабрык. У склад Камітета з ліку прадпрымальнікаў пяці беларускіх губерняў увайшлі Б. Саламонаў, якому належалі фабрыкі «Вікторыя» ў Барысаве і «Маланка» ў Мазыры, С. Лур'е, які арандаваў фабрыку «Бярэзіна» ў Новабарысаве, І. Гальперын – уладальнік фабрыкі «Прагрэс-Вулкан» у Пінску, браты Лур'е – уладальнікі фабрыкі «Дзвіна» ў Дзвінску, І. Дубінбаум і Х. Штэйнберг – уладальнікі фабрыкі «Край» у Слоніме.

Галоўнай мэтай дадзенага манапалістычнага аўяднання быў збыт запалак на ўнутраным і знежнім рынках Расійскай імперыі дзякуючы сувязям, якія былі наладжаны Паўночным банкам. Банк атрымліваў камісію 5 і 15 кап. за кожныя 1000 пачкаў запалак, якія былі рэалізаваны на ўнутраным і знежнім рынках адпаведна. Гэта была невялікая страта прыбытку для фабрыкантаў, таму што кошт 1000 пачкаў запалак у той час складаў ад 8 руб. 45 кап. да 8 руб. 80 кап. (у залежнасці ад наймення тавару). Разам з тым гэта быў добры даход для банка, паколькі норма продажу ўсталёўвалася ў памеры 664 тыс. скрынак па 1000 пачкаў у кожнай для ўнутранага рынка і 100 тыс. скрынак для знежніяга. Дзякуючы стварэнню Камітета гаспадары запалковых фабрык змаглі дастаткова паспяхова канкурыраваць на рынку, наладжваючы збыт запалак ва Украіну, на Паўночны Каўказ і ў Закаспійскі край²¹.

Чыгуначнае будаўніцтва і развіццё дзелавой актыўнасці ў галіне прамысловасці спрыялі павелічэнню колькасці гарадскога насельніцтва. Мінск гэтыя працэсы не абышлі бокам. Калі ў 1863 г. у горадзе налічвалася 30,1 тыс. жыхароў, то ў 1897 г. іх колькасць павялічылася да 90,9, а ў 1914 г. – да 117,6 тыс.²² Аднак пераўтварэнні ў прамысловай сферы аказалі не такі моцны ўплыв на ўрбанізацыйныя працэсы. Большое значэнне тут мела развіццё гандлю.

Закранаючы пытанне развіцця гандлёвых адносін у Мінску ў разглядаемы перыяд, варта адзначыць, што рознічны і аптовы гандаль быў засяроджаны пераважна ў руках прадпрымальнікаў з ліку асоб яўрэйскага паходжання. Такая тэнденцыя назіралася ў населеных пунктах гарадскога тыпу ва ўсіх беларускіх губернях. Так адбылося ў выніку правядзення палітыкі ўрада Расійскай імперыі ў дачыненні да нацыянальных меншасцей, што выявілася ва ўвядзенні мяжы яўрэйскай аселасці і аблежаванні яўрэяў у праве набыцця зямельнай уласнасці па-за межамі гарадской мясцовасці²³. Напярэдадні адмены прыгоннага права ў Мінскай губерні з 2946 прадстаўнікоў купецкага саслоўя

¹⁸Бурачонак А. В. Распаўсюджванне асацыярованага капіталу на тэрыторыі Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX ст. // Часоп. Беларус. дзярж. ун.-та. Гісторыя. 2017. № 2. С. 58–59.

¹⁹Акционерное дело в России. Т. 2. Статистика акционерных предприятий. СПб., 1897. С. 30–31.

²⁰Акционерно-паявые предприятия России на 1914 год / под общ. ред. В. В. Лаврова. М., 1914. С. 397, 471 ; Сборник сведений о действующих в России торговых домах (товариществах полных и на vere). Петроград, 1915. С. 3, 7, 10, 13, 14, 71, 87, 90, 96, 124, 128, 129, 174, 215, 216, 225, 227, 229, 240, 312, 320, 356, 388, 390, 391, 404, 405, 432, 444, 446, 451, 453, 478, 484, 505, 545, 585, 631, 639, 650, 688, 699, 709.

²¹НГАБ. Ф. 454. Воп. 1. Спр. 4. Арк. 10–12 адв.; Там жа. Спр. 6. Арк. 1–5.

²²Статистический временник Российской империи. Вып. 1. СПб., 1866. С. 109 ; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XXII. Минская губерния / Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел ; под ред. Н. А. Тройницкого. СПб., 1904. С. 1 ; Статистический ежегодник России. 1914 г. Петроград, 1915. С. 39.

²³Указ о предоставлении евреям прав гражданства в Екатеринославском наместничестве и Таврической области от 23 декабря 1791 г. № 17006 // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 1 : в 40 т. Т. 23. 1789 – 6 ноября 1796. СПб., 1830. С. 287 ; Положение об устройстве евреев от 9 декабря 1804 г. № 21547 // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 1 : в 40 т. Т. 28. 1804–1805. СПб., 1830. С. 732 ; Положение о евреях от 13 апреля 1835 г. № 8054 // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 2 : в 55 т. Т. 10. 1835. Отд-ние 1. СПб., 1836. С. 309, 312–314.

2627 (89 %) мелі яўрэйскае паходжанне²⁴. У наступныя чатыры дзесяцігоддзі судносіны яўрэй і іншых этнічных груп насельніцтва ўнутры купецкага саслоўя не асабліва змяніліся. У канцы XIX ст. у Мінскай губерні налічвалася ўсяго 3519 купцоў, з якіх 3027 (86 %) былі яўрэямі [6, с. 314, 318]. Пры гэтым у самім горадзе, паводле ўсеагульнага перапісу насельніцтва, у 1897 г. яўрэямі з'яўляліся 1112 (79 %) з 1412 купцоў²⁵.

Канцэнтрацыя прадстаўнікоў дадзенай этнічнай групы ў гарадской мясцовасці стала адным з чыннікаў развіцця тут прадпрымальніцтва. Акрамя таго, што яўрэі былі актыўна задзейнічаны ў развозным і разносным гандлі, многія з іх з'яўляліся пасрэднікамі паміж паставщикамі таварнай, у першую чаргу сельскагаспадарчай, прадукцыі і буйнымі аптовымі купцамі, а таксама ўладальнікамі прамысловых прадпрыемстваў. Сярод тых, хто займаўся пасрэдніцтвам гандлем на тэрыторыі Беларусі, можна сустрэць такія катэгорыі, як прасалы і факторы. Прасал, як правіла, займаўся скupkай сельскагаспадарчай сыравіны ў вытворцаў з мэтай далейшага яе перапродажу зацікаўленым асобам. Фактор, па сутнасці, з'яўляўся гандлёвым агентам, або, інакш кажучы, камісіянерам, якому даручалі збыць тавар. Па меры пранікнення капіталістычных адносін у розныя галіны гаспадаркі на тэрыторыі Беларусі атрымлівае распаўсюджванне яшчэ адна катэгорыя пасрэднікаў – маклеры. Яны сталі абавязковым элементам ажыццяўлення біржавога гандлю пасля яго арганізацыі на тэрыторыі Беларусі ў пачатку XX ст. Толькі маклеры мелі права займацца пасрэдніцтвам дзеянасцю пры заключэнні здзелак. Маючы даручэнне або паўнамоцтвы прадаўца, яны зводзілі яго з пакупніком або ад імя прадаўца заключалі з ім здзелкі²⁶. Аднак і да з'яўлення біржы маклеры ажыццяўлялі свою дзеянасць на тэрыторыі Беларусі, зводзячы тых, хто хацеў прадаць пэўную прадукцыю, і тых, хто быў зацікаўлены ў яе набыцці. У цэлым можна канстатаваць, што яўрэі ў гаспадарчым жыцці беларускіх губерняў па сутнасці выконвалі ролю «трэцяга саслоўя», аб'ядноўваючы гарадскі сектар эканомікі з сельскім [15, с. 371].

Развіццё гандлю ў Мінску адбывалася па класічным для тэрыторыі Беларусі таго часу сцэнарыі. У другой палове XIX ст. сусідавалі дзве асноўныя формы ўнутранага гандлю – перыядычны (кірмашы і базары) і стацыянарны (крамы і лаўкі). Фактычна ў пачатку 1860-х гг. пераважнае значэнне мелі перыядычныя формы ажыццяўлення гандлю. Штогод у Мінскай губерні ў цэлым праводзіліся 58 кірмашоў²⁷. Па большай частцы яны мелі выгляд вялікіх базараў, якія таксама перыядычна арганізоўваліся з мэтай забеспечэння гараджан прадуктамі харчавання, вырабамі саматужных промыслаў, а сялян – рамеснымі і мануфактурнымі таварамі, прыладамі працы. У Мінску ў гэты час кожны год з 25 мая па 25 чэрвеня праходзіў Іванаўскі кірмаш²⁸. Зыходзячы з працягласці яго правядзення можна канстатаваць, што ён адыгрываў істотную ролю ў гандлёвых адносінах горада. Аднак пасля праходжання праз горад чыгуначных магістралей²⁹ такога кшталту гандаль тут прыпыняеца.

Тэндэнцыя заняпаду кірмашовага гандлю была характэрная для ўсёй тэрыторыі Беларусі, калі мадэрнізацыя транспартнай інфраструктуры прыводзіла да актыўнага пераходу ад неперыядычных форм гандлю да пастаянных (стацыянарных): шапікаў, лавак, крам і інш. На тэрыторыі Мінска пераважна быў развіты лавачны гандаль. Колькасць стацыянарных гандлёвых кропак на працягу другой паловы XIX – пачатку XX ст. няўхільна павялічвалася. Так, у 1872 г. у Мінску налічвалася 434 гандлёвия ўстановы, у 1886 г. – 878, у 1898 г. – 1336, у 1908 г. – 2139³⁰. У пачатку XX ст. дробныя гандлёвые кропкі размяшчаліся амаль на кожнай мінскай вуліцы, больш буйныя – на Губернатарскай, Захар'еўскай, Нямігскай, Петрапаўлаўскай, Падгорнай вуліцах, на Саборнай плошчы [12, с. 262–270]. Побач з імі функцыяновалі і базары. У той час яны збіralіся па некалькі разоў на тыдзень у чатырох месцах: на Траецкай, Юбілейнай і Камароўскай плошчах, а таксама на Каломенскай вуліцы. Па прыблізных падліках у 1908 г. на іх было рэалізавана тавару на суму звыш 1,85 млн руб.³¹

²⁴Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Т. 16. Минская губерния. Ч. II. СПб., 1864. С. 289.

²⁵Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XXII. Минская губерния / Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел ; под ред. Н. А. Тройницкого. СПб., 1904. С. 224.

²⁶Положение о биржевых маклерах, гоф-маклерах, аукционистах, нотарисах, корабельных маклерах, диспашерах и о биржевом комитете для надзора за благочинием биржевых собраний от 12 января 1831 г. № 4255 // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 2 : в 55 т. Т. 6. 1831. Отд-ние 1. СПб., 1832. С. 19, 21.

²⁷Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Т. 16. Минская губерния. Ч. II. СПб., 1864. С. 289.

²⁸Рас. дзярж. гіст. арх. Ф. 1263. Воп. 1. Спр. 2960. Арк. 221.

²⁹Памятная книжка Минской губернии 1878 года. Ч. 2. Минск, 1878. С. 8.

³⁰Памятная книжка Минской губернии на 1873 год. Ч. 1. Минск, 1873. С. 224 ; НГАБ. Ф. 21. Воп. 1. Спр. 37. Арк. 83 ; Там жа. Спр. 87. Арк. 175 ; Документы и материалы по истории Белоруссии (1900–1917 гг.) / под ред. В. Н. Перцева. Минск, 1953. С. 143–144.

³¹Документы и материалы по истории Белоруссии (1900–1917 гг.) / под ред. В. Н. Перцева. Минск, 1953. С. 143–144.

Побач з традыцыйнымі формамі ажыццяўлення гандлю на тэрыторыі Беларусі на мяжы XIX–XX стст. пачалі ўзнікаць і новыя. Ужо адзначалася, што ў гэты час атрымлівае распаўсюджванне асацыіраваны капітал. У 1905 г. у Мінску дзейнічала 15 поўных таварыстваў і таварыстваў на веры, з якіх 7 прыкладалі намаганні ў галіне гандлю³². Напярэдадні Першай сусветнай вайны з 46 мінскіх прадпрыемстваў, што абраў для сябе пазначаныя формы асацыіравання капіталу, 28 функцыянувалі ў гандлёвой сферы³³.

Поўныя таварысты і таварысты на веры рабілі ўнёсак як у рознічны, так і ў аптовы таваразварт Беларусі. Аднак арганізацыя аптовага гандлю патрабавала з'яўлення прынцыпова новых для гэтай тэрыторыі рыначных інстытутаў, якімі сталі біржы, аптовыя склады, гандлёвыя прадстаўніцтвы. Варта адзначыць, што апошнія ў Мінску засноўвалі прадпрымальнікі з іншых мясцовасцей Расійскай імперыі, а таксама замежныя падданыя. Напрыклад, сваё аддзяленне ў губернскім горадзе мела нафтаздабываючая фірма братоў Нобеляў – знакамітых расійскіх прадпрымальнікаў шведскага паходжання. Прысутнічаў у Мінску і французскі капітал у выглядзе каспійска-чарнаморскага нафтапрамысловага і гандлёвага таварыства, адным з галоўных акцыянераў якога з'яўляўся А. Ротшыльд з банкірскага дома «Rothschild Freres». Ім жа ў 1898 г. было заснавана гандлёва-транспартнае таварыства «Мазут»³⁴, дзякуючы якому адбывалася транспарціроўка нафтапрадуктаў. Мясцовыя прадстаўнікі дзелавога свету, усвою чаргу, прадавалі вырабленыя тавары праз гандлёвыя прадстаўніцтвы ў іншых гарадах Расійскай імперыі. Так, напрыклад, вядомы мінскі вытворца шпалераў і разнастайных відаў паперы (альбомная, папяросная, абгортачная, афішная і інш.) К. М. Кантаровіч рэалізоўваў сваю прадукцыю ў буйных гарадах імперыі пры дапамозе папяровай фабрыкі Кнопа ў Рызе, паравой турецка-тытунёвай і махорачнай фабрыкі ў Чаркасах, фабрычнага дэпо разнастайных папяросных, рознакаляровых і іншых папер Л.І. Маргуліса і пад. Асабліва цеснае супрацоўніцтва было з папяровай фабрыкай «Скіна» – адным з найбуйнейшых прадпрыемстваў у гэтай галіне [16, с. 20].

У агульнай структуры аптовага таваразварту губернскага горада Мінска істотнае значэнне мелі лясныя аперацыі. І гэта заканамерна, паколькі Мін-

ская губерня па паказчыку колькасці на тэрыторыі лясных масіваў (амаль 40 %) займала адну з верхніх пазіцый у Расійскай імперыі, набліжаючыся да Архангельскай і Кастрамской губерняў, дзе лясамі было занята 58,5 і 56 % усёй тэрыторыі адпаведна. У пачатку XX ст. у Мінску дзейнічалі 43 гандлёвыя прадпрыемствы, што спецыялізуваліся на лясных аперацыях (14 % ад агульнай колькасці ў губерні), гадавыя абароты якіх перавышалі 2,9 млн руб., а прыбылкі – 222 тыс. руб.³⁵ Адзінае мінскае гандлёвае прадпрыемства, заснаванае ў вышэйшай форме асацыіравання капіталу, – чарнаморска-балтыйская акцыянернае таварыства «Ш. Б. Ліўшыц і К°» – спецыялізувалася на гандлі ляснымі матэрыяламі, маючы ў Мінскай губерні зямельны надзел плошчай 3 тыс. дзесяцін³⁶.

Мінск займаў пачэснае месца ў гандлі лесам як на прасторы Расійскай імперыі, так і за межамі. Сведчаннем гэтаму можа служыць той факт, што нягледзячы на паступовы занядыпад перыядычных форм ажыццяўлення гандлю калядны лясны кірмаш у Мінску заставаўся месцам заключэння буйных здзелак. Напярэдадні Першай сусветнай вайны абароты на ім дасягнулі 20 млн руб. у год. За лесаматэрэяламі сюды прыязжалі буйныя прадпрымальнікі і камісіянеры з паўднёвых губерняў Расійскай імперыі, а таксама з Мемеля, Кёнігсберга і Берліна³⁷.

Варта адзначыць, што правядзенне з 1909 г. каляднага кірмашу ў Мінску з'яўлялася ініцыятывай біржавога камітэта Мінскай лясной біржы. Узнікненне гэтага прынцыпова новага для тэрыторыі Беларусі рыначнага інстытута ў пачатку XX ст. было абумоўлена менавіта канцэнтрацыяй у горадзе ляснога гандлю. У лістападзе 1904 г. быў зацверджаны статут, а ў маі 1905 г. адбыўся ўстаноўчы сход таварыства Мінскай лясной біржы, на якім быў абраны біржавы камітэт³⁸. Аднак паступова стала відавочным немэтазгоднасць існавання дадзенага рыначнага інстытута, паколькі на біржавыя сходы ніхто не з'яўляўся, рэгістрацыі цэн не адбывалася, а здзелкі здзяйсняліся па-за межамі біржы. Вузкая спецыялізацыя біржы з цягам часу не стала адпавядаць эканамічным запытам і патрабаванням прадстаўнікоў мясцовых дзелавых колаў. Прадукцыя мясцовых сельскагаспадарчых і прамысловых вытворцаў у пачатку XX ст. была запатрабавана ў Маскоўскім, Варшаўскім, Санкт-

³²Указатель действующих в Империи акционерных предприятий и торговых домов : в 2 т. Т. 2 / под ред. В. А. Дмитриева-Мамонова. СПб., 1905. С. 130–134.

³³Сборник сведений о действующих в России торговых домах (товариществах полных и на вере). Петроград, 1915. С. 174, 240, 312, 320, 356, 388, 390, 391, 404, 405, 432, 444, 446, 451, 453, 478, 484, 505, 545, 585, 631, 639, 650, 688, 699, 709.

³⁴Указатель действующих в Империи акционерных предприятий и торговых домов : в 2 т. Т. 1 / под ред. В. А. Дмитриева-Мамонова. СПб., 1905. С. 900, 1176, 1624.

³⁵НГАБ. Ф. 358. Воп. 1. Спр. 86. Арк. 8, 10.

³⁶Акционерно-паевые предприятия России на 1914 год. М. : Лавров, 1914. С. 471.

³⁷Канделаки И. Роль ярмарок в русской торговле. СПб., 1914. С. 42.

³⁸Рас. дзярж. гіст. арх. Ф. 23. Воп. 25. Спр. 135. Арк. 122–124.

Пецярбургскім рэгіёнах, у Паволжы, Сібіры і на Каўказе. А зараблялі на гэтым замежных камісіянеры і гандлёвыя пасрэднікі³⁹. Менавіта таму быў неабходны рыначны інстытут з больш шырокай спецыялізацыяй, які мог бы даць мінскім прадпрымальнікам інфармацыю адносна цэн і попыту на пэўныя тавары на адпаведных рынках. У сувязі з гэтым у 1912 г. па найвышэйшай згодзе міністра гандлю і прамысловасці і губернскага кіраўніцтва Мінская лясная біржа была пераўтворана ў агульнатаварную па прыкладзе іншых 115 гандлёвых і ўніверсальных бірж, якія існавалі ў той час у Расійскай імперыі⁴⁰.

Аднак нягледзячы на высокую прыбытковасць гандлёвых прадпрыемстваў, якія спецыялізаваліся на лясных аперацыях, усё ж не яны зімалі вядучая месца ў агульнай структуры таваразвароту Мінска ў 1900 г.⁴¹ Па паказчыку агульнага таваразвароту на першым месцы (6,95 млн руб.) знаходзіўся гандаль мануфактурнымі вырабамі – адзеннем, абуткам, гумавымі вырабамі і пад. На адну прыступку ніжэй (6,12 млн руб.) знаходзіўся так званы змешана гаспадарчы гандаль. Гэта група гандлёвых аперацый была самай стракатай. Да яе аднесены гандаль каланіяльнымі таварамі, гарбатай, цукрам, запалкамі, тытунём, мэбліяй, музычнымі інструментамі і нават трунамі. Да гэтай жа групы прадпрыемстваў належалі дробныя лаўкі, ювелірныя крамы, аптэкі, кандытарскія і пад. Дарэчы, на гэтыя гандлёвыя ўстановы прыходзіліся самыя высокія паказчыкі агульнага прыбытку – 343 тыс. руб. На трэцім месцы па паказчыку агульнага таваразвароту (2,88 млн руб.) знаходзіліся прадпрыемствы, якія ажыццяўлялі гандаль выканнёвымі прадуктамі. Найбольш моцныя пазіцыі тут зімай гандаль жалезам і разнастайнымі металічнымі вырабамі, посудам, соллю, веласіпедамі, сельскагаспадарчымі машынамі і інш. Гандаль лесам і лесаматэрыйямі па паказчыку аб'ёму таваразвароту знаходзіўся на чацвёртым месцы (амаль 2 млн руб.), гандаль жывёльнай прадукцыяй – на пятym (1,61 млн руб.), гандаль земляробчай прадукцыяй – на шостым (амаль 1,5 млн руб.), піцейныя

ўстановы і склады алкагольной прадукцыі – на сёмым (1,46 млн руб.). Сумарна таваразварот Мінска ў пачатку XX ст. складаў 22,53 млн руб., прыбытак ад гандлёвых аперацый – 947 тыс. руб.⁴²

Інфармацыйныя магчымасці статыстычных крыйніц не дазваляюць прывесці ў дынаміцы змены таваразвароту і прыбытку гандлёвых прадпрыемстваў. Пасправуем адлюстраўца гэта на губернскім узроўні. У 1896 г. агульны таваразварот гандлёвых прадпрыемстваў Мінскай губерні складаў крыйху больш за 16 млн руб., гадавы прыбытак – звыш 1,8 млн руб.⁴³ У першым дзесяцігодзі XX ст. гэтыя паказчыкі дасягнулі 41,7 і 5,3 млн руб. адпаведна⁴⁴. Такім чынам, разгледжаныя фактары станоўча ўп-лывалі на развіццё дзяловай актыўнасці ў Мінску, што выявілася ў павелічэнні дзеяніасці гандлёвых устаноў. Такія ж працэсы былі характэрнымі і ў цэльым для тэрыторыі Беларусі. На працягу 1885–1913 гг. аптовы і рознічны таваразварот тут павялічыўся з 35,63 млн руб. [7, с. 206] амаль да 242 млн руб. [4, с. 8, 21].

Развіццё дзяловай актыўнасці ў другой палове XIX – пачатку XX ст. не ўяўлялася магчымым без крэдытнай падтрымкі прамыслоўцаў і гандляроў. Мінская сетка пазыкова-ашчадных устаноў, якая фарміравалася на працягу парэформеннага пeryяду, уяўляла сабой складаную сістэму, кожны ўзровень якой арыентаваўся на пэўную катэгорию прадпрымальнікаў. Напярэдадні Першай сусветнай вайны Мінск з'яўляўся адным са значных фінансава-крэдытных цэнтраў імперыі, аблугуючы галоўным чынам паўднёвым, заходнім і паўночна-заходнім губерні. Акрамя шматлікіх прыватных дысконцераў, тут працавалі аддзяленні дзяржава-га, руска-азіяцкага і азоўска-данскага банкаў, трываварысты ўзаемнага крэдыту, сем банкірскіх кантр, гарадскога крэдытнае таварыства і некалькі пазыкова-ашчадных таварыстваў⁴⁵.

Такім чынам, у другой палове XIX – пачатку XX ст. у межах губернскага горада Мінска прайвіліся ўсе тыя ж тэндэнцыі развіцця дзяловай актыўнасці, якія былі характэрнымі для ўсёй тэрыторыі Беларусі ў гэты час. Разглядаемыя працэсы суправа-

³⁹НГАБ. Ф. 363. Воп. 1. Спр. 67. Арк. 1–3.

⁴⁰Там жа. Ф. 1. Воп. 1. Спр. 6109. Арк. 19.

⁴¹Варты звярнуць увагу на адну акалічнасць, якая звязана з інфармацыйнымі магчымасцямі крыйніцы, з якой ніжэй будуть прыведзены звесткі. Справа ў тым, што ў выданні «Торговля и промышленность Европейской России по районам» дастаткова спецыфічна праведзена тыпалагізацыя асноўных відаў гандлёвой дзеяніасці. Так, да некаторых груп аднесены гандаль пэўнай сыравінай і атрыманай у выніку яе перапрацоўкі прамысловай прадукцыяй, а таксама асобныя віды паслуг. Разам з тым даныя аб таваразвароце і прыбытку па рэгіёнах прыводзяцца ў агульненім выглядзе па сямі вызначаных складальнікам выдання тыпах, у сувязі з чым у нас адсутнічае магчымасць правесці сваю тыпалагізацыю, якая адпавядае сучасным уяўленням аб напрамках гандлёвой дзеяніасці.

⁴²Торговля и промышленность Европейской России по районам. Вып. XI. Полесская полоса. СПб., [19–?]. С. 54.

⁴³Статистические результаты процентного и раскладочного сборов за 1896, 1897 и 1898 годы по исчислению, классификации и определению оборотов и прибылей торговых и промышленных предприятий, подлежащих сим сборам. СПб., 1900. С. 65.

⁴⁴Торговля и промышленность Европейской России по районам. Вып. XI. Полесская полоса. СПб., [19–?]. С. 17, 21, 30, 34, 47, 50, 52, 54, 55, 59, 60, 62, 66.

⁴⁵НГАБ. Ф. 363. Воп. 1. Спр. 73. Арк. 5.

джаліся ростам колькасці прамысловых прадпрыемстваў, паглыбленнем іх спецыялізацыі і павелічэннем сумарнага кошту вырабленай прадукцыі. Урбанізацыя і паляпшэнне шляхоў зносін прывялі да трансфармацыі інстытуцыянальнай структуры рынку. На змену перыядычным формам ажыццяўлення гандлю (кірмашам і базарам) прыходзілі стацыянарныя (лаўкі і крамы). Атрымалі распаўсюджванне поўныя таварысты віды таварысты на веры, акцыянерныя кампаніі, біржа, гандлёвыя

прадстаўніцтвы і іншыя капіталістычныя формы вядзення гандлёвой дзейнасці, што станоўча адбівалася на павелічэнні аб'ёмаў тавараразварту. Знаходзячыся на перакрыжаванні прамысловых раёнаў і ў той жа час у аддаленасці ад вядучых гарадоў, напярэдадні Першай сусветнай вайны Мінск уяўляў сабой дастаткова буйны гандлёва-прамысловы і фінансава-кредытны цэнтр, які прыцягваў інвестыцыі айчынных і замежных эканамічна актыўных суб'ектаў гаспадарання.

Бібліографічныя спасылкі

1. Кохановский АГ. На пути становления индустриального общества: модернизационные процессы в Беларуси (60-е гг. XIX – начало XX в.). У: Коршук УК, редактор. *Працы гістарычнага факультэта БДУ. Выпуск 3*. Мінск: БДУ; 2008. с. 31–46.
2. Бурачонок АВ. Изменения в предпринимательской деятельности в Беларуси под влиянием модернизационных процессов второй половины XIX – начала XX в. *Исторический журнал: научные исследования*. 2019;2:105–115. DOI: 10.7256/2454-0609.2019.2.23968.
3. Болбас МФ. *Промышленность Белоруссии, 1860–1900*. Минск: Издательство БГУ; 1978. 312 с.
4. Михневич ЛМ. *Торговля Белоруссии (1900–1970 гг.)*. Минск: Наука и техника; 1973. 222 с.
5. Бейлькин ХЮ. *Сельскохозяйственный рынок Белоруссии, 1861–1914 гг.* Минск: Наука и техника; 1989. 288 с.
6. Каханоўскі АГ. *Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.)*. Мінск: БДУ; 2013. 335 с.
7. Полетаева НИ. *Купечество Беларуси: 60-е гг. XIX – начало XX вв.* Минск: Белорусский государственный экономический университет; 2004. 247 с.
8. Киштымов А. Основные тенденции развития торговли Беларуси в условиях модернизации XIX – начала XX века. У: Кіштымай А, редактар. *Гісторыя гандлю ў Беларусі (ад старажытнага часу да канца XX ст.): проблемы вывучэння і перспектывы даследавання. Матэрыялы I Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі; 14–16 лістапада 2013 г.*; Мінск, Беларусь. Мінск: Тэхнагогія; 2014. с. 35–43.
9. Грузіцкі ЮЛ. Станаўленне капіталістычных банкаў у Беларусі ў XIX ст. *Беларускі гістарычны часопіс*. 2004;1: 13–17.
10. Дроздова ЕА. *Формирование банковской системы Беларуси (1861–1914 гг.)*. Минск: Ковчег; 2007. 162 с.
11. Шыбека ЗВ, Шыбека СФ. *Мінск: старонкі жыцця дарэвавуючай горада*. Мінск: Польмя; 1994. 341 с.
12. Шыбека ЗВ. *Мінскъ сто гадоў таму*. Мінск: Беларусь; 2007. 304 с.
13. Бурачонак АВ. Сацыяльна-еканамічны ўмовы развіцця прамысловага прадпрымальніцтва ў Беларусі (другая палова XIX – пачатак XX ст.). У: Коршук УК, редактор. *Працы гістарычнага факультэта БДУ. Выпуск 9*. Мінск: БДУ; 2014. с. 3–14.
14. Ковалевский ГТ, редактор. *Экономика Белоруссии в эпоху империализма (1900–1917)*. Минск: Издательство Академии наук БССР; 1963. 424 с.
15. Соболевская ОА. *Повседневная жизнь евреев Беларуси в конце XVIII – первой половине XIX века*. Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы; 2012. 443 с.
16. Бурачонак АВ. Прамысловыя прадпрымальнікі ў сацыяльна-еканамічным жыцці Беларусі канца XIX – пачатку XX ст. (на прыкладзе фабрыкі па вытворчасці шпалераў К. М. Кантаровіча). *Веснік БДУ. Серыя 3. Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Палітологія. Сацыялогія. Эканоміка. Права*. 2010;3:17–20.

References

1. Kakhanouski AG. [Towards the formation of an industrial society: modernisation processes in Belarus (60s of the 19th – early 20th century)]. In: Korshuk UK, editor. *Pracy gістарычнага факультэта BDU. Vypusk 3* [Proceedings of the faculty of history of the BSU. Issue 3]. Minsk: Belarusian State University; 2008. p. 31–46. Belarusian.
2. Burachonok AV. Changes in entrepreneurial activities in Belarus under the influence of modernisation processes of the second half of 19th – early 20th century. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*. 2019;2:105–115. DOI: 10.7256/2454-0609.2019.2.23968. Russian.
3. Bolbas MF. *Promyshlennost' Belorussii, 1860–1900* [Industry of Belarus, 1860–1900]. Minsk: Izdatel'stvo BGU; 1978. 312 p. Russian.
4. Mikhnevich LM. *Torgovlya Belorussii (1900–1970 gg.)* [Trade of Belarus (1900–1970)]. Minsk: Nauka i tekhnika; 1973. 222 p. Russian.
5. Beil'kin HYu. *Sel'skokhozyaistvennyi rynok Belorussii, 1861–1914 gg.* [Agricultural market of Belarus, 1861–1914]. Minsk: Nauka i tekhnika; 1989. 288 p. Russian.
6. Kakhanouski AG. *Sacjal'naja transformacija belaruskaga gramadstva (1861–1914 gg.)* [Social transformation of the Belarusian society (1861–1914)]. Minsk: Belarusian State University; 2013. 335 p. Belarusian.
7. Poletaeva NI. *Kupechestvo Belarusi: 60-e gg. XIX – nachalo XX vv.* [Merchants of Belarus: 60th years of 19th – the beginning of 20th century]. Minsk: Belarusian State Economic University; 2004. 247 p. Russian.
8. Kishtymov A. [The main tendencies of the development of trade in Belarus in the conditions of modernization in 19th–early 20th century]. In: Kishtymaw A, editor. *Gісторыя гандлю w Belarusi (ad starazhytnaga chasu da kanca XX st.): prasobyivannye*.

blemy vyuuchjennja i perspektivy dasledavaniya. Materyaly I Mizhnarodnaj navukova-praktychnaj konferencyi; 14–16 listapada 2013 g.; Minsk, Belarus' [History of trade in Belarus (from ancient times to the end of the 20th century): problems of study and prospects of research. Materials of the 1st International scientific and practical conference; 14–16 November 2013; Minsk, Belarus]. Minsk: Tjehnalogija; 2014. p. 35–43. Russian.

9. Gruzicki JuL. [Formation of capitalist banks in Belarus in the 19th century]. *Belaruski gistarychny chasopis*. 2004;1: 13–17. Belarusian.

10. Drozdova EA. *Formirovanie bankovskoi sistemy Belarusi (1861–1914 gg.)* [Formation of the banking system of Belarus (1861–1914)]. Minsk: Kovcheg; 2007. 162 p. Russian.

11. Shybeka ZV, Shybeka SF. *Minsk: staronki zhycja darjevaljucyjnaga gorada* [Minsk: pages of the life of a pre-revolutionary city]. Minsk: Polymja; 1994. 341 p. Belarusian.

12. Shybeka ZV. *Minsk sto gadow tamu* [Minsk a hundred years ago]. Minsk: Belarus'; 2007. 304 p. Belarusian.

13. Burachonak AV. [The socio-economic conditions of industrial entrepreneurship development in Belarus in the second half of the 19th – early 20th century]. In: Korshuk UK, editor. *Pracy gistarychnaga fakul'tjeta BDU. Vypusk 9* [Proceedings of the faculty of history of the Belarusian State University. Issue 9]. Minsk: Belarusian State University; 2014. p. 3–14. Belarusian.

14. Kovalevskii GT, editor. *Ekonomika Belorussii v epokhu imperializma (1900–1917)* [Economy of Belarus in the era of imperialism (1900–1917)]. Minsk: Izdatel'stvo Akademii nauk BSSR; 1963. 424 p. Russian.

15. Sobolevskaya OA. *Povsednevnaya zhizn' evreev Belarusi v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka* [Daily life of the Jews of Belarus at the end of the 18th – the first half of the 19th century]. Hrodna: Yanka Kupala State University of Grodno; 2012. 443 p. Russian.

16. Burachonak AV. [Industrial entrepreneurs in the economic life of Belarus at the end of 19th – beginning of 20th century as exemplified by Kantarovich's wallpaper factory]. *Vesnik BDU. Seryja 3. Gistoryja. Filosofija. Psihalogija. Palitalogija. Sacyjaloga. Jekanomika. Prava*. 2010; 3:17–20. Belarusian.

Артыкул паступіў у рэдкалагію 19.01.2021.
Received by editorial board 19.01.2021.

УДК 94(476.6):355(09)

ВОЕННЫЙ ПОСТОЙ И ПОСТОЙНАЯ ПОВИННОСТЬ В БЕЛАРУСИ (СЕРЕДИНА 1850-х – СЕРЕДИНА 1870-х гг.)

А. Б. АРЛУКЕВИЧ¹⁾

¹⁾Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,
ул. Ожецко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь

Раскрывается природа одного из феноменов эпохиalexандровских реформ – военного постоя, который в масштабах Российской империи оказался наиболее распространен именно в Беларуси, но до настоящего времени не становился предметом исследования в отечественной историографии. Как свидетельствуют источники, выявленные в архивах и книгохранилищах Беларуси, России, Литвы, военный постой в силу особого геостратегического положения белорусских губерний в середине 1850-х – середине 1870-х гг. являлся неотъемлемым атрибутом повседневной жизни сотен тысяч местных жителей. В исследовании дана оценка масштабам вовлеченности населения белорусских губерний в обеспечение войск Российской империи квартирным довольствием, установлены принципы и формы использования армией гражданской инфраструктуры и продовольствия в рамках постойной повинности, раскрыта роль органов местного гражданского управления и самоуправления в расквартировании войск на местах. Большинство указанных в работе фактов вводятся в научный оборот впервые.

Ключевые слова: военный постой; постойная повинность; Беларусь в составе Российской империи; российские войска; Виленский военный округ.

ВАЕННЫ ПАСТОЙ І ПАСТОЙНАЯ ПАВІННАСЦЬ У БЕЛАРУСІ (СЯРЭДЗІНА 1850-х – СЯРЭДЗІНА 1870-х гг.)

А. Б. АРЛУКЕВІЧ^{1)*}

¹⁾Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы,
вул. Ажэшка, 22, 230023, г. Гродна, Беларусь

Раскрываецца сутнасць аднаго з феноменаў эпохі аляксандраўскіх рэформ – ваеннага пастою, які ў маштабах Расійскай імперіі атрымаў найбольшае распаўсюдженне менавіта ў Беларусі, але да апошняга часу не станавіўся прадметам даследавання ў айчыннай гістарыяграфіі. Як сведцаць крыніцы, выяўленыя ў архівах і кнігасховішчах Беларусі, Расіі, Літвы, ваенны пастой па прычыне асаблівага геастратэгічнага становішча белорускіх губерняў у сярэдзіне 1850-х – сярэдзіне 1870-х гг. з'яўляўся неад'емным атрыбутам паўсяядзённага жыцця сотняў тысяч мясцовых жыхароў. У даследаванні дадзена ацэнка маштабам узбележунаў насельніцтва белорускіх губерняў у забеспячэнні войск Расійскай імперыі зімовымі кватэрамі, вызначаны прынцыпы і формы выкарыстання ваеннаслужачымі грамадзянскай інфраструктуры і харчавання ў межах пастойнай павіннасці, раскрыта роля ўстаноў мясцовага грамадзянскага кіравання і самакіравання ў раскватараўванні войск на месцах. Большасць названых у артыкуле фактаў уводзяцца ў навуковы зварот упершыню.

Ключавыя слова: ваенны пастой; пастойная павіннасць; Беларусь у складзе Расійскай імперыі; расійскія войскі; Віленская ваенная акруга.

Образец цитирования:

Арлукевич АБ. Военный постой и постойная повинность в Беларуси (середина 1850-х – середина 1870-х гг.). Журнал Белорусского государственного университета. История. 2021;1:36–58.

<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-1-36-58>

For citation:

Arlukevich AB. Cantonment of troops and housing service in Belarus (mid 1850s – mid 1870s). *Journal of the Belarusian State University. History*. 2021;1:36–58. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-1-36-58>

Автор:

Александр Брониславович Арлукевич – преподаватель кафедры политологии юридического факультета.

Author:

Aliaksandr B. Arlukovich, lecturer at the department of political science, faculty of law.
vaftrudnirgorohov@yandex.by

CANTONMENT OF TROOPS AND HOUSING SERVICE IN BELARUS (MID 1850s – MID 1870s)

A. B. ARLUKEVICH^a

^aYanka Kupala State University of Grodno, 22 Ašeška Street, Hrodna 230023, Belarus

The article reveals the essence of one of the phenomena of the era of Alexander's reforms which on the scale of the Russian Empire was most common in Belarus but until now has not become the subject of research by Belarusian historians. According to the sources identified in the archives and book repositories of Belarus, Russia, Lithuania the military post due to the special geostrategic position of the Belarusian provinces in the mid 1850s – mid 1870s was an integral attribute of the daily life of hundreds of thousands of their inhabitants. In the present study is the first to assess the extent of involvement of the population in Belarusian provinces in support of troops of the Russian Empire housing allowance, sets out the principles and forms of army civilian infrastructure and food within the housing service, the role of local civil administration and self-government in the cantonment of the troops on the ground. For the first time most of the used ones are mentioned.

Keywords: quartering of troops; housing service; Belarus as part of the Russian Empire; Russian troops; Vilna Military District.

Введение

К середине XIX в. белорусские губернии оставались одним из ключевых центров постоянного со-средоточения вооруженных сил Российской империи. Повышенная концентрация войск в Беларуси была обусловлена как геостратегическими факторами в рамках военно-политического противостояния России с центральноевропейскими государствами, так и борьбой с восстанием 1863–1864 гг. [1; 2]. Белорусские земли, расположенные у западных границ империи, служили плацдармом для развертывания российской армии в случае начала войны на европейском театре, что в силу обширности территории государства требовало постоянного присутствия здесь оперативной группировки войск [3].

Помимо этого, прямым следствием сосредоточения крупнейшего воинского контингента в Беларуси являлось более интенсивное, нежели в других районах империи, использование материальных ресурсов и финансовых средств населения в интересах армии. В частности, основным источником квартирного довольствия военнослужащих должен был стать отвод гражданских жилищ по постойной повинности, а также аренда необходимых войскам помещений за счет средств от специальных сборов в местах дислокации армейских подразделений. Учитывая данные обстоятельства, войска на бытовом уровне должны были активно взаимодействовать с гражданским окружением, оказывая весомое воздействие на повседневную его жизнь и уровень экономического благосостояния.

Высокая концентрация вооруженных сил при слабом развитии дорожной коммуникации и товарообмена между отдельными областями империи должна была превратить местные крестьянские и помещичьи хозяйства в основной источник продовольственного обеспечения воинских частей и подразделений. В данном контексте детальное изучение механизмов квартирного довольствия и продовольственного обеспечения имеет принципиальное значение для системного анализа проводимой российским правительством податной политики в Беларуси, оценки ее влияния на повседневность и благосостояние общества.

Богатый опыт исследования механизмов тылового обеспечения войск, накопленный экспертами российского Генерального штаба¹ в период подготовки и проведения реформ 1860–70-х гг., с учетом более высокой концентрации вооруженных сил в Беларуси, региональных особенностей развития экономики и специализации хозяйства, может быть использован в белорусском контексте лишь при условии привлечения дополнительных данных из источников местного происхождения. В советской историографии механизмы квартирного довольствия и продовольственного обеспечения дореволюционной армии рассматривались лишь в качестве второстепенных элементов комплексных исследований по военной истории², хотя их генезис и развитие были раскрыты Е. В. Анисимовым в качестве одной из составляющих податной

¹Воинская постойная повинность в главных государствах Европы : в 3 т. Т. 1. СПб. : Тип. Д. Кесневиля, 1858. 68 с. ; Аничков В. М. Военное хозяйство: сравнительное исследование положения законодательств России, Франции, Пруссии, Австрии, Сардинии, Бельгии и Баварии. СПб. : Тип. Н. Деноткина, 1862. 613 с. ; Брант П. Казарменное расположение войск и влияние его на здоровье нижних чинов // Воен. сб. 1863. № 3. С. 77–101 ; Серебренецкий А. Постой войск в селениях // Инж. журн. 1864. № 4. С. 305–345.

²Федоров А. В. Русская армия в 50–70-х годах XIX века. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. 291 с. ; Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. М. : Мысль, 1973. 349 с. ; Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. М. : Наука, 1973. 616 с.

реформы Петра I³. Современные российские историки изучают проблемы военного поста и постойной повинности главным образом на основе общих правительственные регламентов и уставов, в которых не нашли четкого отражения явления, получившие, как свидетельствуют источники, широкое распространение в исторической действительности. Под военным постом современные исследователи понимают квартирное довольствие в широком смысле, в том числе размещение солдат в казармах, построенных за счет средств государственного казначейства. Между тем очевидно, что военный пост является лишь одной из форм квартирного довольствия, а не сводится к нему и в равной степени включает в себя аспекты как собственно квартирного довольствия, так и продовольственного обеспечения военнослужащих⁴.

В белорусской историографии до настоящего времени присутствие войск Российской империи на территории белорусских губерний рассматривалось преимущественно как факт, сопутствующий военным конфликтам – восстанию 1863–1864 гг., Первой мировой войне. При изучении принципов тылового обеспечения российской армии во второй половине XIX в. нередко в рамках научных дискуссий приходится сталкиваться со стереотипами, выделенными из контекста войн второй половины XVII – XVIII в., в условиях которых военный пост был неразрывно связан с насильтвенными поборами и реквизициями продуктов питания, фуража, тягловой силы. Устойчивость подобных представлений в значительной степени объясняется отсутствием специальных исследований, посвященных концентрации и тыловому обеспечению войск Российской империи в Беларуси.

В свою очередь, процессы участия гражданского населения в квартирном довольствии и продовольственном обеспечении российской армии на белорусских землях отразились в обширной источниковской базе, в которую среди прочего вошли материалы делопроизводства 2-го отделения Главного штаба и окружного генерал-квартирмейстера Виленского военного округа⁵ (далее – ВлВО), Главного интендантского управления, военно-окружного совета и интендантского управления ВлВО. В работе

также использованы материалы делопроизводства канцелярий гродненского, минского, витебского губернаторов и соответствующих губернских правлений, губернских распорядительных комитетов, о земских повинностях присутствий, данные из фондов Минской, Суражской и Виленской квартирных комиссий, городских дум и управ (к ним перешли компетенции квартирных комиссий, упраздненных с введением в силу Положения о преобразовании воинской квартирной повинности), нормативно-правовые акты, регулировавшие процессы квартирного довольствия и продовольственного обеспечения войск в Российской империи, воспоминания военного министра Д. А. Милютина и офицеров, проходивших службу на белорусских землях.

Нижняя хронологическая граница исследования совпадает с началом экспедиции войск императорской гвардии в район белорусских губерний в разгар Крымской войны, неудачи в которой стали катализатором процессов модернизации в Российской империи (в том числе на белорусских землях). Со вступлением в 1855 г. на престол Александра II изменились положение Беларуси как объекта военной политики, состав и организационная структура воинского контингента, сосредоточенного на территории белорусских губерний. В это же время правительство начало поиск возможных альтернатив традиционным петровским принципам квартирного довольствия и продовольственного обеспечения российской армии, опиравшейся в местах дислокации на ресурсы гражданского населения. Подготовка реформы так называемой квартирной повинности, затянувшаясь на долгие 20 лет, завершилась 1 января 1875 г. со вступлением в силу нового положения, которое на фоне общей трансформации экономического уклада открывало перспективу рыночным механизмам вовлечения гражданского населения в систему довольствия армии.

Цель данного исследования – раскрыть значение и определить удельный вес гражданской инфраструктуры и ресурсов местного населения в квартирном довольствии и продовольственном обеспечении войск Российской империи на территории белорусских губерний.

Методы исследования

Работа опирается на основополагающие в исторической науке принципы объективности, историзма, системности, ценностного и герменевтического подходов. В основу исследования легли общенауч-

ные (индукция, дедукция, анализ, синтез) и специально-исторические (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-статистический) методы. В частности, использование историко-ге-

³Анисимов Е. В. Податная реформа Петра I: введение подушной подати в России, 1719–1728 гг. Л. : Наука, 1982. 296 с.

⁴Лапин В. В. Постойная повинность в России // Английская набережная, 4. Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. Вып. 2 / под ред. Е. Л. Шепелева. СПб., 2000. С. 135–164 ; Аранович А. В. Интенданское снабжение русской армии во второй половине XIX – начале XX века : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. СПб., 2006. 482 с. ; Яковлев Л. Е. Развитие постойной повинности в России в XVIII–XIX вв. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Саратов, 2008. 223 с.

⁵В состав округа входили Виленская, Витебская, Гродненская, Минская и Могилёвская губернии.

нетического метода позволило установить связь регулировавших постороннюю повинность нормативно-правовых документов с основополагающими принципами петровского военного законодательства и таким образом выявить исторические предпосылки вовлечения гражданского населения в систему тылового обеспечения Российской армии. С помощью историко-сравнительного метода была прослежена динамика соотношения различных способов квартирного довольствия войск в Беларуси на отдельных хронологических отрезках исследуемого периода. В работе также широко применялся историко-статистический метод при вычислении процентного соотношения используемых

способов квартирного довольствия войск и общей численности занятых под военный постой хозяйств и населенных пунктов. Герменевтический подход позволил раскрыть смысл и содержание таких устойчивых для исследуемого периода концептов, как земство (земля), город, городские и сельские общества, представлявшие собой особую форму коллективных субъектов административно-правовых отношений. Понимание данных феноменов важно для описания механизмов вовлечения гражданского населения в систему квартирного довольствия и продовольственного обеспечения войск через органы территориального представительства и на основе принципов корпоративной ответственности.

Результаты и их обсуждение

К середине XIX в. квартирное довольствие войск в Российской империи опиралось на принципы, сформированные в период петровских военной и податной реформ первой четверти XVIII в., в соответствии с которыми обеспечение военнослужащих жилыми помещениями в местах дислокации производилось путем их подселения в жилища гражданского населения без какой-либо компенсации для последнего. Данная мера избавляла государство от поиска средств для строительства казарм, но в то же время препятствовала эффективной подготовке и поддержанию воинской дисциплины в рассредоточенных армейских подразделениях, вызывала негативную реакцию со стороны населения. На протяжении XVIII–XIX вв. правительством неоднократно предпринимались попытки обеспечить войска казармами, однако из-за дефицита военного бюджета кардинально изменить ситуацию не удавалось до последней четверти XIX в.

Монастырские казармы. К середине 1850-х гг. казарменные помещения, занимаемые войсками на территории белорусских губерний, были представлены главным образом конфискованными после восстания 1830–1831 гг. (а затем и после восстания 1863–1864 гг.) зданиями католических монастырей и другими не приспособленными для этих целей гражданскими сооружениями.

Братья наиболее активно проявивших себя в ходе восстаний монашеских общин переводились в другие монастыри, отдельным монахам было разрешено продолжить служение до естественной смерти последнего из них, но запрещено принимать неофитов. Большинство из освобождавшихся таким образом монастырских строений передавались в распоряжение органов местного самоуправления

(т. е. в муниципальную собственность), которые, в свою очередь, использовали их для расквартирования войск в рамках исполнения возложенной на них посторонней повинности [4, с. 27].

По данным штаба ВлВО, на территории округа к 1862 г. для расквартирования различных воинских подразделений использовались здания доминиканского и францисканского монастырей в Ошмянах, где размещались нижние чины местной инвалидной команды, здание бенедиктинского монастыря в Слониме, также занятого инвалидной командой, кармелитский монастырь в Лиде, где находился лазарет Эстляндского пехотного полка. Кроме того, отдельные воинские команды и подразделения размещались во францисканском монастыре в Свислочи, картезианском монастыре в Березе и бернардинском монастыре в Слуцке⁶. Для расположения военного госпиталя в Могилёве (первоначально его планировалось разместить в местном бернардинском монастыре) использовались здания резиденции католического архиепископа в Печерске⁷.

В 1866 г. военный инженер ВлВО Линье признал пригодными для расквартирования войск здания доминиканского монастыря в Новогрудке, францисканского и Мариинского монастырей в Пинске, мужского и женского цистерцианских монастырей в Мозыре, монастыря Святого Винсента в Смиловичах, бенедиктинского, бернардинского и Свято-Михайловского монастырей в Несвиже⁸.

По воспоминаниям известного военного правозащитника и общественного деятеля А. В. Жиркевича (судьба которого с детских лет была тесно связана с Лидчиной, а в зрелом возрасте – с виленским штабом ВлВО, где он работал), в здании фран-

⁶Рос. гос. воен.-ист. арх. (РГВИА). Ф. 1956. Оп. 2. Д. 1209. Л. 9 об.

⁷Плоткин Л. История Могилёва: Могилёвский военный госпиталь [Электронный ресурс] // MASHEKA. Информационный портал Могилёва. URL: https://masheka.by/history_mogilev/2290-istorija-mogilevskij-voennyj-gospital.html (дата обращения: 07.04.2019).

⁸Нац. ист. арх. Беларуси (НИАБ). Ф. 299. Оп. 5. Д. 299. Л. 3.

циканского монастыря в Гольшанах к середине 1860-х гг. квартировала 2-я рота Шуйского пехотного полка: «...скоро 2-ю роту, в которую меня перевели, отделили от батальона в местечко Гольшаны.

И я со штабс-капитаном Длусским и нижними чинами роты очутился в глухи, далеко от начальства, в старинном здании упраздненного римско-католического монастыря» [5, с. 120].

Францисканский комплекс в Гольшанах. Современный вид.

Источник: <https://planetabelarus.by>

Franciscan monastery in Halšany. Modern view.

Source: <https://planetabelarus.by>

В здании Мариинского монастыря в Пинске к середине 1860-х гг. была расквартирована местная конвойная команда⁹. В Вильно для расквартирования войск использовались здания кармелитского, доминиканского и миссионерского монастырей, «преданные по высочайшему повелению вполь-

зу города Вильно для облегчения квартирной повинности»¹⁰. Для постройки армейских казарм в Березе во второй половине XIX в. были разобраны части одного из некогда крупнейших и богатейших монастырей Великого княжества Литовского – монастыря картезианцев¹¹.

Руины комплекса картезианцев в Березе. Современный вид.

Источник: <https://commons.m.wikimedia.org>

Ruins of the Carthusian monastery in Biaroza. Modern view.

Source: <https://commons.m.wikimedia.org>

⁹НИАБ. Ф. 314. Оп. 1. Д. 696. Л. 11.

¹⁰Lietuvos vystybes istorijos archyvas (LVIA). F. 389. Ap. 1. B. 873. L. 32.

¹¹Исчезающее наследие Беларуси: монастырь картезианцев в Березе [Электронный ресурс] // TUT.by. URL: <https://news.tut.by/society/217706.html> (дата обращения: 07.04.2019).

Артиллерийская казарма в Минске (трехэтажное здание на углу улиц Петропавловской и Крещенской, построенная в 1765–1770 гг.), была не чем иным, как упраздненной римско-католической семинарией на базе доминиканского монастыря, по предписанию М. Н. Муравьева перестроенной

в каланчу. В 1869 г. пожарная команда переехала, а здание было передано муниципалитету, который приспособил ее под казарму. В комплексе, помимо казарменных помещений, к началу 1880-х гг. размещались солдатская столовая, пекарня, швальня, чайная, шорня, карцеры.

Доминиканский комплекс в Минске
(выступает в верхней части справа). Фото 1880-х гг.

Источник: <https://minsk-old-new.com>

Dominican monastery (it appears in the upper part on the right).
Photo from the 1880s.

Source: <https://minsk-old-new.com>

К середине 1860-х гг. войсками использовалось большинство зданий гродненских католических монастырей. В частности, после того как в начале 1860-х гг. строения упраздненного кармелитского монастыря были переданы городу, магистрат разместил в здании монастыря части местного гарнизонного батальона, а в аварийном помещении костела – команду Староингерманландского полка. К февралю 1866 г. был разработан проект реконструкции монастырского комплекса кармелитов, в соответствии с которым планировалось превратить его в казарму, способную принять до трех рот пехоты¹².

В мае 1868 г. командующий ВлВО А. Л. Потапов потребовал от архидиакона А. К. Гинтовта освободить помещения гродненского бернардинского монастыря, арендуемые к тому времени частными лицами. К 1868 г. здания монастырского комплекса были освобождены от постояльцев и переданы в ве-

дение магистрата, которому губернатор предписал «следить за сохранением их в целости впредь до дальнейшего распоряжения о приспособлении под постоянное казарменное для войск помещение»¹³. К середине 1860-х гг. войсками в Гродно были заняты также иезуитский и Бригитский монастыри¹⁴.

Помимо упраздненных католических монастырей, для казарменного размещения войск к 1860-м гг. муниципалитетами в рамках несения постоянной повинности использовались и другие гражданские здания, многие из которых, как и монастырские комплексы, впоследствии были признаны памятниками истории и культуры. В частности, здание первой в истории Беларуси ланкастерской школы, построенное Н. П. Румянцевым в 1818 г. в Гомеле, после его смерти было занято войсками и вошло в историю города под названием «Белые казармы» [6, с. 117].

¹²Национальный архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). Ф. 44. Оп. 1. Д. 136. Л. 54.

¹³РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 736.

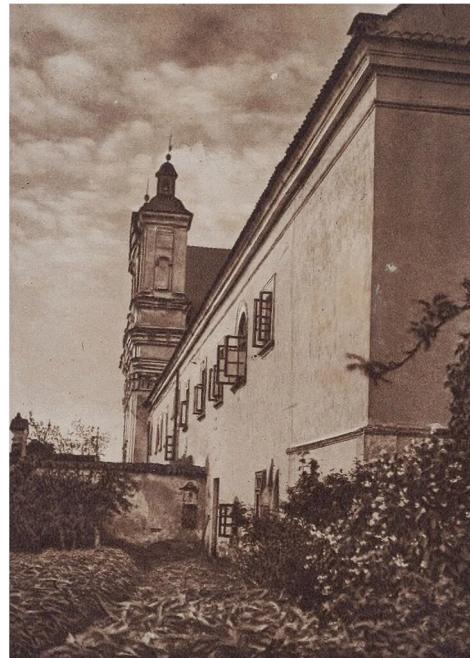
¹⁴НИАБ в г. Гродно. Ф. 44. Оп. 1. Д. 136. Л. 41–44; Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 715. Л. 24–41 об.

Часть Кармелитского комплекса в Гродно после реконструкции (слева).
Фото начала XX в.

Источник: <https://humus.livejournal.com>

Part of the Carmelite monastery in Hrodna after reconstruction (on the left). Photo from the beginning of the 20th century.
Source: <https://commons.m.wikimedia.org>

Источник: <https://humus.livejournal.com>
Hrodna Brigitte Monastery. Photo from 1930s.
Source: <https://humus.livejournal.com>

Источник: <https://snappygoat.com>

The building of the Lancaster school of Rumyantsev in Homiel.
The appearance of the First World War.
Source: <https://snappygoat.com>

В Гродно к 1864 г. четыре роты солдат квартировали в Старом замке, а музыканты, горнисты и барабанщики одного из пехотных полков были размещены в принадлежавшем городу доме Муравского¹⁵. К 1866 г. под армейскую казарму в Рогачеве было перестроено здание бывшего дворянского пятиклассного училища¹⁶. Для расположения Суражской уездной инвалидной команды в 1860 г. было предложено за счет средств гражданского населения приобрести здание упраздненной почтовой станции¹⁷. В 1870-х гг. под казармы был перестроен замок Сапегов в Быхове¹⁸.

Природа постойной повинности. Согласно Уставу о земских повинностях «всем войскам, кои не могли быть размещены в устроенных по городам и селениям казармах или в других никем не занятых казенных или общественных зданиях, отводились квартиры в домах обывателей»¹⁹. По этой причине нормативная база, обеспечивавшая квартирное довольствие войск, оказалась встроенной в систему гражданского законодательства о постойной повинности, представлявшей собой сложный комплекс обязательств населения по довольствию армии жилыми, штабными и хозяйственными помещениями как в натуральном виде, так и в форме денежных сборов, расходовавшихся на аренду помещений для размещения штабов, лазаретов, цейхгаузов. Правительство, со своей стороны, не включало до середины 1870-х гг. расходы по квартирному довольствию войск в бюджет военного министерства, рассматривая это как одну из обязанностей гражданского населения в местах дислокации армейских подразделений²⁰.

К середине XIX в. в Российской империи не существовало свода единовременно разработанных нормативных актов, который упорядочивал бы организацию квартирного довольствия войск. Нормы, по которым происходило обеспечение армии необходимыми помещениями на территории белорусских губерний, включали в себя комплекс хронологически разрозненных документов из различных источников (императорские указы, решения государственного совета, циркуляры военного министерства, воинский устав 1716 г.), что затрудняло их применение на практике²¹. Учрежденной в 1859 г. правительенной военно-кодификационной ко-

миссии предстояло «отделить “законы” от “постановлений” и частных инструкций» [7, с. 313]. Однако, по свидетельству Д. А. Милютина, «последняя задача представляла большие затруднения, так как ни положительное законодательство того времени, ни наука не давали критерия к точному разграничению между “законом” и “постановлением”» [7, с. 313].

По Уставу о земских повинностях «удовлетворение воинских чинов квартирами составляло общую повинность обывателей, исправляемую порознь по каждому городу или селению в отношении к войскам, пребывавшим в оных»²². Таким образом, постойную повинность несло гражданское население исключительно в местах непосредственного расположения войск. Население отдельных городов и деревень в отношении постойной повинности выступало в качестве коллективного субъекта административно-правовых отношений, который в источниках рассматриваемого периода называется земством, или землей (не путать с выборными органами местного самоуправления). Земство (земля) понималось как население, компактно проживавшее на определенной территории, с присущей ему внутренней организацией, коллективно выполнявшее повинности (в частности, постойную повинность) перед государством. Так, по мнению военного этнографа, составителя Атласа народонаселения Западно-Русского края А. Ф. Риттиха, в качестве подобного субъекта в отношении квартирного довольствия войск выступал город в лице органов местного самоуправления²³.

Постойной повинности подлежали жилища гражданского населения всех сословий, в том числе дворян и чиновников. Согласно Правилам устройства земских повинностей 1851 г. она «отправлялась во всех губерниях и областях без платы за оную»²⁴. От постоя освобождались помещичьи дома в деревнях, строения, принадлежавшие церквям и монастырям (в том числе католическим), дома священников и церковнослужителей (в том числе католических), дома чиновников городской полиции и аптекарей, здания, принадлежавшие еврейским синагогам и молитвенным школам, дома лиц, участвовавших в сборе средств на строительство армейских казарм²⁵. На основании распоряжения

¹⁵НИАБ в г. Гродно. Ф. 44. Оп. 1. Д. 136. Л. 41–44 ; Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 715. Л. 24–41 об.

¹⁶РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 779. Л. 35–36 об.

¹⁷НИАБ. Ф. 2572. Оп. 1. Д. 279. Л. 37–38 об.

¹⁸Экскурсия по историческим и туристическим местам Могилёвщины [Электронный ресурс] // Могилёвский государственный университет продовольствия. URL: <http://mgup.by/?q=profkom/ekskursiya-po-istoricheskim-i-turisticheskim-mestam-mogilevshchiny> (дата обращения: 07.04.2019).

¹⁹Свод законов Российской империи : в 34 т. Т. 4. СПб. : Тип. 2-го отд.-ния, 1857. С. 575.

²⁰Аничков В. М. Военное хозяйство...

²¹Свод законов Российской империи. Т. 4. С. 574.

²²Там же. С. 572–575.

²³Риттих А. Русский военный быт в действительности и мечтах. СПб. : Тип. Б. и К., 1893. С. 136.

²⁴Свод законов Российской империи. Т. 4. С. 581–582.

²⁵Там же. С. 581–587.

военного министра с 1 сентября 1804 г. освобождалось от военного поста м. Свислочь «по случаю учреждения в нем училищного заведения» – Свислочской гимназии. Бобруйск на основании распоряжения Военного совета также был освобожден от натурального поста²⁶. По предложению Совета министров в 1837 г. на 8 лет (с 1850 г. этот срок был продлен еще на 20 лет) от поста были освобождены жители района Новые форштадты в Брест-Литовске. В случае же крайней необходимости за постом в домах горожан уездное казначейство было обязано заплатить хозяевам до 1100 руб. в год за генеральскую квартиру, 260 руб. – за капитанскую и по 24 руб. в год за квартиру для рядового. Жители брест-литовских форштадтов стали единственными представителями населения белорусских городов, кому до середины 1870-х гг. за военный пост полагалась денежная компенсация²⁷.

Согласно действовавшим нормам «войска, коим дано было повеление иметь постой в губернии, размещались в городах и селениях не иначе как по предварительному сношению командиров с губернатором и сообразно с расписанием мест, от него полученным»²⁸. В свою очередь, «изыскание и употребление средств для уравнения городов и селений в постое поручалось особым о земских повинностях присутствиям»²⁹. Однако на практике, по данным правительственной комиссии для улучшения системы податей, к 1862 г. этот принцип «не мог соблюдаться без особых препятствий, так как ни начальнику губернии, ни особому о земских повинностях присутствию невозможно было составить удовлетворительного расквартирования без участия местных властей. Обыкновенно, во избежание промахов, составление квартирного расписания поручалось уездным властям – квартирным комиссиям либо земской полиции»³⁰.

Таким образом, если решение о сосредоточении войск в той или иной губернии являлось компетенцией Департамента (с 1863 г. – Главного управления) Генштаба, а с 1865 г. – 2-го отделения Главного штаба Российской империи, то составление схемы территориального размещения армейских подразделений в ее границах, а также организация квартирного довольствия последних входили в обязан-

ности местных гражданских органов власти. Эти же принципы были подтверждены в 1864 г. военным министром в послании губернаторам, согласно которому «подробное размещение войск с возможными для них удобствами может быть окончательно установлено только при ближайшем соображении всех местных обстоятельств и при участии в сем деле гражданского начальства»³¹.

Военный постой в деревне. По Уставу о земских повинностях основная масса войск должна была квартировать за пределами городов, оставляя там только тех солдат и офицеров, которые обеспечивали работу штабных учреждений либо размещались в казармах («В городах преимущественно должны быть помещены одни полковые штабы с унтер-штабами и одна или две роты солдат; прочие же роты или эскадроны размещаются по окрестным селениям»)³². Кавалерийские части располагались в городах только «в случае совершенной необходимости, предпочтительно квартируя в пригородных слободах и деревнях у обывателей, кои имели просторные сараи, удобные для размещения лошадей и фураж»³³.

По свидетельству командующего ВЛВО генерала П. П. Альбединского, «до 1875 г. большая часть войск с наступлением ранней осени выступала на свои квартиры, отводимые по постнойной повинности, где люди довольствовались приварком от жителей. В видах облегчения населения нижние чины размещались с таким расчетом, чтобы на каждого из них приходилось от 3 до 5 дворов. При таком размещении на роту из 100 человек требовалось от 10 до 20 деревень. Случалось, что на роту приходилось более 30 жилых мест, из которых наиболее населенные не превышали 20 дворов, а наименьшие были иногда и в 2 двора»³⁴. По данным 2-го отделения Главного штаба, к 1868 г. 56 из 60 рот 30-й пехотной дивизии в Минской губернии квартировали в гражданских жилищах, отводимых по постнойной повинности, 23 из 24 эскадронов 7-й кавалерийской дивизии разместились в гражданских жилищах Гродненской губернии, 15 из 21 батареи семи артбригад были расквартированы на территории белорусских губерний в домах гражданского населения³⁵.

²⁶ Труды Виленского военного округа по воспитанию и образованию войск за пятилетие. Вильно : Тип. штаба Вил. воен. окр., 1879. С. 172.

²⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе : в 55 т. Т. 14. СПб. : Тип. 2-го отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1840. С. 324 ; Там же. Т. 26. СПб. : Тип. 2-го отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1852. С. 673.

²⁸ Свод законов Российской империи. Т. 4. С. 573.

²⁹ Там же.

³⁰ Сведения о существующем порядке и способах отправления натуральных земских повинностей / под ред. Д. П. Гаврилова. СПб. : [б. и.], 1862. С. 12–14.

³¹ НИАБ в г. Гродно. Ф. 44. Оп. 1. Д. 136. Л. 4.

³² Свод законов Российской империи. Т. 4. С. 573.

³³ Там же.

³⁴ Труды Виленского военного округа... С. 1–3.

³⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 94. Л. 26–28.

Расквартирование солдат в деревне.

Картина А. И. Ладюрнера. 1843 г.

Источник: <http://smallbay.ru>

The quartering of soldiers in the village.

The picture by A. I. Ladurner. 1843.

Source: <http://smallbay.ru>

Сведения Главного штаба подтверждают наблюдение капитана Устюжского пехотного полка Поликарпова, согласно которым до середины 1870-х гг. части, дислоцировавшиеся на белорусских землях, «стояли разбросанно по деревням, отдельные роты из 100 человек занимали от 10 до 15 деревень, где на каждого солдата приходилось от 3 до 5 хозяйственных домов. Один из них назывался “коренною квартирой” – в ней солдат жил постоянно и хранил свои состоявшие на нем казенные вещи; остальные дворы звались “приписными квартирами” – туда он ходил поочередно обедать и ужинать»³⁶.

В районах дислокации личный состав отдельных подразделений делился на капральства, занимавшие определенное для них число расположенных по соседству деревень: «Каждое капральство размещалось при своем капральном унтер-офицере, для стоянки которого выбиралась деревня, по возможности в центре самого капральства. Младший или десяточный унтер-офицер становился в другую деревню, преимущественно дальнюю от капральства. Собиралось же все капральство к себе на капральный двор один или два раза в неделю, если тому не препятствовала погода, так как некоторые деревни находились на расстоянии 8 и более верст

от капральства. То же самое можно сказать и о сборе на ротный двор, расстояние до которого от некоторых капральств превышало 20 верст»³⁷.

В период Крымской войны для обеспечения связи между рассредоточенными подобным образом подразделениями гвардии «были учреждены военные почты»³⁸. Однако «ранней весной, едва только солнце начинало пригревать землю, как со всех сторон текли быстрые ручьи, реки разливались на широком пространстве, и наступала страшная распутица... Сообщения между частями оказывались прерванными или сильно попорченными, так что сношение полковых штабов с батальонными делалось затруднительным»³⁹.

Весной 1858 г. штаб одного из батальонов Староингерманландского полка был расположен в Волковыске, ротный двор 9-й роты – в д. Кремянице (на расстоянии 17 верст от батальонного штаба), а капральства 9-й роты располагались в деревнях Рогознице (6 верст от ротного двора), Подболотье (7 верст от ротного двора), Бородичи (10 верст от ротного двора)⁴⁰.

В деревнях развод солдат по квартирам входил в обязанности органов земской полиции⁴¹. Главой земской полиции в уезде являлся земский исправ-

³⁶Поликарпов. Очерк боевой службы и столетней жизни 104-го Устюжского генерала князя Багратиона полка (1797–1897). Вильна : Тип. штаба Вил. воен. окр., 1897. С. 124.

³⁷Серебренщик А. Постой войск в селениях // Инж. журн. 1864. № 4. С. 311–313.

³⁸Ростковский Ф. Я. История лейб-гвардии Финляндского полка. СПб. : Тип. 2-го отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1881. С. 121.

³⁹История лейб-гвардии Егерского полка за сто лет. 1796–1896. СПб. : Тип. Тренке и Фюсно, 1896. С. 313.

⁴⁰НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 29. Д. 846. Л. 2–4.

⁴¹Свод законов Российской империи. Т. 4. С. 588.

ник, назначавшийся из числа местных дворян. Ему подчинялись становые приставы, опиравшиеся на сотских и десятских, избиравшихся из числа крестьян [8, с. 70]. В отличие от городов в деревнях не существовало строго установленного порядка отвода крестьянских домов под военный постой. Устав о земских повинностях определял лишь его общие принципы, согласно которым «постой в селениях должен был распределяться таким образом, чтобы ни воинским чинам, ни обывателям не было одним перед другими особого утеснения, соответственно местным возможностям и удобству»⁴². По данным комиссии для улучшения системы податей, «в селениях можно было заметить два способа отправления постойной повинности: или вся масса военных чинов распределялась уравнительно по всем селениям уезда, или же селения несли повинность по очереди»⁴³. При этом зачастую «развод войск внутри селений производился самими сельскими обществами: военные чины предоставляли старосте или другому общественному начальству приказ или открытый лист, после чего происходил развод по квартирам, так же как и разверстка других повинностей»⁴⁴.

По воспоминаниям ветеранов лейб-гвардии Егерского полка, квартиры, отводившиеся солдатам, «представляли собой в высшей степени неприглядную картину: темная низкая курная изба с удушливым воздухом, вечная теснота, происходившая от того, что здесь же в постоянном соседстве друг с другом жили и солдаты, и хозяева, и куры, и другие не менее полезные домашние животные»⁴⁵. В период полковых сборов Сузdalского пехотного полка под Мстиславлем солдаты из-за нехватки места были расквартированы по гумнам и сарайям в близлежащих деревнях⁴⁶. В крестьянских избах, где солдаты размещались, как правило, в единственном жилом помещении вместе с хозяевами, большинство солдатских постелей оборудовались на скорую руку прямо на полу возле печек⁴⁷. При этом сами избы, по замечанию особых о земских повинностях присутствий, «были крайне малы и едва достаточны для помещения крестьянских семейств»⁴⁸.

Несмотря на все бытовые неудобства, по свидетельству В. В. Крестовского, «в этой курной хате солдат был своим человеком, особенно если ему уда-

валось полюбиться хозяйке или хозяйствской дочке. Крестьянская женка или дочка непременно мыла ему белье, а постоялец, чем мог, помогал по хозяйству: дрова рубил, лучины для света строгал, воду носил, и, вообще, жил крестьянин с солдатом весьма дружелюбно, уделяя ему и место за столом, и угол на печке» [9, с. 57].

Все убытки, причиненные хозяевам незаконными действиями постояльцев – хищением имущества и продовольствия, потравой полей, огородов, хлебов, – помимо уголовного наказания, требовали от виновных возмещения ущерба в двойном размере⁴⁹. К числу уголовных преступлений, в частности, относились самовольное занятие квартиры под военный постой, подделка квартирных билетов, не установленные законом денежные поборы с местных жителей⁵⁰.

Солдат с мальчиком.
Картина Н. Ю. Силивановича. 1866 г.
Источник: <https://ru.wikipedia.org>

A soldier with a boy.
The picture by N. Yu. Silivanovich. 1866.
Source: <https://ru.wikipedia.org>

⁴² Свод законов Российской империи. Т. 4. С. 592.

⁴³ Сведения о существующем порядке... С. 14.

⁴⁴ Там же. С. 17.

⁴⁵ История лейб-гвардии Егерского полка... С. 317.

⁴⁶ Плещерер Л. История 62-го Сузdalского графа Суворова-Рымнинского полка. Белосток : Паровая типолитография Ш. М. Волобринского, 1903. С. 163.

⁴⁷ Гулевич С. А. История лейб-гвардии Финляндского полка : в 3 т. Т. 2. СПб. : Экон. типолитография, 1906. С. 317–325.

⁴⁸ НИАБ в г. Гродно. Ф. 44. Оп. 1. Д. 61. Л. 3.

⁴⁹ Свод законов Российской империи. Т. 4. С. 634.

⁵⁰ Там же.

Используемые модели квартирного расположения превращали в центры размещения отдельных армейских подразделений и мелких команд тысячи населенных пунктов Беларуси. В частности, лейб-гвардии Егерский полк в период Крымской войны на территории Гродненской губернии занимал своими подразделениями 204 населенных пункта⁵¹. Военнослужащими резервного батальона Муромского пехотного полка, штаб которого размещался в Полоцке, в 1860 г. был занят 381 населенный пункт (многие из них находились на удалении 22–30 верст от батальонного штаба), а в большинстве деревень, где квартировали солдаты, стояло всего от 3 до 5 крестьянских дворов. При этом численность самого батальона составляла всего лишь 597 солдат и офицеров⁵². От практики подобного квартирного расположения армии пришлось отказаться лишь в период восстания 1863–1864 гг. из-за опасности нападения повстанцев на одиноко квартировавших военных: офицеры воинских подразделений селились «все в одном доме в центре деревни, а солдаты по окрестным дворам с назначением места сбора по тревоге»⁵³. С завершением восстания войска вернулись к привычным для них моделям квартирного расположения.

В марте 1867 г. начальник 7-й кавалерийской дивизии генерал-лейтенант Кутяпкин отмечал, что по-прежнему на территории ВлВО «районы квартир, занимаемые частями войск, очень обширны»⁵⁴. В частности, военнослужащие 14-го уланского Ямбургского полка упомянутой дивизии с осени 1866 до весны 1867 г. занимали постоеем 234 населенных пункта. В это же время 4 полка 26-й пехотной дивизии заняли постоеем 604 населенных пункта⁵⁵. Осенью 1869 г. военнослужащие одного из эскадронов Ямбургского полка занимали 43 населенных пункта в Гродненской губернии, многие из которых находились на удалении 50 верст от полкового штаба и от 3 до 16 верст – от эскадронного⁵⁶. В это же время 102-й Вятский пехотный полк занимал своими частями 280 населенных пунктов Гродненской губернии⁵⁷. Таким образом, в среднем один полк на постое занимал около 200 населенных пунктов. Всего же на белорусских землях ВлВО к осени 1868 г. квартировало 27 полков, 6 артбригад (численность каждой из них составляла около половины полка),

а также 9 резервных и губернских батальонов (каждый – около трети численности полка). Из этого следует, что с осени 1868 до весны 1869 г. военным постоеем в Беларуси было занято не менее 6,5 тыс. населенных пунктов.

Хозяйский приварок и казенный провиант. Одной из объективных причин использования подобных моделей квартирного расположения, помимо низкой плотности крестьянского населения, являлись особенности организации продовольственного обеспечения войск в рассматриваемый период. До вступления в силу 1 января 1875 г. Порядка о преобразовании воинской квартирной повинности оно осуществлялось хозяевами отводимых под постой домов, что вынуждало чиновников губернских и уездных органов власти при составлении схем размещения отдельных подразделений войск руководствоваться принципом «не менее как по пяти дворов на одного солдата», призванным снизить расходы отдельных домохозяйств на обеспечение военнослужащих продуктами питания⁵⁸.

Следует обратить внимание на то, что ни одна статья Устава о земских повинностях не обязывала гражданское население кормить постояльцев. По мнению правительенной комиссии, изучавшей довольствие солдат в начале 1860-х гг., эта мера не была «установлена никаким положительным законом и поддерживалась одним лишь обычаем»⁵⁹. В этом отношении командующий 1-й армией, части которой дислоцировались на белорусских землях, М. Д. Горчаков в декабре 1857 г. недоумевал: «Со времен Петра существует закон, что постоялец имеет право требовать от хозяина только подстилку, тепло, освещение, горшок и воду. Продовольствовать же он должен тем, что от казны получает. Соответственно – он не имеет права на приварок от жителей»⁶⁰. Последнее замечание М. Д. Горчакова подтверждает мнение одного из ведущих российских экспертов в области военного хозяйства Е. Яковлева, который в середине 1860-х гг. утверждал, что «относительно продовольствия войск от жителей при постоянном у них расквартировании прямого указания на закон нет: оно только допускается, судя по смыслу статьи 175 части 4 книги 4 Свода военных постановлений, где сказано: войска, которые продовольствуются от жителей, полу-

⁵¹История лейб-гвардии Егерского полка... С. 313.

⁵²РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 2317. Л. 228–333 об.

⁵³История лейб-гвардии Павловского полка: 1790–1890 / под ред. П. Н. Воронова. СПб.: [б. и.], 1890. С. 226.

⁵⁴НИАБ в г. Гродно. Ф. 44. Оп. 1. Д. 150. Л. 92–92 об.

⁵⁵Там же. Л. 18–48.

⁵⁶Там же. Д. 193. Л. 42.

⁵⁷Там же. Л. 54–61.

⁵⁸Там же. Д. 150. Л. 104.

⁵⁹Свод мнений, относящихся к вопросам по провиантскому, приварочному и фуражному довольствию войск. СПб.: Воен. тип., 1867. С. 6.

⁶⁰РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 1904. Л. 2.

чаемый ими из магазинов провиант отдают сполна в пользу обывателей»⁶¹.

На протяжении всего исследуемого периода продовольственный паек военнослужащих делился на приварок и провиант. Провиант включал в себя мучные изделия и крупы, приварок – мясо, рыбу, сало, масло и другие продукты животного происхождения, а также овощи. В местах квартирного расположения, где «на каждого солдата приходилось от 3 до 5 хозяйственных дворов, приварком он довольствовался только на коренной квартире, с приписных получал хлеб»⁶². По мнению Е. Яковleva, «назначение для продовольствия солдата не одной только квартиры, а 5–6 не могло разорить даже самого бедного крестьянина белорусского края»⁶³.

Разделение продовольственного пайка на две части было обусловлено тем, что провиант мог централизованно закупаться и длительное время храниться на армейских продовольственных складах (провиантские магазины), что в неурожайные годы обеспечивало войска необходимым резервом продовольствия независимо от гражданских хозяйств. Запасы провиантских магазинов служили также тем источником, из которого гражданское население покрывало свои расходы на обеспечение военнослужащих мучными изделиями и крупой за счет так называемой казенной дачи провианта, которая до 1871 г. составляла 2 фунта 40 золотников (900 г) муки или 3 фунта (1230 г) печеного хлеба, а также 24 золотника (102 г) круп в день на одного солдата⁶⁴. По сведениям Е. Яковleva, «данная норма солдатского пайка была установлена Петром Великим и просуществовала без изменений около полутора сотен лет, и потому не только солдаты, но и народ твердо знал размер и состав казенного пайка»⁶⁵.

По мнению правительской комиссии, изучавшей довольствия солдат в начале 1860-х гг., указанная ежедневная петровская порция муки была слишком велика, и «на русского солдата, который мог съесть 3 фунта хлеба только при усиленных трудах, с удивлением смотрели солдаты иностранных армий, получавшие от 1,5 до 2 фунтов печеного хлеба»⁶⁶. Ежедневная порция круп, напротив, была признана недостаточной. Несмотря на указанные замечания, размеры солдатского пайка к концу

1860-х гг. существенно не изменились и составляли 16/30 гарнца (около 1,8 л) муки и 1,5/30 гарнца (около 0,18 л) круп в день на человека; если вместо муки выдавался готовый хлеб, то норма эта равнялась 3 фунтам (1230 г) хлеба или 1³/₄ фунта (717 г) сухарей⁶⁷. Согласно новым нормам с 1 января 1872 г. каждому солдату в день выделялось по 2 фунта 25,5 золотников (928 г) муки и 32 золотника (138 г) круп. Если же вместо муки довольствие производилось готовым хлебом, то норма эта составляла 3 фунта (1230 г) хлеба или 2 фунта (820 г) сухарей⁶⁸.

По наблюдениям Е. Яковleva, несмотря на то что военнослужащие были обязаны отдавать хозяевам на постое весь свой казенный паек, последние часто отказывались от него, стараясь таким образом обеспечить более дружелюбное отношение со стороны постоляща⁶⁹. Данное наблюдение подтверждают случаи в деревнях Зарубичи, Барабаново, Яскевичи, Дорошевичи, Декаловичи, Гудевичи, Огородники, Коваличи Гродненского уезда в октябре 1867 г., когда крестьяне пожертвовали положенный им за довольствие войск провиант в пользу солдат Пермского пехотного полка⁷⁰. Остававшиеся в подобных случаях излишки муки продавались солдатами «к явному ущербу казенным интересам»⁷¹. Данная практика настолько укоренилась в Российской армии, что военнослужащие продолжали продавать излишки провианта и в первое десятилетие XX в. Это подтверждает обсуждение в военном министерстве вопроса о пресечении незаконной торговли мукой, осуществлявшейся войсками в 1908 г.⁷²

Создавать запасы мяса, рыбы и других скоропортящихся продуктов и затем централизованно их перераспределять между рассредоточенными на гражданских подворьях военнослужащими было невозможно. Поэтому приварок по сложившейся традиции готовился для солдат хозяевами отводимых по постойной повинности домов (для обеспечения мясом солдат, квартировавших в казармах, а также располагавшихся в летних полевых лагерях, государственное казначейство выделяло наличные деньги). Никаких строгих требований к составу и качеству хозяйственного приварка не предъявлялось. По распоряжению министра государственных имуществ М. Н. Муравьева от 1856 г. «не должно было

⁶¹ Яковлев Е. Современное положение разработки вопросов до провиантского и приварочного довольствия войск относящихся. СПб. : Тип. Деп. уделов, 1866. С. 15.

⁶² Серебренщик А. Постой войск в селениях // Инж. журн. 1864. № 4. С. 325.

⁶³ Яковлев Е. Современное положение... С. 20.

⁶⁴ Свод мнений... С. 2.

⁶⁵ Яковлев Е. Современное положение... С. 31.

⁶⁶ Свод мнений... С. 2, 32.

⁶⁷ Там же. С. 158.

⁶⁸ Лапахристо Е. А. Свод постановлений о провиантском, приварочном и фуражном довольствии. СПб. : Воен. тип., 1879. 189 с.

⁶⁹ Яковлев Е. Современное положение... С. 12.

⁷⁰ НИАБ в г. Гродно. Ф. 44. Оп. 1. Д. 150. Л. 131.

⁷¹ Яковлев Е. Современное положение... С. 12.

⁷² РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 982.

требовать в приварок более того, что сами крестьяне употребляли в пищу»⁷³. По сведениям Е. Яковлева, в середине 1860-х гг. солдаты продолжали «довольствоваться той пищей, которую употребляли сами хозяева»⁷⁴. По свидетельству В. В. Крестовского, в конце 1860-х – начале 1870-х гг. «в крестьянской хате солдата кормили, чем Бог послал, а ели крестьяне испокон веку плохо, кроме картошки да гороха ничего не смакуючи. Разве что когда к Рождеству “кабаны кололи” – то тогда и борщ со свининой, и кашу с салом на стол подавали, а в обыкновенное время все больше картофельной затиркой да кулешиком баловались» [9, с. 57]. Бедное еврейское население городов также «могло довольствоваться неимоверно малой долей самой неприхотливой пищи: фунта два хлеба, селедка да несколько цибулеек – вот и все их дневное пропитание; для солдата они заводили особый горшок, в котором отдельно варили ему пищу»⁷⁵.

Отсутствие в Уставе о земских повинностях норм, которые бы обязывали гражданское население безвозмездно обеспечивать военнослужащих продовольствием, по мнению правительенной комиссии, «позволяло населению отказывать солдатам в приварке»⁷⁶. По сообщению министра государственных имуществ, к 1856 г. в Беларуси и Литве участились случаи отказа крестьян от приготовления приварка «вследствие расстранившихся толков, будто солдат не должно кормить на квартирах и что с дарованием им приварочных денег жители уже не обязаны это делать». В приварке постоянным отказывали даже зажиточные крестьяне⁷⁷. По свидетельству командующего 1-й армией М. Д. Горчакова, 1-й армейский корпус, «придя в литовские губернии из Царства Польского, не нашел там приварка»⁷⁸. В частности, солдаты Староингерманландского полка, не получив приварка от крестьян помещика Юровского в д. Машталеры Гродненского уезда, вынуждены были вернуться на ротный двор в Гродно, чтобы довольствоваться из общего артельного котла⁷⁹.

В начале 1850-х гг. в военном министерстве активно обсуждался проект введения денежного вознаграждения для гражданского населения за приварок в счет средств, сэкономленных от ликвидации провиантских магазинов. Однако это предложение было отклонено военным министерством в силу

того, что уничтожение провиантских магазинов в неурожайные годы лишило бы войска необходимого продовольственного резерва⁸⁰.

По проекту генерала В. Ф. Лауница хозяевам занятых под постое домов было предложено выдавать вознаграждение, включавшее стоимость суточной порции муки по местным рыночным ценам и дополнительный постоянный оклад в 1,5 коп. Генерал В. М. Аничков предлагал вместо компенсации продовольствия наличными деньгами выдавать крестьянам купоны, которыми они смогли бы оплачивать подати и повинности, рассчитываться с провиантскими магазинами за полученную муку и крупы, а также свободно обменивать их на наличные деньги⁸¹.

Однако, по мнению большинства членов комиссии, сама возможность предоставить солдату право требовать в этом случае приварка нанесла бы ущерб основной идеи нововведения. Защитники существовавшего порядка утверждали, что бесплатный приварок делал солдата более послушным хозяину. Также высказывалось опасение, что денежные средства, оказавшиеся в руках солдат, будут использованы не по назначению. К тому же члены комитета посчитали, что денежное вознаграждение невыгодно для солдат в нехлебородных губерниях Беларуси, где большинство крестьян самостоятельно не могли обеспечить пропитанием собственную семью⁸².

Несмотря на многолетнюю работу двух правительенных комиссий, «существовавшую систему продовольствия войск оставили доживать свой век в том виде, в каком ее создали время и обычай»⁸³.

Использование хозяйственного приварка в качестве основного источника продовольственного обеспечения военнослужащих ставило последних в прямую зависимость от благосостояния отдельных хозяйств, урожайности хлебов в местах дислокации, личных качеств хозяина. В силу этих обстоятельств солдат на постое, нередко как и крестьянин, не получал достаточного количества необходимой зрелому организму пищи. В этом отношении В. В. Крестовский отмечал: «Везде и повсюду та же затирка и картошка. Выход из подобного положения был только один: если не казарменное, то тесное расположение с довольствием из артельного котла» [9, с. 57]. В период Крымской войны в Беларуси из-за скудности крестьянского обеденного стола

⁷³НИАБ в г. Гродно. Ф. 31. Оп. 3. Д. 360. Л. 1–2.

⁷⁴Яковлев Е. Современное положение... С. 15.

⁷⁵Там же. С. 67.

⁷⁶Свод мнений... С. 6.

⁷⁷НИАБ в г. Гродно. Ф. 31. Оп. 3. Д. 360. Л. 1–2.

⁷⁸РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 1904. Л. 2.

⁷⁹НИАБ в г. Гродно. Ф. 31. Оп. 3. Д. 360. Л. 18 об.

⁸⁰Яковлев Е. Современное положение... С. 2.

⁸¹Там же. С. 23.

⁸²Там же. С. 16–24.

⁸³Там же. С. 21.

в лейб-гвардии Преображенском полку мясо для приварка приобреталось за счет средств самого полка, дополнительно нижним чинам выдавалось по 2 лота (25,6 г) сала в день на человека. Все продовольственные припасы отпускались нижним чинам на руки на неделю вперед, пища готовилась сообща на несколько солдат, квартировавших в соседних домах⁸⁴. Подобным образом в это же время каждый солдат Финляндского полка ежедневно получал кусок сала (в несколько золотников), которое он должен был класть в хозяйственную варку⁸⁵. Хозяева, которые не могли обеспечить своих постояльцев приварком, обязаны были предоставить им стол, ставец, горшок, воду и очаг для приготовления пищи⁸⁶.

Именно из-за неспособности крестьянского населения обеспечивать войска продовольствием солдаты гвардейских подразделений весной 1855 г. были стянуты к ротным дворам «для продовольствия собственным попечением из общего артельного котла»⁸⁷. При составлении схем территориального размещения подразделений 26-й пехотной и 7-й кавалерийской дивизий в отведенных для них районах в 1869 г. один из основных вопросов, поднимавшихся их командирами перед гражданской администрацией, формулировался следующим образом: «Не встретится ли препятствий для довольствия войск от жителей?»⁸⁸ В частности когда стрелковые роты Сузdalского полка в конце сентября 1869 г. расположились на широких квартирах в районе м. Хиславичи Мстиславского уезда, где должны были довольствоваться приварком от жителей, из-за дефицита продовольствия в крестьянских хозяйствах спустя месяц они вынужденно вернулись в местечко «для довольствия из котла». Подобным образом 5-я и 6-я линейные роты того же полка в конце ноября «были стянуты к Кричеву и перешли на котловое довольствие»⁸⁹.

Одной из главных причин привязанности войск (в том числе гвардии, пользовавшейся особым финансовым покровительством царской семьи и правительства) к хозяйственному приварку, вероятно, было стремление офицерского корпуса избавиться от обременительного процесса организации полевых кухонь с довольствием солдат от котла, что требовало строгого установленного режима питания и регуляр-

ного сбора личного состава из отдаленных друг от друга населенных пунктов. Данное предположение подтверждает мнение командующего 1-м армейским корпусом, отмечавшего в 1857 г., что «зимой котел особенно затруднителен – солдатам далеко ходить по два раза в день на обед и ужин; хозяину же совсем не трудно варить пищу для солдата вместе со своей, поэтому солдату лучше есть с хозяином»⁹⁰.

Истощение продовольственных ресурсов гражданского населения заставляло подразделения войск регулярно перемещаться в отведенных для них районах квартирного расположения. Так, части гвардии в период Крымской войны «через каждые шесть–восемь недель переходили из волости в волость на новые квартиры для того, чтобы не слишком обременять обывателей одной какой-либо довольно ограниченной местности... <...> Вследствие этого люди не имели возможности устроиться сколько-нибудь прочно на одном месте, что весьма неблагоприятно сказывалось на состоянии их здоровья. Число людей, заболевавших разными болезнями, преимущественно заразными, было значительным»⁹¹. Например, подразделения лейб-гвардии Московского полка, квартировавшие в районе Гродно, с 3 августа 1855 г. по 6 апреля 1856 г. шесть раз сменили квартиры⁹². Выбирая места для очередной стоянки, командиры «тщательно осведомлялись и обходили селения, где была замечена какая-либо эпидемическая болезнь, там не назначались ночлеги и дневки, не покупались продукты»⁹³.

Согласно данным обзора военного министерства в 1860–1865 гг. «постой войск натурай заставлял армию беспрерывно менять квартиры и ежегодно в течение восьми зимних месяцев держать людей разбросанно по отдельным деревням и дворам, когда сравнительно небольшая часть занимала целый уезд, квартируя на пространстве нескольких сот квадратных верст»⁹⁴.

По воспоминаниям В. В. Крестовского, квартировавшего в Гродненской губернии в качестве эскадронного командира Ямбургского уланского полка во второй половине 1860-х – начале 1870-х гг., «эскадроны в отведенных для них районах регулярно

⁸⁴ Долгов С. История лейб-гвардии Преображенского полка. СПб. : Тип. Преображен. полка, 1888. С. 250.

⁸⁵ Ростковский Ф. Я. История лейб-гвардии Финляндского полка. СПб. : Тип. 2-го отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1881. С. 123.

⁸⁶ Яковлев Е. Современное положение... С. 15.

⁸⁷ История лейб-гвардии Егерского полка за сто лет. 1796–1896. СПб. : Тип. Тренке и Фюсно, 1896. С. 313.

⁸⁸ НИАБ в г. Гродно. Ф. 44. Оп. 1. Д. 193. Л. 54–61.

⁸⁹ Плестнер Л. История 62-го Сузdalского графа Суворова-Рымнинского полка. Белосток : Паровая типолитография Ш. М. Волобринского, 1903. С. 170.

⁹⁰ РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 1904. Л. 2.

⁹¹ Гулевич С. А. История лейб-гвардии Финляндского полка. Т. 2. С. 317–325.

⁹² Ляпунов А. Я. Хроника л.-гв. Московского полка. 1811–1879. М. : Канцелярия лейб-гвардии Моск. полка, 1889. 304 с.

⁹³ История лейб-гвардии Егерского полка за сто лет. С. 315.

⁹⁴ Обзор деятельности военного министерства в последнее пятилетие, финансовых его средств и нужд армии. СПб. : Тип. Деп. уделов, 1865. С. 137, 138.

меняли места размещения: взводы переходили из волости в волость на новые квартиры. Один только «эскадронный двор» или «штаб» оставался неизменно в одном и том же месте во всю зимнюю стоянку, взводы же непременно меняли свои квартиры в прилежащих окрестностях» [9, с. 57]. Это наблюдение подтверждают сведения командира Ямбургского полка, предоставленные гродненскому губернатору в октябре 1866 г., согласно которым «взводы полка в течение зимы 1866–1867 гг. через месяц или два должны были переходить из одних деревень в другие»⁹⁵. Покидая очередную стоянку, военнослужащие обязаны были заручиться квитанцией, подтверждавшей, что «во время квартирирования в уезде жителям обид и притеснений чинимо не было, а равно безденежно или же за деньги насильным образом ни у кого ничего не требовалось»⁹⁶.

Частые перемещения войск значительно увеличивали количество занимаемых ими в разное время дворов, а также причастных к продовольственному обеспечению военнослужащих крестьянских

хозяйств в белорусских губерниях. Так, только на территории Минской губернии в течение 1870 г. военным постом, по данным губернского статистического комитета, солдатами и унтер-офицерами было занято 293 146 гражданских хозяйств. При этом численность населения губернии составляла 1 182 230 человек. Учитывая тот факт, что в одном доме, как правило, проживает не менее трех человек, можно сделать вывод, что в 1870 г. военнослужащие не обошли постом практически ни одного дома Минской губернии⁹⁷.

Несмотря на все сложности в продовольственном обеспечении, управлении и взаимодействии рассредоточенных подразделений, современники отмечали, что «самая вольготная стоянка для солдата – это стоянка во взводе, т. е. в забытой Богом деревушке, брошенной в какую-нибудь часто непролазную глуши... Иногда взводы разбивались и на две смежные, близайшие деревушки. Начальства над солдатом тут всего лишь один взводный унтер-офицер, а потому и службой донимать некому» [9, с. 56].

Измайловцы играют в шахматы.
Картина А. И. Гебенса. 1850-е гг.
Источник: <https://jodkowskiv.livejournal.com>
Izmailovsky regiment play chess.
Picture by A. I. Gebens. 1850s.
Source: <https://jodkowskiv.livejournal.com>

Военный постой в городах и местечках. Квартирные комиссии. До середины 1870-х гг. пехотные и кавалерийские полки, как правило, оставляли в городах и местечках только полковой штаб и до одной роты нижних чинов. В частности, в период Крымской войны из состава лейб-гвардии Финлянд-

ского полка, квартировавшего в районе Вильно, в самом городе оставался только полковой штаб с караульной ротой. «Остальные роты были размещены на пространных квартирах в назначенных для того деревнях»⁹⁸. В 1858 г. со штабом Староингерманландского полка в Волковыске остались «полков-

⁹⁵НИАБ в г. Гродно. Ф. 44. Оп. 1. Д. 150. Л. 5–6.

⁹⁶НИАБ. Ф. 1416. Оп. 3. Д. 11573. Л. 8.

⁹⁷Обзор Минской губернии за 1870 г. / Мин. губ. стат. ком. Минск : Губ. тип., 1871. С. 34, 112.

⁹⁸Ростковский Ф. Я. История лейб-гвардии Финляндского полка. С. 121.

ник с семейством, три младших штаб-офицера, врач с семейством, четыре караульных офицера, лазарет, канцелярия, музыкантская школа на 100 человек, гауптвахта и полковой цейхгауз»⁹⁹. Осенью 1868 г. из состава 103-го Петрозаводского полка, штаб которого располагался в Брест-Литовске, в самом городе при штабе осталось только две роты солдат. В это же время со штабом 104-го Устюжского полка в уездном Кобрине не осталось ни одной роты¹⁰⁰.

Однако частые передвижения подразделений внутри района дислокации, неблагоприятные погодные условия (распутица, метели), плохое состояние дорог и низкая плотность деревенского населения в отдельных уездах заставляли отступать от принятых норм, размещая значительную часть армейских подразделений в городах.

Так, на протяжении 1859 г. в Витебске было отведено 1163 квартиры для низких чинов и еще 14 – для штаб- и обер-офицеров; в Городке Витебской

губернии в том же году была отведена одна генеральская квартира, 17 обер-офицерских квартир и 450 квартир для рядовых; в Лепеле – одна обер-офицерская квартира и 63 квартиры для рядовых; в Полоцке – 1024 квартиры для рядовых, 112 квартир для штаб- и обер-офицеров, 3 квартиры для генералов; в Сураже 250 квартир отводилось для рядовых, 4 – для штаб- и обер-офицеров, одна – для генерала; в Дриссе – 2 тыс. квартир для рядовых, 7 – для обер-офицеров, 249 – для военнослужащих постоянно квартировавшей в городе инвалидной команды¹⁰¹.

По данным делопроизводства минской квартирной комиссии, на протяжении 1867 г. в Минске под военный постой было отведено 660 гражданских домохозяйств для постоянно квартировавших в городе войск, 2872 – для временно квартировавших, 5110 – для проходивших через город (квартировавших менее трех дней).

Панорама Минска. Фото. Не позднее 1863 г.
Источник: <https://visualhistory.livejournal.com>

Panorama of Minsk. Photo. No later than 1863.
Source: <https://visualhistory.livejournal.com>

Всего на протяжении 1867–1869 гг. жители Минска отбыли 4 035 137 постайных дней (величина, выражавшая количество дней, проведенных одним военным постояльцем на отведенной ему квартире). Из этого следует, что на протяжении трех лет ежедневно населением принималось 3685 военных постояльцев¹⁰². По данным губернского статистического комитета, в Минске к 1870 г. было всего лишь 2228 жилых и нежилых домов¹⁰³. В том же 1870 г.

населением Борисова было отбыто 194 530 постайных дней. А это значит, что в среднем ежедневно борисовчане принимали на постой 533 военных (при общем числе жителей 4831 человек)¹⁰⁴.

В 1874 г. в Горках Могилёвской губернии постоянно квартировали 850 военнослужащих Углицкого полка (общая численность населения уездного центра составляла около 4,5 тыс. жителей). В это же время в Дубровно Могилёвской губернии на по-

⁹⁹НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1023. Л. 13 об.

¹⁰⁰Там же. Ф. 44. Оп. 1. Д. 150. Л. 18–48.

¹⁰¹НИАБ. Ф. 1416. Оп. 1. Д. 30878. Л. 1–10 об.

¹⁰²Там же. Ф. 17. Оп. 1. Д. 50. Л. 5–32 об.

¹⁰³Обзор Минской губернии за 1870 г. С. 126.

¹⁰⁴Там же. С. 35, 111.

стое размещалось около 600 военнослужащих того же полка¹⁰⁵. По данным правительственной комиссии для пересмотра системы податей и сборов, в 1874 г. в Могилёве постоянно квартировали 76 офицеров и 2703 солдата, в Минске – 75 офицеров и 2616 солдат, в Полоцке – 44 офицера и 1215 солдат, в Брест-Литовске – 34 офицера и 803 нижних чина, в Гомеле – 14 офицеров и 722 солдата, в Новогрудке – 27 офицеров и 669 солдат, в Орше – 21 офицер и 610 солдат, в Пинске – 18 офицеров и 608 солдат, в Мозыре – 18 офицеров и 530 солдат, в Слуцке – 25 офицеров и 343 солдата¹⁰⁶.

Развод солдат и офицеров по квартирам в городах и mestечках являлся обязанностью квартирных комиссий, в состав которых входили полицмейстер, депутаты от дворян, купцов и мещан-христиан, а также особые депутаты от еврейской части городского населения¹⁰⁷. В частности, к 1866 г. в состав Кобринской квартирной комиссии под председательством помощника уездного исправника штабс-капитана В. И. Жирковича входили депутат от дворян И. Н. Гродзкий, депутат от мещан-христиан И. А. Маслиевич, депутат от мещан-евреев Ю. П. Владавский и письмоводитель¹⁰⁸. К 1873 г. в состав Брест-Литовской квартирной комиссии под председательством полицмейстера входили депутат от дворян отставной полковник А. С. Масловский, депутат от мещан-христиан Н. И. Лигорович, депутат от мещан-евреев А. М. Тайндетник и письмоводитель¹⁰⁹. Могилёвская и Витебская квартирные комиссии, располагаясь в домах местных полицмейстеров, имели собственного письмоводителя-бухгалтера с окладом 500 руб. в год и писца, получавшего по 250 руб. в год. На канцелярские нужды двух последних комиссий уходило по 200 руб. в год, что свидетельствует о колоссальном объеме работ, выпадавших на долю данных учреждений¹¹⁰. При этом «дозволялось учреждать квартирные комиссии и в mestечках»¹¹¹. В 1858 г. депутат Волковысской квартирной комиссии от дворян А. М. Улицкий просил освободить его от членства

в ней из-за того, что «беспрерывные требования квартиривших в Волковыске войск об отводе под постоянной пребыванием в помешаний, удовлетворение которых и переписка по комиссии требовали каждого дня его присутствия и лишали времени для исполнения первейших обязанностей»¹¹². По свидетельству П. О. Бобровского, в городах Гродненской губернии «многие должностные лица за беспорядки по квартирным комиссиям (в 1850–60-х гг.– А. А.) были уволены от должности»¹¹³.

До 1865 г. не существовало каких-либо общих правил оформления требований, предъявляемых войсками местным гражданским органам власти для удовлетворения потребностей в квартирном довольствии. В 1862 г. правительственная комиссия для улучшения системы податей и пошлин признала, что «отправление квартирной повинности в России находится в совершенном беспорядке и не имеет никакой правильной и однообразной организации»¹¹⁴. Для упорядочения данного процесса с 1865 г. в каждом армейском подразделении были заведены специальные шнуровые книги. В одном из постановлений военного министра утверждалось: «Для устранения разного рода неправильностей, существующих ныне в хозяйстве войск по предмету довольствия, а равно для предоставления возможности проверять правильность требований необходимо завести в каждой отдельной части войск особые шнуровые книги, для того чтобы в книге эти были записываемы все требования частей»¹¹⁵. Следует обратить внимание на то, что злоупотреблявшие подобными требованиями командиры должны были самостоятельно возмещать все несправедливо понесенные населением убытки¹¹⁶.

В делопроизводстве квартирных комиссий велись настольные книги прихода и расхода квартирных сумм, квитанционные книги (в них заносились сведения о выданных населению в обмен на наличные деньги квитанциях), тетради о недоимках и долгах¹¹⁷. Квартирными комиссиями также велись

¹⁰⁵НИАБ. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 1. Л. 63–66.

¹⁰⁶Труды комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Окончательный проект о постоянной повинности. СПб. : Тип. В. Безобразова и комп., 1874. С. 68–71.

¹⁰⁷Свод законов Российской империи. С. 588.

¹⁰⁸Адрес-календарь и справочная книжка Гродненской губернии на 1867 г. / Гродн. губ. стат. ком. Гродно : Губ. тип., 1866. С. 167.

¹⁰⁹Адрес-календарь и памятная книжка Гродненской губернии на 1874 г. / Гродн. губ. стат. ком. Гродно : Губ. тип., 1873. С. 119.

¹¹⁰Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 14. С. 733 ; Т. 22. С. 116.

¹¹¹Свод законов Российской империи. Т. 4. С. 588.

¹¹²НИАБ в г. Гродно. Ф. 2. Оп. 7. Д. 1268. Л. 4.

¹¹³Бобровский П. О. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Гродненская губерния : в 2 т. Т. 2. СПб. : Тип. Деп. Ген. штаба, 1863. С. 756.

¹¹⁴Труды комиссии... Окончательный проект о постоянной повинности. С. 34.

¹¹⁵НИАБ в г. Гродно. Ф. 23. Оп. 1. Д. 294. Л. 1.

¹¹⁶Там же.

¹¹⁷ЛVIА. Ф. 389. Ар. 1. В. 873 ; Ibid. В. 711 ; Ibid. В. 831 ; Ibid. В. 852 ; Ibid. Ар. 2. В. 134 ; Ibid. В. 152 ; Ibid. В. 177 ; Ibid. Ар. 3. В. 250 ; Ibid. В. 282 ; Ibid. Ар. 4. В. 77 ; Ibid. В. 122.

журналы, в которые заносились личные сведения о владельцах домов и о военнослужащих, направлявшихся к ним на постой¹¹⁸.

Именно квартирные комиссии определяли порядок расположения военнослужащих в гражданских жилищах, вручая один квартирный билет хозяину дома (с именами постояльцев), второй – военнослужащим (с номером дома и именем хозяина), без предъявления которого последние не могли быть приняты на постой¹¹⁹. При этом «воинские команды в отношении к помещению их (т. е. квартирному довольствию. – А. А.) не могли производить никаких требований прямо к обывателям без участия гражданских властей» и «не имели права занимать квартиры по одним своим прихотям или переходить из дома в дом самовольно»¹²⁰. В домах, где были специально выделены комнаты для постояльцев, число последних определялось площадью помещений и составляло от 6 до 16 нижних чинов пехоты и от 2 до 5 кавалеристов. В домах, где не было отдельных помещений для постоянного проживания военнослужащих, располагались в одном помещении с домочадцами: «Где стоит у хозяина всего два или три покоя, там нижних чинов ставить по местным удобствам вместе с людьми хозяйственными, где же всего один покой, там и вместе с хозяевами»¹²¹. В обязательном порядке обер-офицеру полагалась отдельная комната, штаб-офицеру – две комнаты, генералу – от четырех до семи комнат (в тех случаях, когда «домов по сему размеру было недостаточно, довольствовались теми, какие случатся, занимая лучшие квартиры по старшинству чинов»)¹²².

Очевидно, что определенная часть отводившихся по постойной повинности жилых помещений в силу объективных социально-экономических причин и множества субъективных факторов частной жизни не отвечала принятым в исследуемый период санитарным требованиям и нормам бытовой культуры. О неблагоприятных условиях квартирного расположения военнослужащих свидетельствует отчет врача Новоингерманландского полка за 1865 г., согласно которому солдатские квартиры, «занятые у бедных горожан, плохо отапливались, содержались неопрятно... Солдаты жили по одному и по два человека в маленьких комнатах вместе с семьями хозяев до десяти человек, в то время как большинство домов богатых мещан оставались сво-

бодными от поста»¹²³. Ранее, зимой 1858–1859 гг., прaporщику Родзевичу из Староингерманландского полка в Гродно «квартира была отведена в доме Зубравского в районе Роскоши, расположенным в углу грязного двора. Двери, отделявшие его комнату от людской, были заколочены досками так неплотно, что в нее проникал шум и неприятные запахи. В доме Левина на Виленской улице под постой была отведена комната грязная и запущенная. Дом мещанина на Скальшановской улице со двора почти до половины врылся в землю, каменный дом Станкевич на Мостовой улице разваливался на глазах»¹²⁴. В рапорте старшего адъютанта 3-й пехотной дивизии Недвецкого отмечалось: «В остальных домах, указанных квартирной комиссией под постой офицеров, хотя и имелись приличные помещения, но таковые были заняты по найму частными лицами и в оных для офицеров квартир очищаемо не было, от чего они вынуждены были получать предложенные хозяевами деньги для найма других для себя помещений, но как этих денег зачастую недостаточно для аренды приличной квартиры, то некоторые офицеры вынуждены были доплачивать собственными деньгами»¹²⁵.

В квартире, отводимой офицеру на основании ст. 637 Устава о земских повинностях, должны были находиться кровать, стол, четыре стула, комод, скамья, вешалка¹²⁶.

По замечанию могилёвского губернского правления, адресованному горецкому уездному исправнику в 1863 г., «невзирая на постоянные жалобы на дурное и неисправное состояние отводимых городскими и земскими учреждениями помещений, названные учреждения решительно отказываются в принятии каких-либо мер для исправления означенных помещений, оставляя все требования воинских начальств без всякого удовлетворения»¹²⁷. «Хозяин вместо того, как положено в законе, отвести покой теплые, прочные, во всем исправные, показывает вам какой-нибудь чулан или вовсе нежилую комнату, грязную, сырую, с дырами в полу. При несогласии принять отводимую квартиру обыкновенно требует, чтобы частный пристав освидетельствовал ее, или переменил квартиру, или приказал хозяину отвести другие комнаты: но исполнение этого может случиться через неделю, причем бывает нередко, что дают квартиру еще худшую»¹²⁸.

¹¹⁸Свод законов Российской империи. Т. 4. С. 591.

¹¹⁹Там же.

¹²⁰Там же. С. 574, 593.

¹²¹Там же. С. 588.

¹²²Там же. С. 590.

¹²³Пирожников П. История 10-го пехотного Новоингерманландского полка. Тула : Электропечатня и тип. И. Д. Фортунатова, 1913. С. 295.

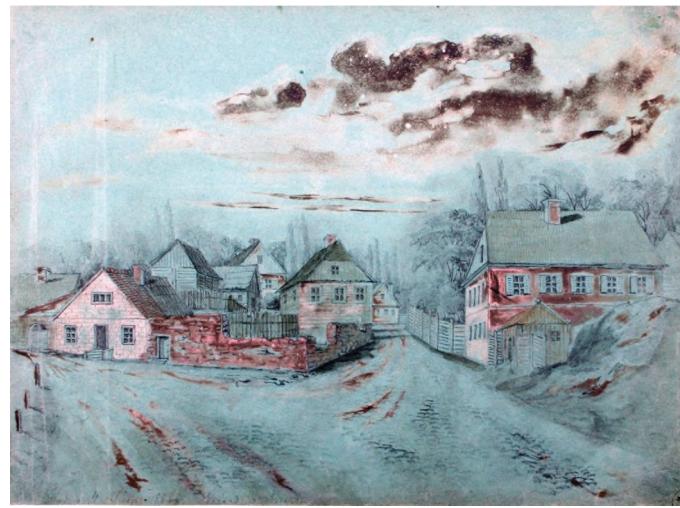
¹²⁴НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 29. Д. 940. Л. 17–18.

¹²⁵Там же.

¹²⁶НИАБ в г. Гродно. Ф. 492. Оп. 1. Д. 19. Л. 287.

¹²⁷НИАБ. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 1. Л. 70.

¹²⁸Серебренецкий А. Постой войск в селениях // Инж. журн. 1864. № 4. С. 309.

Гродно на въезде в город.
Акварель Наполеона Орды. 1866 г.
Источник: <https://upload.wikimedia.org>

Hrodna at the entrance to the city.
Watercolour by Napoleon Orda. 1866.
Source: <https://upload.wikimedia.org>

Красноречиво об условиях квартирного расположения свидетельствует личный пример генерала А. В. Паткуля, командира лейб-гвардии Павловского полка, который в ветхом доме, выделенном ему Волковысской квартирной комиссией, из-за сырости и холода «ни днем ни ночью не снимал шинели»¹²⁹. Квартировал генерал в этом более чем скромном жилище вместе со своей женой и детьми. Там же, в Волковыске, в подобных условиях квартировал командир Староингерманландского полка полковник Чертов: «Указанная для меня квартирной комиссией квартира, – вспоминает он, – представляет старый и совершенно ветхий дом, несколько лет уже никем не занимаемый, со сгнившими и осевшими в землю стенами. Потолок ее касался головы человека среднего роста. В комнатах стоял смрад, так что в них невозможно было находиться, не открывая окон»¹³⁰. В этом отношении А. Серебренецкий к 1864 г. отмечал: «В прежнее время невозможно было допустить и мысли, чтобы офицер не имел приличной квартиры... Он распоряжался без церемоний с мужиками. Об отоплении и говорить нечего: не доставят мужики, так солдаты нарубят сами в лесу, а за неимением лесов и при недоставке дров жителями велят и плетни с заборами валить. Но времена такие обратились в предания. Вообще, следует сказать, что в настоящее время наше положение во многих

отношениях стало зависеть от самих жителей»¹³¹. В частности, в период восстания 1863–1864 гг. в Вильно «поляки не принимали военных на постой, поэтому большая часть офицеров вынуждена была арендовать квартиры, за которые платили от 30 руб. в месяц»¹³².

По мнению командиров соединений, дислоцировавшихся на белорусских землях, расположение военнослужащих в гражданских жилищах оказывало негативное влияние на моральный облик молодых солдат и офицеров: «Они, рассеянные по деревням, разбросанные по захолустьям, помещаясь в тесных и грязных жилищах, или упражнялись на зеленом поле, или сидели сложа руки, не имея возможности ничем заменить карты, кроме вина как единственного предмета, охотно доставляемого гражданским окружением»¹³³. По заключению военных экспертов российского Генштаба, до последней четверти XIX в. «трудно было найти какуюлибо другую отрасль воинского благоустройства, которая могла бы мириться с этим способом квартирования, не страдала бы от него, не требовала бы коренной его реформы»¹³⁴.

Использование гражданских домохозяйств для квартирного довольствия войск в исследуемый период можно рассматривать также в качестве одного из средств политico-административного давления на гражданское население. В частности, по мнению

¹²⁹История лейб-гвардии Павловского полка: 1790–1890. С. 317–325.

¹³⁰НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1023. Л. 64.

¹³¹Серебренецкий А. Постой войск в селениях. С. 342.

¹³²История лейб-гвардии Павловского полка: 1790–1890. С. 222.

¹³³Пирожников П. История 10-го пехотного Новоингерманландского полка. С. 94.

¹³⁴Обзор деятельности военного министерства в последнее пятилетие, финансовых его средств и нужд армии. СПб.: Тип. Деп. уделов, 1865. С. 137.

И. Н. Волковой, «войсковой аппарат, встроенный в жилой массив, гарантировал проникающую систему контроля, которая была недоступна гражданским органам», что позволяло им «с упреждением реагировать на “сейсмическую” нестабильность отдельных зон российского пространства», подавляя центробежные тенденции и распространение антироссийских настроений [10, с. 111]. Так, в период восстания 1863–1864 гг., после разгрома наиболее организованных повстанческих отрядов и вступления в должность виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьева, части армейских соединений в ВлВО, разделенные на небольшие отряды, стали располагаться в деревнях и mestechках повзводно и поротно, что, по свидетельству современников, «создавало впечатление наводненности края войсками»¹³⁵.

Однако участие офицеров российской армии в серии антиправительственных выступлений (восстание декабристов, подготовка военного переворота в Бобруйской крепости, восстание 1863–1864 гг.), а также активное привлечение уроженцев белорусских губерний к службе в частях ВлВО и Варшавского военного округа свидетельствуют, что армия была открыта для принятия чуждых существовавшему строю идеологических установок, а поэтому зачастую аккумулировала антиправительственные настроения, которые получали распространение среди ее гражданского окружения. В частности, нижние чины российских войск в преддверии восстания 1863–1864 гг. открыто посещали костелы, в которых по завершении богослужений пелись революционные гимны, а многие офицеры открыто сочувствовали восстанию¹³⁶. В начале 1860-х гг. командиры подразделений 1-й армии, дислоцировавшиеся на белорусских землях, доносили о растущей популярности в войсках марша «Гарибальди» и массово изымаемых у военнослужащих политических прокламациях, воззваниях и брошюрах («Что нужно делать войску?», «Русским войскам в Польше», «Что хочет русский народ?» и пр.)¹³⁷.

Тяготы и лишения, которые претерпевало гражданское население Беларуси, где была сосредоточена несоизмеримо большая часть войск, нежели в любом другом регионе Российской империи, привели Генштаб в 1865 г. к убеждению, что многие проблемы социально-экономического характера, с которыми в рассматриваемый период сталкива-

лись «западные губернии, и в целом их истощение, по справедливости и в значительной мере следовало приписать непрерывному усиленному постою, которому они подвергались как в военное, так и мирное время»¹³⁸. Объективными причинами негативного воздействия военного поста на благосостояние гражданских домохозяйств являлись: 1) дефицит продовольствия; 2) теснота жилищ при больших семьях; 3) обязанность населения производить сопутствовавшие военному посту денежные сборы. Так, в д. Великие Гринки Свислочского уезда, назначенной для расквартирования одного из ротных дворов Староингерманландского полка, по свидетельству полкового командира Орлова, было всего лишь 32 крестьянских двора. Жители по бедности не могли давать удовлетворительного приварка, а при необходимости сбора какой-либо команды при ротном дворе были совершенно стеснены и лишены последнего состояния к продовольствию постояльцев¹³⁹. Жители м. Высоко-Литовск Брестского уезда жаловались, что при размещении у них в mestechке батальонного штаба «придется занять частный дом, выбросив оттуда хозяев»¹⁴⁰. По замечанию командира гродненского губернского батальона, все без исключения жители Гродно любыми путями стремились «уклониться от исполнения квартирной повинности»¹⁴¹.

По воспоминаниям А. Ф. Риттиха, квартировавшего в Минской губернии в начале 1860-х гг., «от бытовых неудобств, встречающихся то тут то там, часто возникали пререкания с городом. Часть требовала улучшения, а город не давал или оттягивал. А были такие города, которые, ради этих недостатков, требований и пререканий, выражали открыто желание избавиться от квартирования части»¹⁴². В частности, полковник Бальц, который непродолжительное время в 1850-х гг. квартировал в Волковыске, в своем отзыве писал: «Относительно отвода выгодных квартир квартирующим штаб- и обер-офицерам вверенного мне полка могу утвердительно и беспристрастно сказать, что не только почти все офицеры не имеют таковых, но даже и я сам не имею приличной квартиры единственно потому, что городские чиновники по частным и близайшим отношениям предпочли в этом более выгод жителям, нежели военным»¹⁴³.

Наиболее обремененными военным постом оказывались населенные пункты, лежавшие вдоль

¹³⁵История лейб-гвардии Павловского полка: 1790–1890. С. 230, 238.

¹³⁶Гулевич С. А. Четырех-с-половиной-вековая с 1478 по 1911 г. история 8-го пехотного Эстляндского полка. СПб. : Типолитография Вас. Остр., 1911. С. 243.

¹³⁷РГВИА. Ф. 14014. Оп. 3. Д. 356 ; Там же. Д. 359.

¹³⁸Обзор деятельности военного министерства в последнее пятилетие, финансовых его средств и нужд армии. С. 139.

¹³⁹НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1023. Л. 257.

¹⁴⁰Там же. Ф. 44. Оп. 1. Д. 61. Л. 11.

¹⁴¹Там же. Л. 4.

¹⁴²Риттих А. Русский военный быт... С. 141.

¹⁴³НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1023. Л. 39–40.

ведущих транспортных магистралей. «Некоторые из расположенных на Московско-Брестском шоссе деревень, – писал губернатору в 1856 г. пружанский земский исправник, – такие как Шени, Коптевки, Яновичи, Огородники, Новоселки, Жичин, были обременены постом войск беспрерывно»¹⁴⁴. Весной 1856 г. для войск гвардии, выступавших в Москву, «из-за сильной распутицы назначались

ночлеги как можно ближе к шоссе, так как отводить части в сторону после длительного перехода было невозможно»¹⁴⁵. Для того чтобы как-то облегчить тяготы, выпадавшие на долю лежавших у шоссе деревень в Гродненской губернии, 27 из них были освобождены от постоянно квартировавших в губернии войск и несли постайную повинность только в отношении подвижных колонн¹⁴⁶.

Лейб-гусары у водопоя.
Картина М. О. Микешина. 1853 г.
Источник: <http://друзья-сабры.рф>
Lite-hussars at the watering hole.
Picture by M. O. Mikeshin. 1853.
Source: <http://друзья-сабры.рф>

С введением в силу Положения о преобразовании воинской квартирной повинности в 1875 г., за-претившего войскам безвозмездно занимать гражданские жилища, главным способом квартирного довольствия военнослужащих должна была стать аренда офицерских квартир, а также казарменное размещение нижних чинов в арендуемых либо специально построенных для этого казармах. Так,

уже к концу 1875 г., по данным Генштаба, из общего числа войск ВлВО на гражданских подворьях квартировало только 33,5 % нижних чинов (для сравнения: накануне введения в силу положения 1875 г., по данным командующего округом, в них квартировало 87 % нижних чинов). По прошествии 10 лет после реформы к 1886 г. в гражданских жилищах квартировало всего 6,5 % нижних чинов ВлВО¹⁴⁷.

Выводы

Таким образом, анализ актов законодательства, материалов делопроизводства и статистики органов военного интенданства, институтов местного гражданского управления и самоуправления, сведений военного командования свидетельствует, что до середины 1870-х гг. помещения, использовавшиеся для казарменного размещения войск на белорусских землях, были представлены главным образом плохо приспособленными для этого

зданиями упраздненных католических монастырей либо иными гражданскими сооружениями, способными вместить лишь небольшое число военнослужащих, что осложняло управление, взаимодействие и подготовку их разрозненных групп. В условиях острой нехватки казарм расположение солдат и офицеров в гражданских жилищах, отводимых по постайной повинности, выступало в качестве основного источника обеспечения военнослужащих

¹⁴⁴НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 29. Д. 865. Л. 74 об.

¹⁴⁵История лейб-гвардии Егерского полка... С. 327.

¹⁴⁶Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба : в 17 т. Т. 9, ч. 3. Гродненская губерния. СПб. : Тип. Деп. Ген. штаба, 1848. С. 157.

¹⁴⁷РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 364. Л. 21–25 ; Там же. Д. 827. Л. 10 об.

жилыми помещениями до середины 1870-х гг. Бытовые неудобства, связанные с совместным проживанием военнослужащих и домохозяев, а также стремление найти более выгодное применение для безвозмездно занимаемых постояльцами помещений формировали негативное отношение к постной повинности со стороны гражданского населения. В середине 1850-х – середине 1870-х гг. продовольственное обеспечение войск было тесно связано с господствовавшим в армии способом квартирного довольствия, при котором хозяева отводившихся по постойной повинности домов были обязаны готовить пищу солдатам, компенсируя

расходы собственных продуктов (в том числе мяса и овощей) за счет так называемой казенной дачи провианта, составлявшей 900 г муки и 103 г крупы в день на одного постояльца. Общепринятых норм и требований к составу и объему приготовляемой хозяином для солдата пищи не существовало. Всего в исследуемый период на территории белорусских губерний до перехода к казарменному размещению войск единовременно военным постом было занято от 37 тыс. (в период Крымской войны) до 85 тыс. (в период восстания 1863–1864 гг.) гражданских домохозяйств в более чем 6,5 тыс. населенных пунктов.

Библиографические ссылки

1. Арлукевич АБ. Сосредоточение войск Российской империи в Беларуси в период Крымской войны и преддверия восстания 1863–1864 гг. *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки*. 2020;9:2–15.
2. Арлукевич АБ. Войска Российской империи в Беларуси в период восстания 1863–1864 гг. *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки*. 2020;1:7–17.
3. Арлукевич АБ. Войска Виленского и Варшавского военных округов Российской империи в Беларуси (1864–1914). *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2020;3:5–22.
4. Никольский ЕА. *Записки о прошлом*. Москва: Русский путь; 2007. 564 с.
5. Жиркович АВ. *Потревоженные тени. Симбирский дневник*. Жиркович-Подлесских НГ, редактор. Москва: Этерна-принт; 2007. 478 с.
6. Рогалев АВ. *Гомель. Страницы древней истории, формирование улиц, местные тайны и загадки*. Гомель: Барк; 2014. 248 с.
7. Захарова ЛГ, редактор. *Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милутина. 1860–1862*. Москва: Российский архив; 1999. 488 с.
8. Местные органы власти и управления. В: Житко АП, редактор. *История белорусской государственности. Том 2*. Минск: Беларуская навука; 2019. с. 55–105.
9. Крестовский ВВ. *Очерки кавалерийской жизни*. Москва: Воениздат; 1998. 287 с.
10. Волкова И. *Русская армия в русской истории*. Москва: Эксмо; 2005. 639 с.

References

1. Arlukovich AB. Concentration of troops of the Russian empire in Belarus during the Crimean war and the run-up to the uprising 1863–1864. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A. Gumanitarnye nauki*. 2020;9:2–15. Russian.
2. Arlukovich AB. Troops of the Russian Empire in Belarus during the uprising of 1863–1864. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A. Gumanitarnye nauki*. 2020;1:7–17. Russian.
3. Arlukovich AB. Troops of the Vilna and Warsaw military districts of the Russian Empire in Belarus (1864–1914). *Journal of the Belarusian State University. History*. 2020;3:5–22. Russian.
4. Nikol'skij EA. *Zapiski o proshlom* [Notes on the past]. Moscow: Russkii put'; 2007. 564 p. Russian.
5. Zhirkevich AV. *Potrevozhennye teni. Simbirskii dnevnik* [Disturbed the shadows. Simbirsk diary]. Zhirkevich-Podles-skikh NG, editor. Moscow: Eterna-print; 2007. 478 p. Russian.
6. Rogalev AV. *Gomel'. Stranitsy drevnei istorii, formirovanie ulits, mestnye tainy i zagadki* [Homiel'. Pages of ancient history, the formation of streets, local secrets and riddles]. Homiel': Bark; 2014. 248 p. Russian.
7. Zakharova LG, editor. *Vospominaniya general-fel'dmarshala grafa Dmitriya Alekseevicha Milyutina. 1860–1862* [Memoris of field Marshal count Dmitry Alekseyevich Milutin. 1860–1862]. Moscow: Rossiiskii arkhiv; 1999. 488 p. Russian.
8. [Local government and administration]. In: Zhitko AP, editor. *Istoriya belorusskoi gosudarstvennosti. Tom 2* [The history of the Belarusian statehood. Volume 2]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2019. p. 55–105. Russian.
9. Krestovski VV. *Ocherki kavaleriiskoi zhizni* [Essays on cavalry life]. Moscow: Voenizdat; 1998. 287 p. Russian.
10. Volkova I. *Russkaya armiya v russkoi istorii* [Russian army in Russian history]. Moscow: Eksmo; 2005. 639 p. Russian.

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

WORLD HISTORY

УДК 364(44)(091)«1997/2002»

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА Л. ЖОСПЕНА ВО ФРАНЦИИ (1997–2002)

Е. Г. КОЛБ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Показано, что социальная политика правительства Л. Жоспена была сосредоточена на снижении уровня безработицы и социального неравенства, которые в 1990-х гг. воспринимались населением как главные проблемы страны. По своему содержанию этот курс соответствовал традициям и идеологическим принципам левого лагеря Франции, а по используемым инструментам был весьма близок к политике предыдущих левых правительств. Одной из главных его особенностей стало то, что правительство Л. Жоспена, в отличие от предшественников, больше внимания уделяло вопросам семейной политики и защите интересов инвалидов. Второй отличительной чертой являлось более активное использование волевого подхода, от которого левые правительства отступили в 1983 г. под влиянием экономических реалий. В то же время правительство Л. Жоспена, учитывая интересы экономического развития, отказалось от ужесточения государственного контроля над трудовыми отношениями и от широкомасштабных действий по повышению доходов наемных работников. Несмотря на прагматизм правительства, его социальная политика впервые за время нахождения у власти левых сил не вызвала явного разочарования у близкой к левому лагерю части населения. Однако при всей внешней успешности итогов социальной политики она не дала ожидаемого электорального эффекта из-за содержавшихся в ней противоречий.

Ключевые слова: Франция; социальная политика; левый лагерь; Французская социалистическая партия.

Образец цитирования:

Колб Е.Г. Социальная политика правительства Л. Жоспена во Франции (1997–2002). *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2021;1:59–67.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-1-59-67>

For citation:

Kolb EG. The social policy of Lionel Jospin's government in France (1997–2002). *Journal of the Belarusian State University. History*. 2021;1:59–67. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-1-59-67>

Автор:

Евгений Георгиевич Колб – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета.

Author:

Eugene G. Kolb, PhD (history), docent; associate professor at the department of modern and contemporary history, faculty of history.
eg.kolb.64@gmail.com

САЦЫЯЛЬНАЯ ПАЛІТЫКА ЎРАДА Л. ЖАСПЕНА Ў ФРАНЦЫІ (1997–2002)

Я. Г. КОЛБ^{1*}

¹*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Паказана, что сацыяльная палітыка ўрада Л. Жаспена была сканцэнтравана на зніженні ўзроўню беспрацоўя і сацыяльнай няроўнасці, якая ў 1990-я гг. успрымаліся насельніцтвам як галоўныя праблемы краіны. Па сваім змесце гэты курс адпавядаў традыцыям і ідэалагічным прынцыпам левага лагера Францыі, а па інструментах, якія выкарыстоўваліся, быў вельмі блізкі да палітыкі папярэдніх левых урадаў. Адной з галоўных яго адметнасцей стала тое, што ўрад Л. Жаспена, у адрозненне ад папярэднікаў, больш увагі надаваў пытанням сямейнай палітыкі і абароны інтэрэсаў інвалідаў. Другой асаблівасцю стала больш актыўнае выкарыстанне валявога падыходу, ад якога левые ўрады адступілі ў 1983 г. пад уплывам эканамічных рэалій. У той жа час урад Л. Жаспена, улічваючы інтэрэсы эканамічнага развіцця, адмовіўся ад узмацнення дзяржаўнага кантролю над працоўнымі адносінамі і ад буйна-маштабных дзеянняў па павышэнні даходаў наёмных працоўных. Нягледзячы на прагматызм урада яго сацыяльная палітыка ўпершыню пры знаходжанні левых сіл ва ўладзе не выклікала відавочнага расчараўання ў блізкай да левых лагера часткі насельніцтва. Аднак пры ўсёй зневажлівасці сацыяльнай палітыкі яна не дала чаканага электаральнага эффекту праз супяречнасці, якія былі ёй уласцівыя.

Ключавыя слова: Францыя; сацыяльная палітыка; левы лагер; Французская сацыялістычная партыя.

THE SOCIAL POLICY OF LIONEL JOSPIN'S GOVERNMENT IN FRANCE (1997–2002)

E. G. KOLB^a

^aBelarusian State University, 4 Nieuwland Avenue, Minsk 220030, Belarus

The social policy of Lionel Jospin's government was focused on solving the problems of unemployment and social inequality, which in the 1990s were perceived by the population as the main problems of the country. This corresponded with traditions and ideological principles of the French left and the methods used were very close to the policies of previous left governments. One of the distinguishing features of Jospin's government was the close attention it gave to family issues and protection of the interests of disabled people. Another distinctive feature was active use of the strong-willed approach, from which left-wing governments had retreated since 1983 under the influence of economic realities. At the same time the government took into account the necessity of economic development and refused to strengthen state control over labor relations as well as avoiding any large-scale actions to increase employees income. Despite the government's pragmatism, for the first time since left forces came to power its social policy did not cause obvious disappointment among the part of the population close to the left camp. Despite all the external success of social policy results, it did not deliver the expected electoral effect due to the contradictions contained in it.

Keywords: France; social policy; left political camp; French Socialist Party.

Введение

В 1980-х гг. левые правительства своей политической опровергли существовавший ранее во Франции стереотип о том, что их пребывание у власти сопряжено с обострением экономических проблем. Но при этом выяснилось, что одной из наиболее слабых сторон правления левых стала их социальная политика. Начиная с 1983 г. левые кабинеты в целях развития экономики сдерживали рост зарплат и социальных расходов, отказывались от проведения крупномасштабных мер распределительного характера, воздерживались от расширения социальных прав наемных работников и усиления административного контроля над трудовыми отношениями.

В деле защиты интересов наемных работников левые правительства сместили акцент с использования административных мер на стимулирование переговоров между профсоюзами и предпринимателями по вопросам условий и оплаты труда. Такая позиция была воспринята частью «естественной» социальной базы левого лагеря как отход социалистов, определявших политику правительств, от идеалов левых сил. Политическим результатом возникшего разочарования стало снижение авторитета Французской социалистической партии (ФСП) среди социальных низов и поражение левого лагеря на выборах 1986 и 1993 гг.

Кабинет Л. Жоспена (1997–2002), казалось, сумел избежать ошибок двух предыдущих легислатур левых сил. Но, несмотря на отсутствие явного недовольства правительственный курсом среди близкой к левому лагерю части населения и вполне успешные итоги политики правительства, левые силы все же проиграли выборы 2002 г.

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы выявить особенности социальной политики кабинета Л. Жоспена. Задачами являются выяснение специфики методов и инструментов, использованных правительством для решения социальных проблем; определение степени соответствия содержания политики традициям левых сил Франции; установление противоречий социальной политики, повлиявших на электоральные результаты левого лагеря на выборах 2002 г.

Результаты и их обсуждение

Лидер ФСП Л. Жоспен, возглавивший правительство после победы левой коалиции на выборах 1997 г., был настроен на проведение курса, который отвечал бы традициям левых сил, но при этом не создавал бы помех для развития экономики. Представляя в июне 1997 г. программу действий кабинета, политик объявил о намерении вернуться к проведению волонтиаристской политики, которая являлась одним из традиционных принципов ФСП и предполагала ведущую роль государства в развитии страны. Глава правительства обещал использовать весь арсенал имеющихся в распоряжении государства инструментов для решения проблем, назвав приоритетом в социальной сфере борьбу с безработицей и социальным неравенством, а также усиление социальной справедливости¹.

Наиболее отчетливым проявлением возврата к волонтиаристской политике стали два правительственные решения по борьбе с безработицей. Первым из них являлось сокращение продолжительности рабочего времени, осуществленное путем принятия в 1998 и 2000 гг. двух законов, получивших название «законы Обри» (по фамилии министра социальных дел)². Они предусматривали сокращение с 1 января 2002 г. официальной продолжительности рабочей недели с 39 до 35 ч и снижение взносов в систему социального страхования владельцев предприятий, сохранивших или увеличивавших численность персонала. Планировалось, что сокращение рабочего времени увеличит потребность в рабочей

Социальная политика правительства Л. Жоспена рассматривалась автором данной статьи в монографии, но под несколько иным углом зрения [1]. В русскоязычной историографии ближнего зарубежья этот вопрос не стал предметом специального исследования. Его отдельные аспекты отражены в работах с более широкой тематикой, наиболее объемно – в монографии Е. О. Обичкиной [2]. Из исследований французских авторов по социально-экономической политике кабинета Л. Жоспена можно отметить работы К. Миталь и Э. Израилевича [3], а также Ж. Депорта и Л. Модюи [4], в которых, однако, основное внимание уделено экономической политике, а из направлений социальной политики освещены лишь наиболее тесно связанные с экономикой.

Источниками для написания статьи стали законы и материалы периодической печати Франции.

силе, а уменьшение социальных взносов с низких зарплат подтолкнет владельцев предприятий повысить наем малоквалифицированных работников.

Вторым волевым решением стало принятие в октябре 1997 г. закона о развитии занятости молодежи³. Он предусматривал трудоустройство молодых людей независимо от уровня их образования в государственных службах путем заключения пятилетних контрактов по выполнению социально значимой деятельности, при этом государство брало на себя финансирование основной части расходов на оплату труда. Закон преследовал две основные цели: удовлетворить имеющиеся потребности в социальных услугах и позволить молодым людям за пять лет обрести профессиональный опыт, который помог бы им в дальнейшем получить стабильную работу. В 2001 г. был принят новый пятилетний план стоимостью 40 млрд франков, который предусматривал продолжение этой практики, но с меньшим финансовым участием государства в оплате труда⁴.

Оба инструмента по созданию рабочих мест не являлись новаторскими. Однако масштабность этих программ позволяла Л. Жоспену продемонстрировать готовность к решительной борьбе с безработицей, невзирая на экономическую стоимость данных мер. Принятие вышеназванных законов символизировало возврат к исторической установке ФСП о приоритете политической воли над экономической целесообразностью, от которой социалисты

¹Le Monde. 1997. 21 juin. P. 9.

²Loi № 98-461 du 13 juillet 1998 d'orientation et d'incitation relative à la réduction du temps de travail // J. offic. de la Rép. fr. 1998. 14 juin. P. 9029–9033 ; Loi № 2000-37 du 19 janvier 2000 d'orientation relative à la réduction négociée du temps de travail // Ibid. 2000. 20 jan. P. 975–992.

³Loi № 97-940 du 16 octobre 1997 relative au développement d'initiatives pour l'emploi des jeunes // J. offic. de la Rép. fr. 1997. 17 oct. P. 15076–15079.

⁴Le Monde. 2001. 8 juin. P. 9.

отступили после 1983 г., оправдывая этот поворот необходимостью учета объективных требований экономики.

В то же время правительство Л. Жоспена постаралось, чтобы его политика занятости не привела к снижению конкурентоспособности предприятий. Так, оно отказалось от выполнения предвыборного обещания ФСП о трудоустройстве 350 тыс. молодых людей силами частных предприятий. Отказ от этой меры, ведущей к увеличению социальной нагрузки на предприятия, мотивировался тем, что начавшееся в 1997 г. ускорение экономического роста снизило актуальность данного обещания⁵. Заложенное в «законах Обри» уменьшение взносов предприятий в систему социального страхования снижало для них стоимость рабочей силы. Также эти законы предусматривали, что конкретные условия перехода предприятий к 35-часовой рабочей неделе будут определены путем переговоров между профсоюзами и предпринимателями. Это позволило владельцам предприятий, пользуясь слабостью профсоюзов, заключить соглашения, которые предусматривали умеренное повышение и даже замораживание размера зарплаты на переходный период, а также возможности гибкого использования рабочей силы в зависимости от потребностей предприятий [5, р. 162–163].

Такое же сочетание решительности и взвешенности было характерно и для политики правительства по проблеме социального неравенства. Одним из ее направлений стала борьба с бедностью, или, как ее называют во Франции, социальной изоляцией (*exclusion sociale*). Здесь кабинет Л. Жоспена использовал волевой подход, приняв два закона, направленных на обеспечение доступа к социальным правам для лиц с доходами, близкими к официальному минимуму. Закон от 29 июля 1998 г. о борьбе с социальной изоляцией содержал большое число финансовых и административных мер по обеспечению этой части населения работой и жильем, облегчению доступа к медицинским услугам, отсрочке выплаты кредитной и налоговой задолженности⁶. Зафиксированный в законе метод решения проблемы не являлся новаторским, целиком вписываясь в направления борьбы с бедностью, заданные в конце 1980-х гг. левым кабинетом М. Рокара. Главное его отличие заключалось в большем разнообразии

конкретных мер поддержки и более масштабном их финансировании. Вторым знаковым решением стал закон от 27 июля 1999 г. о всеобщем медицинском страховании, еще более облегчивший лицам с низкими доходами доступ к медицинской помощи⁷.

Другие действия по борьбе с социальным неравенством были направлены на защиту социально уязвимых категорий и базировались на принципах равенства и социальной справедливости, но различались характером использованных методов. Проявлением волевого подхода стало введение законом от 20 июля 2001 г. «пособия автономии» для пожилых людей с ограниченными возможностями⁸. Такой же подход был использован для роста строительства социального жилья. Принятый в декабре 2000 г. закон о солидарности и развитии городов обязал коммуны с числом жителей более 200 тыс. человек довести к 2022 г. парк социального жилья до 20 % их жилого фонда⁹.

Для защиты квартирсъемщиков в секторе частного жилья правительство воздержалось от ужесточения административных мер, показавших ранее недостаточную свою эффективность, и сделало упор на предоставлении налоговых льгот владельцам жилья в обмен на ограничение роста квартирплаты и сдачу жилья семьям с низкими и средними доходами.

Рассматривая вслед за предшественниками развитие массового образования как важный инструмент борьбы с неравенством, правительство Л. Жоспена использовало метод *позитивной дискриминации* для поддержки учащихся из малообеспеченных семей. Оно активизировало начатую левыми силами в 1981 г. политику предоставления учебным заведениям в зонах проживания социально неблагополучного населения льгот в организации обучения и оплате труда преподавателей. В феврале 1999 г. было принято решение увеличить почти на 1 тыс. число учебных заведений, имевших такие льготы¹⁰. В июле 1998 г. началась реализация плана, предусматривавшего повышение размера стипендий для студентов из малообеспеченных семей, расширение числа получателей таких стипендий, предоставление этим учащимся ряда социальных льгот¹¹.

Кабинет Л. Жоспена продолжил курс предшественников на установление гендерного равенства.

⁵Le Monde. 1999. 5 févr. P. 6.

⁶Loi № 98-657 du 29 juillet 1998 d'orientation relative à la lutte contre les exclusions // J. offic. de la Rép. fr. 1998. 31 juill. P. 11679–11709.

⁷Loi № 99-641 du 27 juillet 1999 portant création d'une couverture maladie universelle // J. offic. de la Rép. fr. 1999. 28 juill. P. 11229–11249.

⁸Loi № 2001-647 du 20 juillet 2001 relative à la prise en charge de la perte d'autonomie des personnes âgées et à l'allocation personnalisée de l'autonomie // J. offic. de la Rép. fr. 2001. 21 juill. P. 11737–11743.

⁹Loi № 2000-1208 du 13 décembre 2000 relative à la solidarité et au renouvellement urbains // J. offic. de la Rép. fr. 2000. 14 déc. P. 19777–19829.

¹⁰Le Monde. 1999. 12 févr. P. 11.

¹¹Ibid. 1998. 1 juill. P. 7.

Принятый в мае 2001 г. закон о профессиональном равенстве мужчин и женщин стал развитием похожего закона 1983 г., оказавшегося малоэффективным. Новый закон предусматривал обязательное проведение соответствующих переговоров на предприятиях и в отраслях, а также учет гендерного равенства на переговорах об условиях труда¹². Более того, правительство распространило данный принцип на политическую сферу, приняв в июне 2000 г. закон, обязывающий политические партии выдвигать на выборах равное число кандидатов обоих полов¹³.

Метод *позитивной дискриминации*, пусть и менее явно, использовался правительством и в семейной политике. Правда, первоначально кабинет Л. Жоспена показал готовность к решительным действиям в интересах семей с низким достатком, поставив в 1998 г. выплату пособия на воспитание детей в зависимость от размера доходов родителей [1, с. 200]. Это решение, критически встреченное большинством партий страны, уже в 1999 г. было отменено, тем не менее в дальнейшем правительство при предоставлении налоговых льгот и введении новых социальных выплат отдавало преимущество семьям с низкими доходами.

В целом же правительство Л. Жоспена уделило семейной политике заметно больше внимания, чем предыдущие левые кабинеты. С 1998 г. оно начало проведение ежегодных конференций по проблемам семьи с широким кругом участников. Тем самым правительство демонстрировало понимание важности социальной роли семьи, задачу которой левые силы ранее сводили в основном к материальному обеспечению подрастающего поколения. Кроме того, правительство стремилось лишить правые силы монополии на роль защитника семьи и семейных ценностей. Однако семейная политика кабинета Л. Жоспена имела существенные отличия от политики правых сил, которая была направлена на поддержку традиционных семей и возврат женщин к роли хранительниц домашнего очага. Во-первых, правительство поставило цель стимулировать профессиональную деятельность женщин, имеющих детей. Для этого было увеличено количество мест в яслях, расширено число получателей пособия на оплату услуг нянь, введена доплата для возобновивших работу матерей. Во-вторых, правительство Л. Жоспена углубило курс предыдущих левых каби-

нетов на обновление семейно-брачных отношений, уравняв законом 1999 г. социальные права традиционных и нетрадиционных семей¹⁴.

Еще одним заметным отличием политики кабинета Л. Жоспена от его левых предшественников стала большая поддержка инвалидов. Это объяснялось как растущим вниманием общества к данной проблеме, так и стремлением перехватить инициативу у правых партий, которые в 1990-х гг. отвели защите интересов инвалидов значительное место в политических программах. В 1999 г. началась реализация скромных по объему программ по созданию рабочих мест для лиц с ограниченными возможностями и по обеспечению детям-инвалидам доступа к образованию. В январе 2000 г. был выдвинут более масштабный трехлетний план (стоимость плана составила 2,52 млрд франков) по улучшению положения инвалидов и усилению их социальной интеграции¹⁵. Он предусматривал увеличение финансирования и расширение масштаба начатых в 1999 г. программ, а также создание на местах фондов для помощи инвалидам в приобретении необходимых товаров. В декабре 2001 г. был принят закон, установивший приоритет инвалидов и семей с инвалидами в получении социального жилья¹⁶.

В то же время правительство долгое время воздерживалось от выполнения предвыборного обещания социалистов об активизации борьбы с увольнениями и негарантированными видами трудовых отношений, хотя эти два явления рассматривались населением как одна из причин роста неравенства и бедности. В 1999 г. Л. Жоспен даже назвал контрпродуктивным усиление государственного регулирования трудовых отношений, явно не желая в условиях начавшегося в 1997 г. сокращения безработицы предпринимать шаги, способные снизить деловую активность предприятий¹⁷. И только в 2001 г. возобновление роста безработицы и давление со стороны партнеров ФСП по правящей коалиции вынудило премьер-министра изменить позицию. В принятый в феврале 2002 г. закон о социальной модернизации были включены положения о сдерживании увольнений и использования негарантированных видов трудовых отношений¹⁸. Но эти положения свелись к расширению возможностей работников обжаловать в суде свое увольнение, а также к решениям финансового характера, повышавшим для предприятий стоимость уволь-

¹²Loi № 2001-379 du 9 mai 2001 relative à l'égalité professionnelle entre les femmes et les hommes // J. offic. de la Rép. fr. 2001. 10 mai. P. 7320–7325.

¹³Loi № 2000-493 du 6 juin 2000 tendant à favoriser l'égal accès des femmes et des hommes aux mandats électoraux et fonctions électives // J. offic. de la Rép. fr. 2000. 7 juin. P. 8560–8562.

¹⁴Loi № 99-944 du 15 novembre 1999 relative au pact civil de solidarité // J. offic. de la Rép. fr. 1999. 16 nov. P. 16959–16961.

¹⁵Le Monde. 2000. 27 jan. P. 10.

¹⁶Loi № 2001-1247 du 21 décembre 2001 visant à accorder une priorité dans l'attribution des logements sociaux aux personnes en situation de handicap ou aux familles ayant à leur charge une personne en situation de handicap // J. offic. de la Rép. fr. 2001. 28 déc. P. 20574.

¹⁷Le Monde. 1999. 15 sept. P. 6.

¹⁸Loi № 2002-73 du 17 janvier 2002 de modernisation sociale // J. offic. de la Rép. fr. 2002. 18 jan. P. 1008–1052.

нений и негарантированных трудовых отношений. Вместе с этим правительство отказалось удовлетворить выигрышные в политическом отношении требования партнеров ФСП по коалиции о введении моратория на сокращение персонала предприятий, повысить налогообложение негарантированных видов занятости, запретить увольнения на прибыльных предприятиях.

В деле повышения доходов наемных работников правительство Л. Жоспена продолжило взятый социалистами в 1983 г. взвешенный курс, направленный на поддержание стабильности государственных финансов. В июне 1997 г. по политическим соображениям было принято решение о заметном повышении минимальной зарплаты и некоторых пособий. В дальнейшем правительство умеренно увеличивало размер социальных минимумов, хотя рост бюджетных поступлений в связи с ускорением в 1997–2000 гг. экономического роста создал возможность для более значительного повышения без нарушения критерииев Мaaстрихтского договора [1, с. 195].

Столь же взвешенно правительство использовало распределительные инструменты в своей политике доходов. В 1997–1999 гг. оно несколько раз повышало ставки налога на крупные состояния, вводило сборы с прибылей и сбережений для финансирования системы социального страхования, понижало отчисления наемных работников в кассы медицинского страхования [1, с. 196–197]. Но, заботясь об увеличении частных инвестиций, кабинет Л. Жоспена воздерживался от широкомасштабных распределительных мер, хотя они были одним из символов политики левых сил. Так, в 1998 г. премьер-министр отклонил требование коммунистов распространить на капитальное имущество налог на крупные состояния, что, как показали расчеты, грозило сокращением экономического роста на 0,5 % и потерей 100 тыс. рабочих мест¹⁹.

Разразившийся весной 2000 г. скандал в связи с сокрытием правительством того факта, что налоговые поступления значительно превысили запланированные в бюджете показатели, вынудил премьер-министра пойти на более масштабные действия по повышению доходов. Кабинет Л. Жоспена использовал нехарактерный для левых сил метод снижения налогов. При этом приоритет был отдан интересам лиц с низкими доходами. Наиболее знаковым решением в их пользу стала введенная законом 2001 г. «премия по занятости» – возврат части налоговых выплат наемным работникам с зарплатой ниже 1,4 минимального заработка²⁰. К важным мерам относилось также снижение подоходного налога и налога на жилье. В то же время по экономическим соображениям правительство

предоставило ряд налоговых льгот предприятиям, а для привлечения симпатий средних слоев населения понизило две высшие ставки подоходного налога. В результате снижение налогов хотя и привело к росту доходов граждан, но не стало крупным распределительным актом. Как показали подсчеты экономистов, наибольшее снижение налогов (на 55 %) пришлось на наиболее зажиточную четверть населения, тогда как каждая из оставшихся трех четвертей граждан получила снижение налоговой нагрузки в среднем на 15 % [6, р. 211].

Даже в условиях начавшегося в 2001 г. замедления экономического роста правительство не пошло на активизацию политики доходов в привычном левом ключе. Оно увеличило минимальную зарплату на 4 % вместо предлагаемого партнерами ФСП повышения на 5,0–5,6 %, а также отклонило их требования о значительном увеличении налогообложения зажиточной части населения.

Из-за отказа Л. Жоспена от усиления административного контроля над трудовыми отношениями, а также от значительного повышения социальных расходов и налогов на высокие доходы в левом лагере появилось мнение, что правительство проводит социал-либеральный курс. И хотя правительственная политика в ряде случаев действительно его напоминала, данное утверждение было явным преувеличением. Во-первых, правительство сохранило за государством ведущую роль в решении социальных проблем и активно использовало государственные возможности для защиты непривилегированной части населения от негативных последствий рыночной экономики. Во-вторых, кабинет Л. Жоспена отказался от проведения качественных изменений в системе социального страхования и, напротив, расширил ее масштаб введением всеобщего медицинского страхования и «пособия автономии». Более того, премьер-министр не стал проводить пенсионную реформу, объективно назревшую в связи с прогрессирующим старением населения, но потенциально взрывоопасную в политическом отношении. Для борьбы с дефицитом системы правительство повысило размер и расширило поле действия специального сбора, введенного социалистами в 1990 г. для финансирования системы социального страхования. Одновременно оно продолжило линию предшественников на сдерживание роста медицинских расходов и сокращение компенсаций за ряд лекарств и медицинских услуг.

Наконец, правительство Л. Жоспена отказалось от использования санкционных мер для того, чтобы подтолкнуть бедняков и безработных к поиску работы. Оно решительно выступило против соглашения о новом виде страхования по безработице, заключенного в 2000 г. между предпринимателями

¹⁹Le Monde. 1998. 7–8 juin. P. 14.

²⁰Loi № 2001-458 du 30 mai 2001 portant création d'une prime pour l'emploi // J. offic. de la Rép. fr. 2001. 31 mai. P. 8639–8640.

и частью профсоюзов. Документ предусматривал приостановку выплаты пособия и даже утрату права на него в случае, если безработный не прилагал достаточных усилий по возобновлению трудовой деятельности и систематически отклонял предложения службы трудоустройства. Под давлением правительства положение о санкциях было изъято из текста соглашения. Для борьбы с социальным иждивенчеством использовались менее жесткие методы. Одним из них стало сохранение права на получение пособия, если найденная работа оказывалась низкооплачиваемой. При проведении снижения налогов система льгот для получателей социальных минимумов была изменена таким образом, что повышение доходов наименее обеспеченной части населения происходило лишь при условии возобновления трудовой деятельности [7, р. 164–166].

В целом содержание социальной политики кабинета Л. Жоспена соответствовало традициям левого лагеря Франции. Но из-за учета требований экономики предпринятые действия по защите интересов лиц наемного труда не отличались решительностью и масштабностью. Это обстоятельство вызвало обострение отношений между социалистами и их союзниками по правящей коалиции, которые с 1998 г. все более настойчиво требовали поворота правительенного курса влево. Сдерживание роста зарплаты привело к серии выступлений работников государственных служб, что вынудило правительство пойти на уступки и тем самым подорвало его авторитет.

Тем не менее на протяжении легислатуры социальная политика правительства позитивно оценивалась большинством населения, и даже обострение социально-экономических проблем в 2001 г. не оказалось видимого влияния на такое восприятие. Накануне выборов 2002 г. большинство французов одобряли социальную политику правительства (50 % против 40 %) [8, р. 24]. Не менее важным было то, что впервые за время пребывания левых сил у власти в опросах общественного мнения не просматривалось явного разочарования политикой правительства среди левого избирателя.

Итоги социальной политики также выглядели вполне успешными. В 1997–2000 гг. уровень безработицы среди активного населения снизился с 12,4 до 8,9 %, а в некоторых секторах даже возникла нехватка рабочих рук [8, р. 194]. В 1999 г. был ликвидирован дефицит системы социального страхования. Число получателей пособия по бедности, непрерывно растущее со временем его введения в 1988 г., сократилось в 2000–2001 гг. на 3,6 % [8, р. 319]. Важным обстоятельством было и то, что социальная политика правительства не вызвала обострения экономических проблем. В 1997–2000 гг. средне-

годовые темпы роста ВВП составили 3,2 %, частные инвестиции увеличивались в среднем на 7,6 % в год, дефицит государственного бюджета сократился с 4,2 до 1,5 %, а инфляция была рекордно низкой за послевоенное время [8, р. 185, 194, 240].

Казалось, факты свидетельствовали о том, что Л. Жоспену удалось найти удачный вариант социальной политики левых сил, не создающий политических проблем для левого лагеря. Вместе с тем политический эффект социальной политики, как и внутренней политики в целом, оказался ниже ожидаемого. Несмотря на весьма вероятную победу левых сил на выборах 2002 г., главный левый кандидат Л. Жоспен потерпел поражение уже в первом туре президентских выборов, что предопределило поражение левого лагеря на состоявшихся вскоре парламентских выборах. Для выхода во второй тур Л. Жоспену не хватило прежде всего голосов сторонников левых сил и избирателей из категорий, исторически воспринимаемых как социальная база левых сил (молодежь, рабочие, служащие, лица с низкими доходами) [1, с. 243–244]. Одновременно поддержка кандидата ФСП среди избирателей из средних слоев также оказалась ниже, чем на президентских выборах 1995 г.

Поражение Л. Жоспена стало результатом комплекса причин: от тактических промахов в ходе предвыборной кампании до серьезных просчетов в стратегии борьбы за пост президента. Данные опросов общественного мнения не позволяют с высокой степенью точности определить роль каждой из выделенных исследователями причин неудачи лидера социалистов. Но несомненно, что на выбор избирателей повлияли содержание и итоги политики правительства, в том числе и противоречия, свойственные социальной политике кабинета.

Одним из таких противоречий являлось отсутствие убедительных доказательств эффективности политики правительства в решении социальных проблем страны. Быстрое сокращение безработицы стало результатом не столько правительственной политики занятости, сколько ускорения экономического роста. Это отчетливо проявилось в 2001 г., когда замедление роста экономики привело к возобновлению роста безработицы. В этих условиях усилилось скептическое отношение населения к введению 35-часовой рабочей недели как с точки зрения ее эффективности в деле создания рабочих мест, так и в плане последствий для национальной экономики. Одновременно опубликованные в начале 2002 г. исследования экспертов показали, что, несмотря на принятые меры по борьбе с неравенством, в стране сохранились сильные разрывы в уровне доходов, доступе к образованию и медицинским услугам²¹. Начавшийся с середины 2001 г. быстрый рост числа лиц, ожидающих увеличения

²¹Le Monde. 2002. 10–11 mars. P. 16–17.

безработицы и усиления неравенства, свидетельствовал о сомнениях французов в способности правительства Л. Жоспена создать эффективные механизмы борьбы с главными социальными проблемами.

Еще одним противоречием, связанным с социальной политикой Л. Жоспена, стало то, что из-за усиления различий в положении и устремлениях наемных работников социальные реформы не были единообразно восприняты этой частью населения. Например, проведенный в 2001 г. опрос выявил, что введение 35-часовой рабочей недели более позитивно оценивалось управлеченческими работниками, чем низкоквалифицированными рабочими и служащими, для которых увеличение свободного времени являлось недостаточной компенсацией замедления роста зарплат, неудобных трудовых графиков и возросшей интенсивности труда²². Схожая ситуация наблюдалась в оценке наемными работниками всеобщего медицинского страхования, программы трудоустройства молодежи и ряда других мер.

Отказ правительства от усиления административного регулирования трудовых отношений сильнее всего задевал интересы низшей части наемных работников, являвшихся первой жертвой увольнений и негарантированных видов занятости. Сдерживание роста зарплат также сказалось в первую очередь на положении этих категорий работников. Разочарование у работающих лиц с невысокими доходами вызвала и отчетливая ориентация правительства на первоочередную защиту интересов граждан, считавшихся наиболее социально уязвимыми (молодежь, бедняки, инвалиды и др.). В результате у низшей части рабочих и служащих, по оценке социологов М. Бо и М. Пьялу, сложилось впечатление, что правительство мало интересуется проблемами «народных» категорий²³. Неслучайно на протяжении легислатуры уровень поддержки правительственной политики был выше среди высококвалифицированных наемных работников со средними и высокими доходами, чем среди малоквалифицированных рабочих и служащих с невысокими доходами.

На потерю Л. Жоспеном потенциальных избирателей в левом электорате повлияло и то обстоя-

тельство, что социальная политика правительства не вполне отвечала устоявшимся представлениям о сущности курса левых сил. Это относилось к вышеупомянутым действиям в вопросе регулирования трудовых отношений и повышения доходов. Также решения кабинета Л. Жоспена по предоставлению налоговых льгот предпринимателям и заработной части населения были восприняты некоторыми сторонниками левых сил как действия в интересах привилегированных слоев. В ходе избирательной кампании Л. Жоспен, отказавшись от выдвижения обещаний в явно выраженным левом ключе, упустил возможность привлечь на свою сторону эту часть левого избирателя, разочарованную содержанием правительственной политики.

Данные опросов общественного мнения не позволяют дать четкий ответ на вопрос о том, что оказалось преобладающее влияние на неудачу Л. Жоспена: содержание политики его правительства или недостаточная политическая убедительность лидера социалистов. В любом случае очевидно, что в силу свойственных политике правительства противоречий она, даже будучи вполне успешной с точки зрения результатов, оказалась недостаточной для того, чтобы сплотить вокруг Л. Жоспена его потенциальных избирателей в левом избирателе, не говоря уже о массовом привлечении избирателей из-за пределов левого избирателя. Многие исследователи видели корень проблемы в отсутствии у социалистов новаторского общественного проекта с новой трактовкой содержания политики левых сил. Действительно, за время легислатуры кабинета Л. Жоспена ФСР не только отказалась от разработки такого проекта, но и развернула борьбу против концепции третьего пути британских лейбористов, содержавшей действительно новый взгляд на политику левых сил [9, p. 454–459]. Выдвинутое исследователями объяснение неудач социалистов, которое выглядит вполне обоснованным в свете итогов выборов 2002 г., все же вызывает ряд вопросов, в первую очередь о политических последствиях глубокого идеологического обновления, что неизбежно повлекло бы за собой изменение традиционной идентично-политической идентичности левых партий Франции. Но ответ на этот вопрос требует проведения отдельного исследования.

Заключение

Таким образом, социальная политика правительства Л. Жоспена была сосредоточена на решении проблем безработицы и социального неравенства, которые с начала 1990-х гг. воспринимались населением как главные социальные проблемы страны. По своему содержанию она в целом соответствова-

ла традициям и идеологическим принципам левого избирателя Франции, а по используемым инструментам была весьма близкой к политике предыдущих левых правительств. Одним из главных отличий стало то, что правительство Л. Жоспена, по сравнению с предшественниками, больше внимания уделяло

²²Le Monde. 2001. 15 mai. P. 10.

²³Le Nouvel Observateur. 2002. № 1958. P. 15.

вопросам семейной политики и защите интересов инвалидов. Второй отличительной особенностью являлось более активное использование волевого подхода, от которого левые правительства отступили в 1983 г. под влиянием экономических реалий. В то же время правительство Л. Жоспена строило социальную политику с учетом императивов экономического развития, в силу чего она не в полной мере отвечала традиционным представлениям о сущности политики левых сил. Правительство отказалось от усиления государственного контроля над трудовыми отношениями, от существенного повышения зарплат и увеличения налогообложения зажиточной части населения. Несмотря на pragmatizm правительства, его политика впервые за время правления левых сил не вызвала явного разочаро-

вания среди близкой к левому лагерю части населения. Тем не менее социальная политика правительства содержала ряд повлиявших на поведение избирателей в 2002 г. противоречий. Главными из них стали отсутствие убедительных доказательств эффективности проводимой политики в решении важнейших социальных проблем, недостаточное удовлетворение ожиданий низших категорий наемых работников, расхождение с представлениями части левого электората о содержании политики левых сил. В силу этих противоречий выбранный курс правительства Л. Жоспена не дал ожидаемого эффекта на выборах 2002 г., которые особенно отчетливо показали, что даже вполне успешная по результатам политика не гарантирует успех левого лагеря в борьбе за руководство страной.

Библиографические ссылки

1. Колб ЕГ. *Политика французских правительств и политическая борьба во Франции в 1988–2002 гг.* Минск: БГУ; 2011. 263 с.
2. Обичкина ЕО. *Франция на рубеже XX–XXI веков: кризис идентичности.* Москва: МГИМО; 2003. 137 с.
3. Mital Ch, Izraelewicz E. *Monsier Ni-Ni. L'économie selon Jospin.* Paris: Robert Laffront; 2002. 247 p.
4. Desportes G, Mauduit L. *L'adieu au socialisme.* Paris: Grasset; 2002. 368 p.
5. Askenazi Ph, Bloch-London C, Roger M. La réduction du temps de travail 1997–2003: dynamique de construction des lois «Aubry» et premières évaluations. *Economie et statistique.* 2004;376–377:153–171.
6. Dupont G, Sterdyniak H, Touzé V. La réforme fiscale en France: bilan et perspectives. *Revue de l'OFCE.* 2000;5:183–242.
7. Hagneré C, Trannoy A. L'impact conjugué de trois ans de réforme sur les trappes à inactivité. *Economie et statistique.* 2001;346–347:161–185.
8. Cordellier S, editor. *L'état de la France 2002. Société, culture, économie, politique.* Paris: la Découverte; 2002. 446 p.
9. Bergounioux A, Grunberg G. *L'ambition et le remords. Les socialistes français et le pouvoir (1905–2005).* Paris: Fayard; 2005. 610 p.

References

1. Kolb EG. *Politika frantsuzskikh pravitel'stv i politicheskaya bor'ba vo Frantsii v 1988–2002 gg.* [French governments politics and political struggle in France in 1988–2002]. Minsk: Belarusian State University; 2011. 263 p. Russian.
2. Obichkina EO. *Frantsiya na rubezhe XX–XXI vekov: krizis identichnosti* [France at the turn of the 20th–21st centuries: an identity crisis]. Moscow: MGIMO University; 2003. 137 p. Russian.
3. Mital Ch, Izraelewicz E. *Monsier Ni-Ni. L'économie selon Jospin.* Paris: Robert Laffront; 2002. 247 p.
4. Desportes G, Mauduit L. *L'adieu au socialisme.* Paris: Grasset; 2002. 368 p.
5. Askenazi Ph, Bloch-London C, Roger M. La réduction du temps de travail 1997–2003: dynamique de construction des lois «Aubry» et premières évaluations. *Economie et statistique.* 2004;376–377:153–171.
6. Dupont G, Sterdyniak H, Touzé V. La réforme fiscale en France: bilan et perspectives. *Revue de l'OFCE.* 2000;5:183–242.
7. Hagneré C, Trannoy A. L'impact conjugué de trois ans de réforme sur les trappes à inactivité. *Economie et statistique.* 2001;346–347:161–185.
8. Cordellier S, editor. *L'état de la France 2002. Société, culture, économie, politique.* Paris: la Découverte; 2002. 446 p.
9. Bergounioux A, Grunberg G. *L'ambition et le remords. Les socialistes français et le pouvoir (1905–2005).* Paris: Fayard; 2005. 610 p.

Статья поступила в редакцию 06.08.2020.
Received by editorial board 06.08.2020.

УДК 94(470+571:436)«1809»

НЕНАДЕЖНЫЙ СОЮЗНИК: УЧАСТИЕ РОССИИ В ВОЙНЕ 1809 г. ПРОТИВ АВСТРИИ

А. М. ЛУКАШЕВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Раскрывается малоисследованная в историографии проблема участия Российской империи в войне 1809 г. против Австрии. Показано, что Россия рассматривала австрийскую Галицию как свое геополитическое поле (историческое наследие) и поэтому выступала против возможного ее включения в состав Княжества Варшавского. Отмечается, что российская армия, несмотря на союзные обязательства перед Францией, перешла границу только при угрозе занятия Галиции польскими войсками. При этом она проявляла пассивность в действиях против Австрии (с целью сохранить добрососедские отношения) и склонялась от оказания помощи полякам. Все это обусловило натянутые взаимоотношения между российскими и польскими войсками. Подробно прослеживается ход военных действий, раскрываются настроения в российских армейских кругах (недовольство в офицерском корпусе и побеги нижних чинов). Утверждается, что события 1809 г. оказали значительное влияние на обострение ситуации в западных губерниях Российской империи. Сделан вывод, что участие России в войне против Австрии привело к подрыву ее имиджа в Европе и способствовало укреплению французского влияния, но только в краткосрочной перспективе.

Ключевые слова: война 1809 г.; Галиция; Российская империя; Австрийская империя; Наполеон; Княжество Варшавское; С. Ф. Голицын; Ю. Понятовский.

НЕНАДЗЕЙНЫ САЮЗНІК: УДЗЕЛ РАСІІ Ў ВАЙНЕ 1809 г. СУПРАЦЬ АЎСТРЫІ

А. М. ЛУКАШЭВІЧ^{1)*}

^{1)*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Раскрываецца маладаследаваная ў гісторыографіі праблема ўдзелу Расійскай імперыі ў вайне 1809 г. супраць Аўстрый. Паказана, што Расія разглядала аўстрыйскую Галіцыю як сваё геапалітычнае поле (гістарычную спадчыну), а таму выступала супраць магчымага ўключэння ў склад Княства Варшаўскага. Адзначаецца, што расійскае войска, нягледзячы на саюзныя абавязкі перед Францыяй, перайшло мяжу толькі пры пагрозе захопу Галіцыі польскімі войскамі. При гэтым яно выяўляла пасіўнасць у дзеяннях супраць Аўстрый (з мэтай захавання добрасуседскіх адносін) і ўхілялася ад аказання дапамогі паліякам. Усё гэта абумовіла нацягнутыя ўзаемаадносіны паміж расійскімі і польскімі войскамі. Падбрызнян прасочваецца ход ваеных дзеянняў, раскрываюцца настроі ў расійскіх вайсковых колах (нездаволенасць у афіцэрскім корпусе і ўз'ёкі ніжніх чыноў). Сцвярджваецца, што падзеі 1809 г. аказалі значны ўплыў на авбастрэнне сітуацыі ў заходніх губернях Расійскай імперыі. Зроблена выснова, што ўдзел Расіі ў вайне супраць Аўстрый прывёў да падрыву яе іміджу ў Еўропе і садзейнічаў умацаванню французскага ўплыву, але толькі ў кароткатэрміновай перспектыве.

Ключавыя слова: вайна 1809 г.; Галіцыя; Расійская імперыя; Аўстрыйская імперыя; Напалеон; Княства Варшавскіе; С. Ф. Голіцын; Ю. Панятоўскі.

Образец цитирования:

Лукашевич АМ. Ненадежный союзник: участие России в войне 1809 г. против Австрии. Журнал Белорусского государственного университета. История. 2021;1:68–81.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-1-68-81>

For citation:

Lukashevich AM. Unreliable ally: participation of the Russia in the war of 1809 against Austria. Journal of the Belarusian State University. History. 2021;1:68–81. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-1-68-81>

Автор:

Андрей Михайлович Лукашевич – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета.

Author:

Andrei M. Lukashevich, doctor of science (history), full professor; professor at the department of history of Belarus of new and contemporary times, faculty of history.
lukashevand@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5868-8114>

UNRELIABLE ALLY: PARTICIPATION OF THE RUSSIA IN THE WAR OF 1809 AGAINST AUSTRIA

A. M. LUKASHEVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Nizaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article reveals the problem of the participation of the Russian Empire in the war of 1809 against Austria, which is little studied in historiography. It is shown that Russia considered Austrian Galicia as its geopolitical field (historical heritage), and therefore opposed its possible inclusion in the Duchy of Warsaw. It is noted that the Russian army, despite allied commitments to France, crossed the border only with the threat of the occupation of Galicia by Polish troops. At the same time, she was passive in actions against Austria (in order to preserve good-neighborly relations), and shied away from helping the Poles. All this led to a tense relationship between the Russian and Polish troops. The article traces in detail the course of hostilities, reveals the mood in Russian army circles (discontent in the officer corps and the escape of soldier). It is shown that the events of 1809 had a significant impact on the aggravation of the situation in the western provinces of the Russian Empire. In general, it is concluded that Russia's participation in the war against Austria has undermined its image in Europe and contributed to the strengthening of French influence, but only in the short term.

Keywords: war of 1809; Galicia; the Russian Empire; Austrian Empire; Napoleon; Duchy of Warsaw; S. F. Golitsyn; J. Poniatovsky.

Введение

В историографии наполеоновских войн одним из наименее исследованных вопросов остается участие Российской империи¹ в войне 1809 г. В силу неблагоприятных внешнеполитических обстоятельств, обусловленных поражением в войне 1806–1807 гг. и подписанием в 1807 г. Тильзитского мира, Россия в кампании 1809 г. оказалась в стане союзников Наполеона, поэтому ее войска действовали против войск пятой коалиции (Австро-империя, Великобритания, Испания, представленная Временным правительством). Осознавая всю двусмысленность участия в войне на стороне Наполеона, российские войска вели себя крайне пассивно, что породило со стороны союзников обвинения в адрес Александра I в неискренности.

В русскоязычной историографии XIX–XXI вв. участию России в кампании против Австрии отводилась фрагментарная роль. Событиям войны 1809 г. были посвящены лишь небольшие разделы в обобщающих дореволюционных трудах историков о правлении Александра I [1, с. 435–455; 2, с. 235–245], а также в монографиях [3, с. 392–450], лекциях и энциклопедических статьях² по истории наполеоновских войн. В советской историографии проблема участия России в войне 1809 г. практически не поднималась. Только в начале XXI в. российские [4, с. 280–321] и белорус-

ские [5, с. 46–55] исследователи обратили внимание на кампанию 1809 г., которая рассматривалась ими в контексте более глобальных европейских событий.

Впрочем, еще в 1847 г. А. И. Михайловский-Данилевский завершил работу «Описание войны императора Александра против Австрии в 1809-м году»³. Однако по политическим причинам (восстания в 1846 г. в Кракове и Галиции, включение вольного города в состав Австрии) она так и не увидела света. Лишь в 1997 г. фрагменты этого исследования были опубликованы историком А. И. Сапожниковым [6].

В то же время события войны 1809 г. нашли широкое отражение в польской историографии. Однако польские исследователи акцентировали внимание на деятельности войск Княжества (Герцогства) Варшавского или польских военачальников (Ю. Понятовский), а участие российской армии отражали только в общем контексте [7; 8; 9, с. 53–58].

К настоящему времени сохранились разнообразные источники, которые позволяют раскрыть многие аспекты участия России в войне 1809 г. Дипломатические нюансы войны нашли отражение в рескриптах и указах Александра I и переписке министра иностранных дел графа Н. П. Румянцева с князем С. Ф. Голицыным⁴. Страгетическое планирование войны раскрывается в переписке военного

¹ В статье используются как полные, так и сокращенные наименования государств. Даты приводятся по григорианскому календарю (за исключением рисунков, где использована двойная датировка).

² Сухотин Н. Н. Наполеон. Австро-французская война 1809 г. Лекции по истории военного искусства, читанные в Николаевской академии Генерального штаба. СПб. : Склад изд. у В. А. Березовского, 1885. 242 с. ; Австро-французская война 1809 г. // Воен. энцикл. : в 18 т. / под ред. В. Ф. Новицкого [и др.]. СПб. : Т-во И. Сытина, 1911. Т. 1. С. 109–118.

³ Рос. гос. воен.-ист. арх. (РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Д. 3362.

⁴ Переписка Императора Александра I с главнокомандующим князем Голицыным // Воен. сб. 1909. № 6. С. 231–237 ; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3364, 3369, 3370 ; Внешняя политика России XIX и начала XX века : док. Рос. м-ва иностр. дел. Сер. 1, 1801–1815 гг. : в 8 т. Т. 4. Июль 1807 г.–март 1809 г. / отв. ред. А. Л. Нарочницкий. М. : Госполитиздат, 1965. 783 с. ; Там же. Т. 5. Апрель 1809 г.–январь 1811 г. М. : Госполитиздат, 1967. 784 с.

министра графа А. А. Аракчеева с главнокомандующим Молдавской армией князем А. А. Прозоровским и главнокомандующим Галицкой армией князем С. Ф. Голицыным⁵. При этом ход войны прослеживается по журналам военных действий и другой служебной переписке Галицкой армии⁶. Вопросы взаимоотношений между российскими и польскими войсками в 1809 г. нашли отражение в переписке С. Ф. Голицына с командующим войсками Княжества Варшавского князем Ю. Понятовским, а также в письмах последнего к императору Наполеону I, его генералам и маршалам⁷.

Официальные документы дополняют эпистолярные источники личного происхождения. Наибольший интерес представляют мемуары участников

войны 1809 г., которые сражались в рядах российской⁸, польской⁹ и наполеоновской¹⁰ армий. Общая политическая атмосфера, царившая в России накануне и в ходе войны 1809 г., нашла отражение в записках различных военных и общественных деятелей¹¹.

Все эти источники позволили определить характер и содержание участия России в войне 1809 г. против Австрии. Для достижения данной цели исследования потребовалось решить несколько частных задач: проследить ход военных действий, раскрыть взаимоотношения между российскими и польскими войсками, выявить настроения в российских армейских кругах, оценить влияние войны на ситуацию в западных губерниях Российской империи.

Методология исследования

В процессе исследования применялись как традиционные для исторической науки методы (историко-типологический, историко-сравнительный, ретроспективный), так и методы смежных наук: политологии (деятельностный подход, позволяющий выявлять цели и направления политической деятельности и оценивать их достижение) и географии (картографический метод). Благодаря этому удалось рассмотреть изучаемую проблему через призму геополитических интересов государств и отразить военные события на авторских картах. Обосновано, что после заключения Тильзитского мира Российская и Французская империи по-прежнему руководствовались собственными стратегическими интересами. События войны 1809 г. стали своеобразной проверкой степени готовности России следовать в фарватере французской внешней политики, ценой которой становился вероятный разгром и раздел Австрии. В этих условиях Россия рассматривала Галицию как свое geopolитическое

поле (древние русские земли – наследие Галицко-Волынской Руси), территорию, которую возможно включить в состав империи. В то же время, не желая существенного ослабления Австрии как своего стратегического союзника в борьбе с Наполеоном, Санкт-Петербург выступал против возможной передачи Галиции в состав Княжества Варшавского, усматривая в нем угрозу возрождения Польского Королевства. Все это обусловило тот факт, что Россия всячески оттягивала вступление в войну, а армия С. Ф. Голицына перешла границу только при угрозе занятия Галиции польскими войсками. При этом она проявляла пассивность в военных действиях против Австрии с целью сохранить добрососедские отношения и уклонялась от оказания помощи полякам. Осторожное поведение санкт-петербургского двора соответствовало его стратегическим интересам. Однако это еще больше обострило взаимоотношения России с Францией и предопределило скорый разрыв российско-французского союза.

Результаты и их обсуждение

Подготовка к войне. Вступление России в войну 1809 г. между Францией и Австрией на стороне Наполеона явилось прямым следствием соглашений, подписанных Александром I в Эрфурте 12 октября

1808 г. Наполеон I обещал не вмешиваться в Русско-турецкую войну, а Александр I – выступить на стороне Франции в случае войны с Австрией [2, с. 234]. Поскольку это соглашение сохранялось в секрете,

⁵Бумаги князя Сергея Феодоровича Голицына // Рус. арх. 1876. № 6. С. 129–160 ; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3371.

⁶РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3366–3368, 3372–3374.

⁷Correspondance du Prince Joseph Poniatowski avec la France / oprac. A. M. Skałkowski. Vol. 2. 1809. Poznań : Publ. subv. par le Min. de l'Instruction Publique. Impr. de l'Université de Cracovie, 1923. 348 p. ; Correspondence de Napoléon I : en 32 vol. Vol. 18 / publ. par ordre de l'Empereur Napoléon III. Paris : H. Plon, J. Dumaine, 1865. 716 p.

⁸Записки А. П. Ермолова, 1798–1826 гг. / сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. В. А. Федорова. М. : Высш. школа, 1991. С. 114–115.

⁹Sotyk R. Relation des operations de l'armée aux ordres, du Prince Joseph Poniatowski pendant la campagne de 1809 en Pologne contre les Autrichiens : précédée d'une notice sur la vie du prince, enrichie de son portrait et d'une carte. Paris : Imprimerie et Librairie Militaire de Gaultier-Laguionie, 1841. 422 p.

¹⁰Левенштерн В. И. Записки. 1790–1815. М. : Кучково поле : Икс-Хистори, 2018. С. 92–143 ; Архив князя А. И. Чернышева. Бумаги князя А. И. Чернышева за царствование императора Александра I, 1809–1825 гг. Ч. 1 / под ред. Н. В. Голицына // Сб. Имп. Рус. ист. о-ва. Т. 121. СПб. : 1905. С. 1–31.

¹¹Кутузов М. И. Письма, записки. М. : Воениздат, 1989. 592 с. ; Греч Н. И. Записки о моей жизни. СПб. : А. С. Суворин, 1886. 588 с.

официально было объявлено, что участие России в войне обусловлено нарушением Австрией границ Баварии и Княжества Варшавского. Начало же военных действий объяснялось стремлением Александра I сохранить мир и порядок в Европе, защитить суверенитет государств от посягательств австрийской стороны.

Подготовка России к войне против Австрии началась в ноябре 1808 г. В это время в западных («польских») губерниях находилось небольшое количество войск. Большинство из них были переброшены на театры войны против Османской империи (Турции) и Финляндии¹². Поскольку с 24 августа 1807 г. на русско-турецком фронте действовало перемирие, возникла идея о передислокации трех дивизий на западную границу.

В частности, 29 ноября 1808 г. военный министр А. А. Аракчеев сообщил главнокомандующему Молдавской армией А. А. Прозоровскому о вероятном участии России в войне против Австрии и о намерении из шести дивизий этой армии (8, 11, 12, 15, 16 и 22-й) оставить только три. Перед Молдавской армией ставились оборонительные задачи по левому берегу Дуная, а остальные войска предполагалось использовать против Австрии. Для этого в районе Брест-Литовска планировалось сосредоточить корпус из четырех дивизий¹³.

Письмо военного министра озадачило А. А. Прозоровского: 21 декабря 1808 г. он выразил удивление «подозрениями, возродившимися у государя императора и министерства нашего против австрийского двора»¹⁴ и просил разъяснений. По его мнению, для победоносного завершения войны с Турцией и заключения мира следовало «сохранять хотя наружное дружелюбие с австрийским двором». Впрочем, поскольку до весны 1809 г. венский двор не мог предпринять решительных мер, часть войск Молдавской армии при благоприятных погодных условиях и наличии провиантской базы могла быть передислоцирована уже в январе¹⁵.

Однако в предстоящей войне у А. А. Прозоровского вызывало беспокойство Княжество Варшавское: оно представляло угрозу «для российских областей, от Польши присоединенных». В случае войны с Австрией оно требовало особого внимания, «ибо поляки того герцогства признают уже в оном возобновленное Королевство Польское». Поэтому главнокомандующий предлагал поддер-

живать отношения с Францией лишь до решения испанских дел, а когда «настанет удобный случай, оным воспользоваться»¹⁶.

При этом сам фельдмаршал рассчитывал в течение 1809 г. силой оружия принудить турок «поставить реку Дунай границею между обеими империями»: в этом случае достаточно было бы оставить в крепостях сильные гарнизоны, а в Молдавии и Валахии – 30-тысячный корпус. Оставшаяся часть Молдавской армии могла быть «обращена туда, куда государю императору благоугодно будет»¹⁷.

В то же время А. А. Прозоровский предупреждал, что война с Австрией «не только по причине многочисленности и силы их армии, но даже и по положению земли весьма затруднительна и неудобна». Поскольку сложно определить, где австрийцы начнут военные действия, то *два российских корпуса* могут быть отрезаны друг от друга. «Предполагаемые же две части войск, – писал фельдмаршал, – коими я удостаиваюсь командовать, одна в Малой Валахии, а другая со стороны Галиции, будут совершенно и на всей дистанции перерезаны цепью Карпатских гор»¹⁸.

Далее А. А. Прозоровский рассматривал несколько вариантов развития событий. В случае перехода австрийцев в Турскую Сербию он предлагал перевести российские войска за Дунай. Также фельдмаршал допускал, что австрийцы направят корпус через Германштадт (современный Сибиу) в Малую Валахию, а «третье войско пойдет в Галицию». Даже если в некоторых местах, как утверждал А. А. Прозоровский, будут только демонстрации, австрийцы отнимут «способы действовать, особенно по такой перерезанной земле». Поэтому, по его мнению, важно было «удержать спокойствие с австрийцами до окончательного заключения мира с турками», а затем Россия могла бы обменять Малую Валахию до р. Ольты на часть Буковины с лесным массивом. «Без сомнения, лучше бы было, если бы можно приобрести всю Буковину, но на то австрийцы, кажется, никак не согласятся», – резюмировал фельдмаршал¹⁹.

На случай, если бы пришлось делить войска Молдавской армии на две части, А. А. Прозоровский предлагал оставить для командования в Молдавии генерала М. И. Кутузова, а на должность командира корпуса, предназначенного для действий против Австрии, рекомендовал своего свата – отставного²⁰ генерала князя С. Ф. Голицына²¹.

¹²Кутузов М. И. Письма, записки. С. 197–202, 204–205.

¹⁵Внешняя политика России XIX и начала XX века... Т. 4. С. 406–407.

¹⁴Там же. С. 430.

¹⁵Там же. С. 431.

¹⁶Там же. С. 432.

¹⁷Там же. С. 433.

¹⁸Там же. С. 434.

¹⁹Внешняя политика России XIX и начала XX века... Т. 4. С. 434.

²⁰Бумаги князя Сергея Феодоровича Голицына... С. 154.

²¹Внешняя политика России XIX и начала XX века... Т. 4. С. 434–435.

Ход кампании. Военные действия между Францией и Австрией начались 9 апреля 1809 г., когда 139-тысячная австрийская армия под командованием эрцгерцога Карла вторглась в Баварию и заняла Мюнхен и Регенсбург. Одновременно 20-тысячный корпус генерала И. Г. фон Шателера вступил в Тироль. В Ломбардии (Италия) перешла в наступление 73-тысячная армия эрцгерцога Иоанна, а со средоточенной у Сандомира армия эрцгерцога Фердинанда, в состав которой входило 33,5 тыс. воинов, вторглась в Княжество Варшавское [1, с. 438].

Согласно австрийскому плану ведение боевых действий предусматривалось сразу на трех фронтах: против Рейнского союза, Княжества Варшавского (чтобы склонить Пруссию к союзу) и государств на севере Италии. Австрийцы надеялись на внезапность и неподготовленность французской армии: около 150 тыс. солдат Наполеона были разбросаны в Германии от Балтики до Баварских Альп. В итоге в первые дни войны эрцгерцогу Карлу удалось вклиниваться в расположение французских корпусов.

Как только Наполеон узнал о начале военных действий, он немедленно выехал к армии, 17 апреля рано утром прибыл в Донауверт – центр расположения своих войск – и приказал перейти в наступление²². В сражениях 19–23 апреля при Хаузене, под Абенсбергом, Ландсхутом, Экмюлем и Регенсбургом австрийцы потерпели поражения. В то же время они достигли некоторых успехов в Северной Италии и Княжестве Варшавском (победа в сражении при Рашине 19 апреля и занятие 23 апреля Варшавы) [7; 1, с. 440; 4, с. 283–284]. Однако поражение австрийцев в Германии привело к их отступлению и на других театрах войны. Французские войска 12 мая 1809 г. вступили в Вену²³ (рис. 1).

Выполняя свои обязательства, Россия 6 мая 1809 г. разорвала дипломатические отношения с венским двором и начала подготовку к походу. Поскольку большинство российских войск были задействованы в войнах с Турцией 1806–1812 гг. (в марте 1809 г. боевые действия возобновились) и Швецией 1808–1809 гг., Галицийскую армию составили действующий корпус и резерв.

В действующий корпус вошли 7-я (генерал Д. С. Дохтуров), 9-я (генерал князь А. А. Суворов-Италийский), 10-я (генерал Ф. Ф. Левиз) и 18-я (генерал князь А. И. Горчаков, затем – генерал граф К. О. Ламберт) пехотные дивизии (всего 24 полка двухбатальонного состава, 11 кавалерийских полков, 8 пеших артиллерийских рот, 40 конных ору-

дий). Резервами этих дивизий (включали третий батальоны полков, пятые эскадроны кирасир и драгунов, девятые и десятые эскадроны гусар, часть артиллерии) командовали генерал Г. А. Игнатьев (7-я и 10-я дивизии) и А. П. Ермолов (9-я и 18-я дивизии). Кавалерийский резерв армии составили 10 полков 1-й и 2-й дивизий генералов баронов Ф. К. Корфа и Е. И. Меллер-Закомельского (всего 60 эскадронов и 40 конных орудий). Общая численность армии достигала 70 тыс. человек²⁴. Главнокомандующим армией назначался генерал от инфантерии князь Сергей Федорович Голицын, кандидатуру которого лоббировали А. А. Прозоровский и А. А. Аракчеев²⁵. С. Ф. Голицын был возвращен из отставки на военную службу 8 апреля 1809 г.²⁶

Стратегический замысел войны против Австрии был изложен 18 мая 1809 г. в рескрипте Александра I С. Ф. Голицыну. В нем отдавался приказ 9, 10 и 18-й дивизиям перейти границу у Дрогичина, Брест-Литовска и Устилуга с целью занять выгодные позиции на Висле. В случае вооруженного сопротивления разрешалось использовать все средства для разгрома противника. Вслед за действующим корпусом из района г. Острога готовился выступить кавалерийский резерв. Дислоцированная в Белостокской области 7-я дивизия должна была прикрывать границу со стороны Княжества Варшавского, а дивизионный резерв, согласно плану, сосредоточился в районе Слонима и Дубно (см. рис. 1). По мнению монарха, австрийцы не стали бы оказывать сопротивления, однако в случае враждебности разрешалось действовать силой. Александр I обращал внимание С. Ф. Голицына на необходимость установления связи с войсками князя Ю. Понятовского (считались 9-м корпусом армии Наполеона), а также завоевания симпатий населения Галиции²⁷.

Дополнительные инструкции относительно поведения российских войск на австрийской территории и взаимоотношений с войсками Княжества Варшавского содержались в сопроводительном письме Н. П. Румянцева. В нем объяснялось, что монарх должен принять участие в австро-французской войне, поскольку она почти затронула Россию и вызывала «широкое народное возмущение» в Галиции²⁸.

Впрочем, пока австрийские войска оказывали Наполеону серьезное сопротивление, вступление российской армии в Галицию откладывалось. Для этого использовались всевозможные предлоги: сначала якобы мешал глубокий снег, затем войска задерживали постоянные дожди и, наконец, разлив рек.

²²Correspondance de Napoléon I... Vol. 18. P. 563.

²³Внешняя политика России XIX и начала XX века... Т. 5. С. 78.

²⁴РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3362 ; Там же. Д. 3364. Л. 4–6.

²⁵Там же. Д. 3371. Л. 1–2 ; Бумаги князя Сергея Феодоровича Голицына... С. 153.

²⁶Бумаги князя Сергея Феодоровича Голицына... С. 157.

²⁷РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3364. Л. 1–3.

²⁸Внешняя политика России XIX и начала XX века... Т. 5. С. 44–45.

*Рис. 1. Участие Российской империи в войне 1809 г.: ход военных действий (9 апреля – 3 июня 1809 г.)
 (карта составлена по данным Российского государственного военно-исторического архива²⁹)*

*Fig. 1. Participation of the Russian Empire in the war of 1809: the course of hostilities (9 April – 3 June 1809)
 (the map was compiled according to the data of the Russian State Military-Historical Archive)*

29 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3362, 3364.

Однако в мае 1809 г. ситуация в Княжестве Варшавском стала меняться. После занятия Варшавы войска эрцгерцога Фердинанда двинулись по левому берегу Вислы к крепости Торн. В это время Ю. Понятовский по приказу Наполеона оставил княжество и вторгся в австрийскую Галицию, чтобы занять опорные пункты Замостье и Сандомир. Население Галиции встретило польские отряды как освободителей [6, с. 28].

Передовые варшавские части вошли в Люблин 9 мая. В ночь с 17 на 18 мая части генерала М. Сокольницкого и А. Рожнецкого овладели Сандомиром, 20 мая войска Ю. Понятовского штурмом взяли Замостье, 26 мая части А. Рожнецкого вступили в Лемберг (Львов). Австрийские войска отступили на юг [7; 4, с. 283–284; 6, с. 28].

После неудачного для Наполеона сражения при Асперне 21–22 мая 1809 г., когда французские войска попытались незаметно переправиться через Дунай, но были отброшены эрцгерцогом Карлом, на главном театре войны наступило затишье.

В это время эрцгерцог Фердинанд получил приказ следовать в Моравию на помощь основным силам. Когда его войска покинули Варшаву и пошли к Сандомиру по левому берегу Вислы, их преследовали отряды генерала Я. Домбровского (8 тыс. человек) и Ю. Зайончека (ополчение). Тем временем войска Ю. Понятовского занимали правый берег Вислы. Тогда эрцгерцог Фердинанд решил нанести удар по польским войскам в районе Сандомира (в городе находилось 5 тыс. польских солдат под командованием М. Сокольницкого), поэтому Ю. Понятовский приказал своим разбросанным частям также сосредоточиться у этого города [4, с. 288; 6, с. 28].

Успехи Наполеона в Баварии и поляков в Галиции вызвали тревогу у Александра I, и 29 мая 1809 г. монарх через Н. П. Румянцева приказал С. Ф. Голицыну немедленно перейти границу, «хоть бы то было с одним полком и даже с одним батальоном»³⁰. Этот приказ подтверждал, что Александр I стремился максимально ограничить участие России в войне против Австрии. В то же время он не мог полностью проигнорировать обязательства перед Францией. При этом российские войска получили задание сдерживать национально-освободительное движение в Галиции (с помощью австрийской администрации), которое могло переброситься в западные губернии России.

Вступление российских войск в Австроию. Российские войска в составе трех дивизий (34 батальона, 44 эскадрона, 102 орудия, всего 32 тыс. человек) 3 июня 1809 г. переправились на левый берег Западного Буга и вступили в Галицию: 10-я дивизия перешла границу у Дрогичина, 18-я – у Брест-Литовска, 9-я – в Устилуге. Кавалерийский резерв

совершил марш от Острога к Устилугу, а 7-я дивизия была оставлена в Белостоке для охраны границы. Во время марша С. Ф. Голицын потребовал от начальников дивизий и командиров беспрекословного повиновения, соблюдения строгой воинской дисциплины и порядка [1, с. 63, прил.; 6, с. 28].

Получив донесение о переходе границы, Александр I уведомил об этом Наполеона. Австрийское население встретило российские войска дружелюбно. С. Ф. Голицын обратился к жителям Галиции 6 июня с воззванием (в каждой дивизии было по 400 печатных экземпляров). В нем отмечалось, что Россия, связанная союзническими обязательствами с Францией, не могла остаться безучастной свидетельницей войны и поэтому разорвала отношения с Австроией. При этом Россия не является врагом австрийцев и обеспечивает лишь их безопасность и неприкосновенность собственности³¹.

Опасаясь, что эрцгерцог Фердинанд переправится на правый берег Вислы и будет отступать по нему в Галицию, С. Ф. Голицын планировал сосредоточить свои войска в районе Гарволина (52 версты от Праги – предместья Варшавы). Однако, получив сообщение от Ю. Понятовского о намерении австрийцев атаковать Сандомир, изменил маршруты: 10-я дивизия была направлена к Путавам для действия против австрийских войск на левом берегу Вислы, 18-я дивизия получила приказ расположиться в качестве тактического резерва в Люблине, где назначалась главная квартира, а 9-я дивизия по просьбе Ю. Понятовского была направлена к Сандомиру, но получила приказ «ограничиться оборонительными действиями» [6, с. 28–29].

Эрцгерцог Фердинанд 5 июня безуспешно попытался штурмовать Сандомир, а 7 июня – отеснить войска Ю. Понятовского от города. Надеясь на содействие войск С. Ф. Голицына, Ю. Понятовский уклонился от сражения с эрцгерцогом Фердинандом. Переходя на правую сторону р. Сан и уничтожив на ней мост, он предоставил оборону Сандомира небольшому гарнизону. После этого Ю. Понятовский направил своего адъютанта к А. А. Суворову с просьбой поспешить на соединение [4, с. 289; 6, с. 31].

Небольшой авангард дивизии А. А. Суворова под командованием генерала графа К. К. Сиверса 11–12 июня 1809 г. присоединился к войскам Ю. Понятовского. Уже 13 июня 9-я дивизия заняла позицию на правом берегу р. Сан (возле Закликова), в 15 верстах от войск Княжества Варшавского. Для поддержки А. А. Суворова С. Ф. Голицын направил из Люблина отряд генерала И. А. Хрущова, который занял позицию возле Янова (20 верст от Закликова) [1, с. 441; 1, с. 63, прил.; 6, с. 29–30].

Занимавшие левый берег р. Сан и планировавшие атаку Сандомира австрийцы с удивлением

³⁰ Внешняя политика России XIX и начала XX века... Т. 5. С. 58–59.

³¹ Там же. С. 63.

узнали о появлении на театре войны российских войск. Эрцгерцог Фердинанд безуспешно попытался вступить в переговоры, чтобы добиться от России нейтралитета в войне [6, с. 30].

Тем не менее австрийцы не отменили штурм города, а русские не поддержали союзников. В решающий момент войска А. А. Суворова, несмотря на неоднократные просьбы Ю. Понятовского о помощи, не двинулись с места³². В итоге после отчаянного австрийского штурма в ночь с 15 на 16 июня польские войска сдали город [7; 4, с. 290–291]. И хотя они покинули Саномир с оружием и знаменами, поведение союзников возмутило Ю. Понятовского, о чём он сообщил Наполеону³³.

Тем временем военные действия между российскими и австрийскими войсками практически не велись. Первая вооруженная стычка между авангардом 9-й дивизии (под командованием К. К. Сиверса) и австрийцами произошла 15 июня около Уланова. Австрийцы приняли российских казаков за переодетых поляков и атаковали их (один казак был убит, трое ранены). Узнав от пленных, что они имеют дело с русскими, австрийцы прекратили наступление. После переговоров с К. К. Сиверсом австрийские войска отступили и, когда русские продолжили наступление, более не оказывали сопротивления [6, с. 31–32].

Австрийцы начали подготовку к переправе через Вислу возле д. Бараново 16 июня, поэтому С. Ф. Голицын направил кавалерию из состава 9-й и 10-й дивизий, которая оттеснила их от реки и не позволила совершить переправу. Избегая встречи с российскими войсками, эрцгерцог Фердинанд перешел ниже Саномира на левый берег Вислы и приказал арьергарду отходить назад, не ввязываясь в бои [6, с. 32].

Тем временем на встрече Ю. Понятовского и С. Ф. Голицына в Люблине были согласованы районы действий двух армий. Войска Княжества Варшавского должны были следовать вниз по Висле и после переправы в Пулавах действовать на левом берегу, а российские – на правом (после перехода р. Сан).

Планируя наступательные действия в Галиции, С. Ф. Голицын решил сосредоточить армию около Уланова и Разводова, где находились главные австрийские силы. Для наблюдения за Саномиром он оставил дивизию Ф. Ф. Левиза. Генерал не хотел удаляться от российских границ, чтобы «быть всегда готовым отразить зло, могущее произойти от возмутительной переписки галичан с жителями губерний, возвращенных Россией от Польши» (цит. по [6, с. 32]).

Оговоренные на встрече движения войск начались 21 июня. Князь Ю. Понятовский двинулся от

Пнёва к Пулавам, а его место заняла 10-я дивизия Ф. Ф. Левиза. Дивизии А. А. Суворова и К. О. Ламберта (заменил А. И. Горчакова) перешли р. Сан и расположились до Уланова. Одновременно резервные кавалерийские дивизии получили приказ выступить из Устилуга и следовать к Лембергу (Е. И. Меллер-Закомельский) и Ярославу (Ф. К. Корф). Соединив все войска, С. Ф. Голицын планировал атаковать австрийцев в Саномире, что позволило бы очистить Галицию и получить впоследствии на нее права.

В то же время пехотные резервы были приближены к границе: войска из Слонима (Г. А. Игнатьев) перешли к Брест-Литовску, а из Ровно (А. П. Ермолов) – к Устилугу³⁴. Они должны были прикрывать границу от нелегального перехода жителей «польских губерний» [1, с. 442; 6, с. 32] (рис. 2).

Когда переправа через р. Сан была готова, а провинциальная база налажена, С. Ф. Голицын с двумя дивизиями перешел р. Сан в Уланове и 30 июня расположился у г. Жешув. Австрийские войска отступали, не оказывая сопротивления. И только авангард Е. И. Меллер-Закомельского под командованием генерала М. Д. Балка 25 июня вступил в Жолкве в небольшую стычку, а затем 29 июня занял Лемберг. Обеспокоенный политическими настроениями в Галиции, князь С. Ф. Голицын остановил дальнейшее продвижение войск под предлогом недостатка продовольствия. К этому моменту российские войска растянулись от Саномира до Лемберга [1, с. 443].

Кризис в стране союзников. К июлю 1809 г. отношения между российскими и польскими войсками крайне обострились, и дело шло к открытому столкновению. Как писал С. Ф. Голицын А. А. Прозоровскому 23 июля 1809 г., «союзники наши озабочивают меня более, нежели неприятель» (цит. по [6, с. 33]). «Согласие русских генералов с австрийскими стало настолько очевидным, – вторил ему Ю. Понятовский в письме к Наполеону от 2 июля 1809 г., – что кажется, будто они рассматривают как врагов польские войска, и в то время, когда они с удовольствием исполняют просьбу австрийского командования, они делают все, чтобы разрушить усилия их союзников»³⁵. Противоречия между союзниками не ограничивались уклонением русских от оказания военной помощи. Противодействие оказывалось и в политическом плане: там, где проходили российские войска, упразднялись недавно установленные именем Наполеона польские власти, а на их место возвращались австрийские администраторы. Наиболее остро подобное противостояние проявилось в Лемберге.

Российская кавалерия 2–5 июля очистила Лемберг и Ярослав от австрийских войск, после чего

³²Correspondance du Prince Joseph Poniatowski avec la France... Т. 2. Р. 165, 172–174.

³³Ibid. Р. 188–189; Внешняя политика России XIX и начала XX века... Т. 5. С. 90.

³⁴РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3372. Л. 1–2; Там же. Д. 3373. Л. 1–2; Там же. Д. 3374. Л. 1–2; Записки А. П. Ермолова. С. 114–115.

³⁵Correspondance du Prince Joseph Poniatowski avec la France... Т. 2. Р. 203.

С. Ф. Голицын назначил Е. И. Меллер-Закомельского военным губернатором в Лемберге. Обязанности вице-губернатора при нем стал исполнять бывший австрийский губернатор К. Вурмзер, которого охраняли 200 гусар. И хотя С. Ф. Голицын заверял союзников в том, что управление будет осуществляться по-старому, это вызвало недовольство Ю. Понятовского. Польский генерал заявил, что город еще раньше (26 мая) был занят войсками А. Рожнецкого и поэтому должен управляться варшавскими властями. Более того, через маршала А. Бертье Ю. Понятовский получил разрешение привести население Галиции к присяге на верность Наполеону и править там от имени Франции³⁶.

Вскоре во многих городах Галиции началась массовая присяга населения Наполеону I, которую производили войска Княжества Варшавского. Одновременно велась вербовка во французско-галицийские полки. Еще больше накаляли ситуацию попытки Ю. Понятовского мобилизовать народные силы против австрийцев, а также его возвзвания к населению и солдатам подниматься на защиту Отечества³⁷.

Эти действия вызвали возмущение С. Ф. Голицына. Он приказал пресекать в Галиции любой набор людей в «союзные» войска и не допускать смены гербов. Одновременно С. Ф. Голицын заявил Ю. Понятовскому, что приказ Наполеона может быть выполнен только в городах и селениях, подконтрольных варшавским войскам, а край, занятый русскими, он считает принадлежащим императору Александру I [1, с. 444].

С. Ф. Голицын, обеспокоенный происходящим в Галиции, 5 июля сообщил Александру I, что конфликтная ситуация может иметь неприятные последствия, «ибо коль скоро начнут принимать здесь присягу в верности императору французов, то опасаюсь, чтобы не начались беспокойства в присоединенных к России провинциях, коим верить никак не можно»³⁸. Полагая, что «галичане, за исключением немногих, считали бы себя счастливыми поступить под русскую державу», еще 16 июня 1809 г. С. Ф. Голицын предложил проект создания Польского Королевства³⁹. Однако он был отклонен императором.

Опасения С. Ф. Голицына относительно того, что действия войск Ю. Понятовского могут обострить ситуацию в «польских губерниях» России, оказались пророческими. На белорусско-литовских и украинских землях велась тайная вербовка молодежи в галицийские войска [9, с. 54–56], поэтому на западе участились нелегальные переходы границы.

Нередко они сопровождались вооруженными столкновениями с казаками, которые несли пограничную службу (один бугский и два донских казачьих полка) [5, с. 47–55].

Чтобы предотвратить нелегальный переход границы, А. П. Ермолов разрешил применять вооруженную силу⁴⁰. Кроме того, в Подольскую губернию из Казани и Нижнего Новгорода была передислоцирована 25-я пехотная дивизия генерала Н. Ф. Ртищева. Она должна была остановиться в Остроге и выслать для прикрытия границы Сибирский и Иркутский драгунские полки [1, с. 451].

Борьба за Krakow. Апогеем противостояния союзников стала конфликтная ситуация, связанная с занятием Krakowa.

Так, 6 июля состоялось генеральное сражение при Ваграме, в котором Наполеон разгромил австрийскую армию. В этот же день войска С. Ф. Голицына двинулись из Жешувя к Тарнову. После сражения при Ваграме война продолжалась недолго: 12 июля 1809 г. в Цнайме было подписано перемирие. В штабе эрцгерцога Фердинанда это сообщение получили 15 июля, Ю. Понятовского – на следующий день.

Накануне, 14 июля, войска А. Рожнецкого, преследуя австрийцев, подошли к Krakowu. В этот момент в их лагерь прибыл австрийский парламентер. От имени генерала Монде он попросил у польского командира перемирия на 48 ч, чтобы эвакуировать город. В 18:00 Ю. Понятовский разрешил заключить соглашение, но только на 12 ч. Срок перемирия истекал 15 июля в 6 ч утра. Однако на рассвете Ю. Понятовскому доложили, что в город вступили российские войска (см. [8]).

Дело в том, что С. Ф. Голицын заранее получил сообщение о намерении австрийцев покинуть Krakow, поэтому 13 июля предписал А. А. Суворову совершить форсированный марш, занять город и объявить себя военным губернатором. Генерал должен был оставить местное управление, объявить земли под контролем Александра I и не допускать в Krakow никаких, даже союзных, войск⁴¹.

Князь А. А. Суворов выслал отряд подполковника О. О. Штакельберга, который прошел 60 верст за 18 ч и 14 июля вступил в Подгурже. Поскольку австрийцы намеревались скечь мост, соединявший это предместье с Krakowem, О. О. Штакельберг атаковал их и захватил переправу (в результате были убиты два казака, ранены два офицера) [6, с. 33]. Это третья стычка российских и австрийских войск. Затем в город вступил авангард К. К. Сиверса.

³⁶Correspondance du Prince Joseph Poniatowski avec la France... Т. 2. Р. 198.

³⁷Sołtyk R. Relation des operations de l'armée aux ordres, du Prince Joseph Poniatowski pendant la campagne de 1809 en Pologne contre les Autrichiens... Р. 366–369.

³⁸Внешняя политика России XIX и начала XX века... Т. 5. С. 90.

³⁹Там же. С. 76–77.

⁴⁰Записки А. П. Ермолова. С. 114–115.

⁴¹РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3372. Л. 3.

Рис. 2. Участие Российской империи в войне 1809 г.: боевые действия российской армии в Галиции (3 июня – 14 октября 1809 г.) (карта составлена по данным Российского государственного военно-исторического архива⁴²)

Fig. 2. Participation of the Russian Empire in the war of 1809: the fighting of the Russian army in Galicia (3 June – 14 October 1809) (the map was compiled according to the data of the Russian State Military-Historical Archive)

⁴²РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3362, 3368–3374.

Когда утром 15 июля 1809 г. польский отряд попытался войти в Krakow, ему воспрепятствовали войска K. K. Сиверса. Тогда польская пехота взяла ружья на руку, показывая готовность проложить себе путь штыками. K. K. Сиверс пропустил поляков, которые вошли в Krakow под ликование жителей. Warsawskie войска выстроились на улицах города, лицом к лицу против russkikh [7; 4, с. 299–300; 6, с. 34].

И хотя конфликт удалось уладить, он оставил горький осадок. Согласно польской версии (ее оспаривал A. I. Mikhaylovskiy-Daniilevskiy [6, с. 34]), австрийцы специально начали переговоры о заключении перемирия с Ю. Понятовским, чтобы сдать Krakow российским войскам⁴³. По условиям Цнаймского перемирия, город следовало вернуть австрийцам, так как он был занят после 12 июля. Однако Ю. Понятовский отказался. Ситуация была накалена до предела, поскольку в Krakow находились войска трех армий. В итоге было решено оставить в городе по одному батальону и эскадрону с четырьмя орудиями от каждой армии. Остальные войска расположились в окрестностях (цит. по [6, с. 34]; см. также [1, с. 449]).

Впрочем, Ю. Понятовский продолжал действовать без согласования с российским командованием: по его приказу жители Krakow были приведены к присяге Наполеону, от его имени учреждалось новое правление и вывешивались французские орлы⁴⁴. В связи с этим A. A. Суворов запретил K. K. Сиверсу оставлять в городе караулы. «Наглость войск varšawskich выходит из границ, – сообщал C. F. Голицын императору 17 июля. – Бдительное попечение дивизионных начальников едва уже может удержать войска наши, и я истинно удивляюсь их терпеливости, обоядная ненависть друг к другу царствует не токмо между офицерами, но даже между нижними чинами обеих армий» [1, с. 449; 6, с. 34]. Для предотвращения конфликтов C. F. Голицын предлагал Ю. Понятовскому договориться о демаркационной линии по Висле, или между Новой и Старой Галицией⁴⁵.

В своем рескрипте от 20 июля 1809 г. Александр I неожиданно подверг жесткой критике распоряжения C. F. Голицына в Лемберге. Он потребовал не возбуждать у Ю. Понятовского подозрения в том, что российское командование щадит Австрию, и действовать против нее решительно⁴⁶. Монарх приказал организовать управление в Галиции та-

ким образом, чтобы на местах оставались не все австрийские чиновники: часть из них следовало заменить «по выбору главнокомандующего из местных жителей доброй нравственности, однако же таких, которые не были употреблены прежде ни австрийцами, ни князем Понятовским»⁴⁷.

Стараясь уладить конфликты, C. F. Голицын приказал A. A. Суворову принять командование в Krakowе, после чего поляки «на время смирились» [1, с. 450].

В августе 1809 г. численность войск Ю. Понятовского превысила 80 тыс. человек и князь стал называть себя главнокомандующим польской армии. Это вызвало решительный протест со стороны C. F. Голицына, в связи с чем Ю. Понятовский просил Наполеона добиться замены русского генерала на более адекватного командира. Узнав о том, что его «оклеветали», и будучи удручен гневным рескриптом императора, C. F. Голицын 7 августа 1809 г. просил Александра I об отставке⁴⁸. Монарх 26 августа успокоил престарелого генерала и заверил его в своей благосклонности, так как тот действовал по его инструкциям [1, с. 450–451].

Однако противостояние не ослабевало, а атмосфера в Krakowе накалялась с каждым днем⁴⁹. В городе проходили офицерские дуэли, а российские солдаты – уроженцы «польских губерний» – дезертировали в ряды войск Ю. Понятовского [1, с. 449; 6, с. 34–35; 4, с. 300].

Мирные соглашения. После заключения перемирия в Цнайме вопрос о мире оставался открытым. Австрия и Франция не исключали, что военные действия могут возобновиться. Учитывая возникшую в Галиции напряженность, Наполеон был обеспокоен позицией России, поэтому он поручил A. Бертье запросить у C. F. Голицына информацию о том, как будут действовать его войска в случае возобновления войны [3, с. 414].

После заключения Тильзитского мира в российской офицерской среде доминировали антифранцузские настроения, поэтому объявление войны Австрии вызвало у многих офицеров и генералов негативную реакцию. Так, командир 18-й дивизии A. I. Горчаков, родной племянник A. B. Суворова, вступил в переписку с эрцгерцогом Фердинандом. В ответ на его письмо, в котором сообщалось об успехах австрийских армий в Италии и немецких землях, A. I. Горчаков написал: «...желательно, чтоб наши храбрые войска действовали вместе на

⁴³ Correspondance du Prince Joseph Poniatowski avec la France... T. 2. P. 227.

⁴⁴ Sołtyk R. Relation des operations de l'armée aux ordres, du Prince Joseph Poniatowski pendant la campagne de 1809 en Pologne contre les Autrichiens... P. 369–371.

⁴⁵ Внешняя политика России XIX и начала XX века... Т. 5. С. 665.

⁴⁶ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3369 ; Переписка Императора Александра I с главнокомандующим князем Голицыным... С. 232–233.

⁴⁷ Внешняя политика России XIX и начала XX века... Т. 5. С. 77.

⁴⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3370. Л. 1–2.

⁴⁹ Переписка Императора Александра I с главнокомандующим князем Голицыным... С. 234–237 ; Внешняя политика России XIX и начала XX века... Т. 5. С. 99–100, 121, 633.

поле чести. Нетерпиво ожидаю времени присоединения моего к Вашему Высочеству с войсками, коими имею честь командовать»⁵⁰.

Это письмо было перехвачено польскими разъездами в Галиции и доставлено Наполеону. О гневе императора вспоминал А. И. Чернышев, находившийся при его ставке⁵¹: «Он пригласил меня в свой кабинет и показал письмо от князя Горчакова, обращенное к Его Светлости Фердинанду. Я постарался сделать все возможное, чтобы уменьшить его недовольство...» (цит. по [4, с. 295]).

Поскольку этот факт получил огласку, Александр I отстранил А. И. Горчакова от командования и приказал предать его суду. Суд состоялся в Вильне под председательством М. И. Кутузова. Генерал оправдывался тем, что письмо носило частный характер и было составлено до получения известия о разрыве дипломатических отношений. В суде признали, что письмо действительно являлось партикулярным, однако отметили, что генералу, состоящему при войсках, «ни в каком случае не дозволительно изъявлять свое желание самому собою на присоединение к какой-либо стороне воюющих...» (цит. по [10, с. 16]). В связи с этим 29 сентября 1809 г. по приговору генерал-аудиториата, утвержденному императором, А. И. Горчаков был уволен в отставку с запретом вступать в службу [10, с. 16].

Впрочем, наиболее влиятельным противником российско-французского союза являлся А. А. Прозоровский. О своем непонимании послетильзитского политического курса он сообщал свату С. Ф. Голицыну, а также А. А. Аракчееву.

Так, 4 августа 1809 г., незадолго до своей смерти, главнокомандующий писал свату, что поражение Австрии чревато для России и ей придется уже самой «приносить жертвы или бороться с самодержцем целые Европы. <...> Начало несчастия ее, как и вы заключаете, ознаменовано будет восстановлением Королевства Польского»⁵². Поэтому А. А. Прозоровский считал целесообразным присоединиться к антифранцузской коалиции. «По мнению моему, должно пристать к коалиции и драться до последнего человека, с тем, дабы либо приобрести прежнюю славу Империи, либо потерять все», – резюмировал фельдмаршал⁵³.

Несмотря на подобные политические настроения в офицерской среде, 2 октября 1809 г. С. Ф. Голицын сообщил А. Бертье, что действия его войск зависят от действий Наполеона. Если после истечения срока перемирия война возобновится, то и его корпус начнет активные действия. Однако генерал

предостерегал: если его армия вступит в Моравию и Венгрию, то австрийские войска, которые оставались в незанятой части Галиции, окажутся у него в тылу и будут угрожать плохо защищенной границе. С. Ф. Голицын также сообщил, что в случае возобновления войны он предпочел бы действовать самостоятельно или совместно с французской армией, но только не с корпусом Княжества Варшавского, так как «опыт доказал сложность установления с этим последним необходимой между союзными войсками гармонии»⁵⁴. Однако до возобновления военных действий дело не дошло.

В Шёнбруннском замке в Вене 14 октября 1809 г. без участия российских представителей был подписан мирный договор. По нему Австрия лишилась выхода к Адриатическому морю (уступала Франции Зальцбург, Триест, Словению, Истрию, часть Каринтии и Хорватии, из которых были образованы Иллирийские провинции). К Баварии отошел Инниский округ и Зальцбургская область. Австрия обязалась выплатить Франции контрибуцию в 85 млн франков, сократить свою армию до 150 тыс. человек и разорвать отношения с Великобританией, примкнув к континентальной блокаде. К Княжеству Варшавскому переходила Западная (Новая) Галиция (около 1,5 млн человек), в результате чего его территория увеличилась почти в два раза. В то же время, желая вбить клин между Австрией и Россией, Наполеон настоял на передаче России за участие в войне Тарнопольщины (четыре округа Старой Галиции – Тарнопольский, Залесский, Черновицкий и Станиславовский – с населением около 400 тыс. человек)⁵⁵. Такое решение не удовлетворило Александра I, который рассчитывал на присоединение к России всей Старой Галиции с Лембергом.

В записках Н. И. Гречи сохранился отголосок распространенного мнения о наполеоновском подарке: «Общее мнение России порицало Александра. Наполеон осрамил его, дав ему из земель, отнятых у Австрии, не именно какую-нибудь область, а четыреста тысяч душ, как, бывало, у нас цари награждали своих клевретов»⁵⁶.

После подписания Венского мира Александр I назначил С. Ф. Голицына уполномоченным на занятых австрийских землях, а его помощником – поверенного в делах в Австрии И. О. Анстедта. В ходе российско-австрийских переговоров 11–13 ноября 1809 г. между войсками была установлена демаркационная линия⁵⁷. В этом же месяце начался вывод российских войск, который завершился в январе 1810 г.

⁵⁰РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3362. Л. 97.

⁵¹Архив князя А. И. Чернышева... С. 1–4.

⁵²Бумаги князя Сергея Феодоровича Голицына... С. 157.

⁵³Там же. С. 158.

⁵⁴Внешняя политика России XIX и начала XX века... Т. 5. С. 679.

⁵⁵Там же. С. 291.

⁵⁶Греч Н. И. Записки о моей жизни. С. 267.

⁵⁷Внешняя политика России XIX и начала XX века... Т. 5. С. 291–293.

В день отъезда из Тарнополя (современный Тернополь) в Россию, 19 января 1810 г., С. Ф. Голицын скоропостижно скончался. Несмотря на лоббирование его кандидатуры со стороны А. А. Прозоровского, который рекомендовал свата в качестве преемника на должность главнокомандующего Молдавской армии⁵⁸, Александр I был им недо-

волен и 13 января 1810 г. назначил С. Ф. Голицына в Государственный совет, что было своеобразной почетной отставкой. В целом эта смерть словно подвела черту под всеми противоречивыми событиями 1809 г. и в то же время открыла новую страницу в длительном российско-французском противостоянии начала XIX в.

Заключение

Таким образом, поход российской армии в Австрию в 1809 г. преследовал преимущественно политические цели, а его военная составляющая отходила на второй план, поэтому кампания не ознаменовалась крупными сражениями, а боевые потери России составили 11 человек (трое убитых казаков, пять раненых, трое пленных).

Оперативное планирование этой войны прошло два этапа. Осенью 1808 г. рассматривалась возможность действия двумя корпусами (из Брест-Литовска и Молдавии) под общим командованием А. А. Прозоровского. Однако в связи с возобновлением весной 1809 г. военных действий с Турцией отправка на австрийский театр войны трех дивизий была отменена. В апреле 1809 г. Россия отказалась выступать против Австрии со стороны Молдавии и предпочла действовать через Подляшье и Волынь.

Сложная политическая ситуация в западных губерниях России еще больше ограничила возможности армии С. Ф. Голицына. Необходимость поддержа-

ния тишины и спокойствия на белорусско-литовских и украинских землях вынудила российское командование оставить в Белостокской области 7-ю дивизию, а вдоль границы с Австрией (от Белостока до Тарнополя) – пехотные резервы. В ходе кампании 1809 г. С. Ф. Голицын действовал с постоянной оглядкой на свои тылы.

Участие России в войне против Австрии привело к кратковременному подрыву ее имиджа в Европе и способствовало укреплению французского влияния. Увеличение по итогам войны территории Княжества Варшавского в совокупности с переходом Австрии на сторону Наполеона создавало для России не только новые военные угрозы, но и вело к вероятной политической изоляции накануне решающего столкновения с Францией. Однако в стратегической перспективе Александру I удалось не допустить активного участия Австрии в войне против России в 1812 г., а в дальнейшем – добиться перехода этой страны на сторону антифранцузской коалиции.

Библиографические ссылки

1. Богданович МИ. *История царствования императора Александра I и России в его время. Том 2*. Санкт-Петербург: Типография Ф. Сущинского; 1869. 535 + 80 с.
2. Шильдер НК. *Император Александр Первый, его жизнь и царствование. Том 2*. 2-е издание. Санкт-Петербург: А. С. Суворин; 1904. 408 с.
3. Попов АН. *Отечественная война 1812 года. Том 1*. Москва: Минувшее; 2008. 450 с.
4. Соколов О. *Битва двух империй. 1805–1812*. Москва: Астрель; 2012. 750 с.
5. Лукашевич АМ. *Западный пограничный регион в военно-стратегических планах Российской империи (конец XVIII в.–1812 г.). Книга 1*. Минск: ИВЦ Минфина; 2012. 367 с.
6. Сапожников АИ. А. И. Михайловский-Данилевский и его неопубликованный труд «Описание войны императора Александра против Австрии в 1809-м году». *Клио*. 1997;2:25–36.
7. Pawłowski B. *Wojna polsko-austriacka 1809 r.* Warszawa: Volumen; 1999. 462 s. Współpublikowane z «Bellona».
8. Skałkowski A. *Książę Józef*. Bytom: Nakładem Katolika; 1913. 479 s.
9. Nawrot D. *Litwa i Napoleon w 1812 roku*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego; 2008. 792 s.
10. Валькович А. Потерянный корпус. Войска князя Горчакова в 1812 году. *Цейхгауз*. 2002;3:16–21.

References

1. Bogdanovich MI. *Istoriya tsarstvovaniya imperatora Aleksandra I i Rossii v ego vremya. Tom 2* [The history of the reign of Emperor Alexander I and Russia in his time. Volume 2]. Saint Petersburg: Tipografiya F. Sushchinskogo; 1869. 535 + 80 p. Russian.
2. Shilder NK. *Imperator Aleksandr Pervyi, ego zhizn' i tsarstvovanie. Tom 2* [Emperor Alexander the First, his life and reign. Volume 2]. 2nd edition. Saint Petersburg: A. S. Suvorin; 1904. 408 p. Russian.
3. Popov AN. *Otechestvennaya voyna 1812 goda. Tom 1* [Patriotic War of 1812. Volume 1]. Moscow: Minuvshee; 2008. 450 p. Russian.
4. Sokolov O. *Bitva dvukh imperii. 1805–1812* [Battle of two empires. 1805–1812]. Moscow: Astrel'; 2012. 750 p. Russian.

⁵⁸Бумаги князя Сергея Феодоровича Голицына... С. 159.

5. Lukashevich AM. *Zapadnyi pogranichnyi region v voenno-strategicheskikh planakh Rossiiskoi imperii (konets XVIII v. – 1812 g.). Kniga 1* [Western border region in the military-strategic plans of the Russian Empire (late 18th century – 1812). Book 1]. Minsk: IVTs Minfina; 2012. 367 p. Russian.
6. Sapozhnikov AI. [AI Mikhailovsky-Danilevsky and his unpublished work «Description of the war of Emperor Alexander against Austria in 1809»]. *Klio*. 1997;2:25–36. Russian.
7. Pawłowski B. *Wojna polsko-austriacka 1809 r.* Warszawa: Volumen; 1999. 462 s. Współpublikowane z «Bellona».
8. Skałkowski A. *Książę Józef*. Bytom: Nakładem Katolika; 1913. 479 s.
9. Nawrot D. *Litwa i Napoleon w 1812 roku*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego; 2008. 792 s.
10. Valkovich A. [Lost hull. The troops of Prince Gorchakov in 1812]. *Tseikhgauz*. 2002;3:16–21. Russian.

Статья поступила в редколлегию 21.09.2020.
Received by editorial board 21.09.2020.

ИСТОРИОГРАФИЯ

ГІСТАРЫЯГРАФІЯ

HISTORIOGRAPHY

УДК 94(476):930

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОНВЕРСИИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.: ОБЗОР ИСТОРИОГРАФИИ

М. М. КОРОЛЬ¹⁾

¹⁾*Национальный исторический архив Беларуси, ул. Кропоткина, 55, 220002, г. Минск, Беларусь*

Рассмотрены этапы становления историографии, посвященной проблемам конфессиональных преобразований во второй половине XIX в. на территории белорусских губерний. Выделены и проанализированы историографические направления, сформировавшиеся с конца XIX до начала XXI в. Отмечается, что дореволюционные исследователи прежде всего стремились доказать добровольность переходов в православие, но в этот период также создавались труды, в которых этот тезис ставился под сомнение. Утверждается, что в советское время вопрос переходов из католицизма в православие практически не затрагивался. Изучаются особенности отечественной и зарубежной историографии на современном этапе, когда появилось большое количество работ по религиозной проблематике, в том числе конфессиональным конверсиям. Часть исследователей в своих подходах и оценках продолжают традиции дореволюционной историографии, но большинство современных ученых стремятся дать объективную картину религиозных процессов на белорусских землях, показать их в контексте общей государственной политики. Актуальность статьи обусловлена освещением различных точек зрения на проблему конфессиональных переходов.

Ключевые слова: историография; религия; конфессиональные конверсии; Российская империя.

Образец цитирования:

Кароль ММ. Конфесційныя канверсіі на тэрыторыі Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст.: агляд гістарыяграфіі. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя*. 2021;1:82–89.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-1-82-89>

For citation:

Karol MM. Confessional conversions on the territory of Belarus in the second half of the 19th – early 20th century: overview of historiography. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2021;1:82–89. Belarusian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-1-82-89>

Автор:

Маргарита Михайловна Король – старший научный сотрудник отдела научно-издательской и публикационной деятельности.

Author:

Marharyta M. Karol, senior researcher at the research and publishing department.
karolmarharyta@gmail.com

КАНФЕСІЙНЫЯ КАНВЕРСІІ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XIX – ПАЧАТКУ XX ст.: АГЛЯД ГІСТАРЫЯГРАФІІ

М. М. КАРОЛЬ^{1*}

^{1*}Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі, вул. Крапоткіна, 55, 220002, г. Мінск, Беларусь

Разглядаюцца этапы фарміравання гістарыяграфіі, прысвечанай праблематыцы канфесійных канверсій у другой палове XIX ст. на тэрыторыі беларускіх губерняў. Вылучаюцца і аналізуецца гістарыяграфічныя напрамкі, якія сфарміраваліся з канца XIX да XXI ст. Адзначаецца, што дарэвалюцыйныя даследчыкі найперш імкнуліся даказаць добраахвотнасць пераходаў у праваслаўе, але ў гэтых перыядах таксама ствараліся працы, у якіх гэты тэзіс ставіўся пад сумненне. Сцвярджаецца, што ў савецкі час пытанне пераходаў з каталіцызму ў праваслаўе амаль не закраналася. Даследуюцца асаблівасці айчыннай і замежнай гістарыяграфіі на сучасным этапе, калі з'явілася вялікая колькасць прац, прысвечаных рэлігійным праблемам, утым ліку канфесійным канверсіям. Частка даследчыкаў у сваіх падыходах і ацэнках працягваюць традыцыі дарэвалюцыйнай гістарыяграфіі, але большасць сучасных навукоўцаў імкнуцца даць аб'ектыўную карціну рэлігійных працэсаў на беларускіх землях, паказаць іх у кантэксле агульнай дзяржаўнай палітыкі. Актуальнасць артыкула абумоўлена асвятленнем розных пунктаў гледжання на праблему канфесійных пераходаў.

Ключавыя слова: гістарыяграфія; рэлігія; канфесійныя канверсіі; Расійская імперыя.

CONFESIONAL CONVERSIONS ON THE TERRITORY OF BELARUS IN THE SECOND HALF OF THE 19th – EARLY 20th CENTURY: OVERVIEW OF HISTORIOGRAPHY

M. M. KAROL^a

^aNational Historical Archives of Belarus, 55 Krapotkina Street, Minsk 220002, Belarus

The article examines the stages of the formation of historiography devoted to the problems of confessional conversions in the second half of the 19th century on the territory of the Belarusian provinces. The historiographic trends that formed from the end of the 19th century to the beginning of the 21st century were identified and analysed. The authour studies the peculiarities of Belarusian and foreign historiography at the present stage, when a large number of works on religious issues has appeared, including confessional conversions. It is argued that in Soviet times, the issue of transitions from Catholicism to Orthodoxy was practically not touched upon. In their approaches and assessments, some researchers continue the traditions of pre-revolutionary historiography, but the majority of modern scientists strive to give an objective picture of religious processes on the Belarusian lands, to show them in the context of general state policy. The relevance of the article is due to the coverage of various points of view on the problem of confessional conversions. It is noted that pre-revolutionary researchers, first of all, sought to prove the voluntariness of conversions to Orthodoxy, but during this period, works were also created in which this thesis was questioned.

Keywords: historiography; religion; confessional conversions; Russian Empire.

Уводзіны

Пытанне ўзаємаадносін розных веравызнанняў традыцыйна выклікае цікавасць даследчыкаў гісторыі Беларусі. Канфесійныя канверсіі, якія адбываліся на беларускіх землях у другой палове XIX ст., у гэтым плане не з'яўляюцца выключэннем. Змены ў рэлігійнай палітыцы ўлад Расійскай імперыі, якія пачаліся пасля падаўлення паўстання 1863–1864 гг., адразу знайшлі водгук у сучаснікаў падзеяў. У перыядичным друку рознай грамадска-палітычнай скіраванасці з'яўляліся артыкулы, дзе аўтары імкнуліся даць ацэнку пераводам каталіцкага насельніцтва

ў праваслаўе. Цэнтральная тэма становішча права-слайной царквы на тэрыторыі Беларусі, яе ўзаємадачыненняў з каталіцызмам стала для такіх выданняў, як «Веснік Заходняй Расіі» (пад рэдакцыяй К. Гаворскага) і «Епархіяльныя ведамасці», якія выходзілі ў цэнтрах праваслаўных епіскапстваў. Асаблівасцю гэтых выданняў з'яўлялася выразная антыкаталіцкая пазіцыя.

Гістарыяграфія вывучэння міжканфесійных пераходаў на беларускіх землях падзяляецца на некалькі этапаў. На працягу першага з іх (другая пало-

ва XIX – пачатак XX ст.) гэта пытанне асэнсоўвалася сучаснікамі падзеяй, якія ў некаторых выпадках нават з'яўляліся ўдзельнікамі пераводаў каталіцкага насельніцтва ў праваслаёу. Для наступнага этапу (1920–80-я гг. – час функцыянавання савецкай гістарычнай навукі) была характэрна слабая ўвага

да вывучэння рэлігійнага жыцця ў Беларусі. Трэці этап, які пачаўся ў 1990-я гг., адрозніваецца ўзрастаннем цікавасці да проблематыкі канфесійных канверсій, што было абумоўленым ростам навуковай і грамадской цікавасці да рэлігійных аспектаў мінулага Беларусі.

Асноўная частка

Часам фарміравання прафесійнай гістарычнай гісторыі, якая разглядала праблематыку канфесійных канверсій, можна лічыць канец XIX ст. Працы гэтага перыяду насілі не толькі публістычны, але і навуковы характар.

У той час аўтары (П. М. Бацюшкай, Р. Я. Кіпрыяновіч, А. І. Мілавідаў) шмат увагі ўдзялялі дзеянасці віленскага генерал-губернатара М. Мураўёва. Яны імкнуліся раскрыць яго палітыку ў дачыненні да каталіцкага насельніцтва і духавенства. Станоўча ацэньвалася прыняцце каталікамі праваслаёу і павелічэнне колькасці праваслаўных прыходаў за кошт ліквідаваных каталіцкіх [1, с. 372]. З негатыўнага пункта гледжання падаваўся ўплыў каталіцкіх ксяндзоў на праваслаўнае насельніцтва, падкрэслівалася іх імкненне перацягнуць вернікаў з праваслаёу, асвятляліся перашкоды, якія чыніліся ксяндзамі пры спробах заключэння змяшаных шлюбаў (паміж праваслаўнымі і каталікамі). Пры даследаванні гісторыі праваслаёу адзначалася характэрная для беларускіх тэрыторый з'ява, калі прадстаўнікі праваслаўнай канфесіі маглі наведваць каталіцкія храмы. Відавочна, гісторыкі царквы адмоўна ўспрымалі такую тэндэнцыю і тлумачылі яе «польскай» і «лацінскай» прапагандай [2, с. 220].

Сярод аўтараў канца XIX – пачатку XX ст. бытавала меркаванне, што пераход каталікоў у праваслаёу адбываўся цалкам на добраахвотнай аснове. Але адначасова з гэтым гісторык А. Мілавідаў прызнаў, што падчас акцый па такім пераводзе мела месца садзейнічанне духавенству з боку цывільных улад [3, с. 65].

У цэлым працы таго часу былі вытрыманы ў рэчышчы безумоўнай падтрымкі афіцыйных мерапрыемстваў у дачыненні да каталіцызму на тэрыторыі Беларусі.

У гэты час таксама працавалі навукоўцы, якія па-іншаму спрабавалі разглядаць праблему адносін паміж рознымі канфесіямі ў беларускіх губернях. Пры даследаванні становішча праваслаўнай царквы А. Уладзіміраў крэтычна ацэніваў некаторыя заходы, якія адбываліся падчас масавых мерапрыемстваў па пераводах. У памылковасці дзеянняў улад ён бачыў прычыны, па якіх вялікая колькасць з тых, хто прыняў праваслаёу, фактычна заставаліся каталікамі [4, с. 52]. Яго працу станоўча ацаніў праваслаўны святар і пісьменнік І. Фудэль. Ён, у сваю чаргу, спрабаваў прааналізаваць і вызначыць наступствы канфесійных канверсій і прыйшлоў да

высновы, што рэлігійныя пытанні не могуць вырашацца палітычнымі сродкамі. І. Фудэль лічыў, што праблему наяўнасці «ўпартых у лацінстве» можна вырашыць толькі штодзённай працай святара са сваімі прыхаджанамі, а не цікам і прымусам [5, с. 4].

Найбольш паслядоўна крэтыкай адміністрацыйнага характару пераводаў займаўся праваслаўны святар М. Д. Ізвекаў. Асаблівую ўвагу ён звяртаў на нежаданне далучаных да праваслаёу каталікоў выконваць абрацы прынятай канфесіі [6, с. 273]. У выдадзенай у 1899 г. працы прадэманстратраны наступствы прымусовых пераводаў у праваслаёу, калі яны не былі падмацаваны ўнутранымі духоўнымі памкненнямі вернікаў і прыводзілі да адкрытага вяртання людзей у заходні абрац групамі ці паасобку. Аднак М. Д. Ізвекаў не пазбег традыцыйных для расійскай грамадской думкі фармулёвак і характеристыкаваў каталікоў і «ўпартых у лацінстве» як прыхільнікаў усяго польскага і ворагаў праваслаёу. Але ён фактычна першым у дарэвалюцыйнай гістарычнай грунтоўна, з апорай на крыніцы, паказаў пераважна гвалтоўныя характар пераводу часткі каталіцкага насельніцтва беларускіх губерняў у праваслаёу.

Іншую пазіцыю ў парыўнанні з расійскімі публіцыстамі і гісторыкамі займалі прадстаўнікі краёвай плыні ў грамадской думцы беларускіх губерняў. У 1895 г. свае разважанні па пытаннях этнаканфесійных стасункаў і ажыццяўленні рэлігійнай палітыкі ў Беларусі і Літве апублікаваў граф А. Тышкевіч. Абапіраючыся на заканадаўчую базу, ён спрабаваў аўктыўна прааналізаваць польска-расійскія адносіны ў другой палове XIX ст. і вызначыць змены ў становішчы каталіцызму ў рэгіёне пасля паўстання 1863–1864 гг. А. Тышкевіч разглядаў праблему наяўнасці ў беларускіх губернях так званых упартых і адзначаў, што падчас візітаў каталіцкіх біскупіаў у асобныя парафіі да іх звярталіся для споведзі і прычасця вялікая колькасць фармальна праваслаўных вернікаў [7, с. 104].

Аўтары другой паловы XIX і пачатку XX ст. перш за ўсё імкнуліся адлюстраваць добраахвотнасць пераходаў вернікаў з каталіцызму ў праваслаёу. Іх цікавіла не столькі непасрэднае ажыццяўленне канверсій, стаўленне да іх людзей, у дачыненні да якіх яны ажыццяўляліся, колькі аргументаванне гістарычнай неабходнасці «вяртання» каталіцкага насельніцтва беларускіх губерняў у праваслаёу. Аднак у канцы XIX ст. пачалі з'яўляцца больш

аб'ектыўныя працы, якія گрунтуваліся на сур'ёзной заканадаўчай базе і вялікай колькасці крыніц, на падставе чаго аўтары разглядалі канфесійныя адносіны на тэрыторыі Беларусі, аналізавалі перавод часткі каталіцкага насельніцтва ў праваслаўе як складнік рэлігійнай палітыкі расійскіх улад. Пераважная большасць падобных даследчыкаў у гэты час засяроджваліся на функцыянованні касцёла як грамадскага інстытута, дзеянасці рымска-каталіцкага духавенства (перш за ёсё прадстаўнікоў вышэйшай іерархii), спробах русіфікацыі і распалячвання касцёла (увядзенне рускай мовы замест польскай у дадатковое набажэнства) і рэакцыі на іх з боку вернікаў. Істотна менш увагі надавалася праблематыцы ўласна канфесійных канверсій на лакальнym узроўні, амаль не было даследавана (за выключэннем працы М. Д. Ізвекава) пытанне, як адбывалася змаганне за вернікаў не толькі на ўзроўні заканадаўства, але і на месцах.

Пасля Каstryчніцкай рэвалюцыі традыцыі расійскай дарэвалюцыйнай навукі працягвалі гісторыкі царквы ў эміграцыі. З іх канфесійныя канверсіі ў Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. найбольш падрабязна даследаваў І. Смоліч. На яго думку, праваслаўная царква ў другой палове XIX ст. не вяла актыўную місіянэрскую дзеянасць сярод каталіцкага (і былога ўніяцкага) насельніцтва беларускіх зямель, што прывяло да невялікай колькасці далучаных да праваслаўя ў другой палове 1860-х гг. [8, с. 306–307].

Што тычыцца часу функцыяновання савецкай гістарычнай навукі (1920–80-я гг.), то тэма канфесійных канверсій фактычна не атрымала ў ёй раскрыцця. Для пачынальнікаў беларускай гісторыяграфіі (В. Ластоўскі, У. Ігнатоўскі, М. Доўнар-Запольскі) і даследчыкаў міжваеннага перыяду пытанні канфесійнай гісторыі не ўваходзілі ў сферу галоўных навуковых інтарэсаў. У. Ігнатоўскі ў працэсе пераводу і праследаванні былых каталіцкіх вернікаў бачыў не этнаканфесійны феномен, а складовую частку дзейнняў расійскіх улад па эксплуатацыі беларускага сялянства [9, с. 148].

У савецкі час пытанні канфесійнай гісторыі захраналіся, але даследаваліся на падставе марксісцка-ленінскай ідэалогіі і асэнсоўваліся ў рэчышчы барацьбы працоўных мас супраць рэлігійнага прыгнёту, які ажыццяўляўся як каталіцкай, так і праваслаўнай царквой [10]. У гэтым кантэксле пытанню гвалтоўнага пераводу ў праваслаўе ў другой палове XIX ст. не надавалася значнай увагі. Толькі даследчыца дзяржаўнай палітыкі на беларускіх землях С. Самбук адзначыла прыклады супраціўлення прымусоваму пераводу і справядліва падкрэсліла актыўную пазіцыю сялян у справе абароны ўласнай канфесійнай прыналежнасці [11, с. 144].

Новы этап вывучэння канфесійных канверсій пачаўся з 1990-х гг. Тады ж пачалі выходзіць абагульняючыя працы, прысвечаныя гісторыі канфесій

на беларускіх землях падчас іх знаходжання ў складзе Расійскай імперыі. У 1998 г. пабачыла свет калектыўнае даследаванне (пад рэдакцыяй У. Навіцкага), якое з'яўлялася першай спробай асвятліць праблемы гісторыі канфесій з пункта гледжання сучасных навуковых падыходаў [12].

Далейшае развіццё канфесійная праблематыка атрымала ў манаграфіі В. Яноўскай (Грыгор'евай). З выкарыстаннем шматлікіх архіўных матэрыялаў даследчыца прааналізавала працэс замацавання праваслаўнай царквы ў якасці пануючай пасля падаўлення паўстання 1863–1864 гг. [13].

З найноўшых абагульняючых прац варты згадаць створаную калектывам аўтараў манаграфію «Канфесійны фактар у сацыяльным развіцці Беларусі (канец XVIII – пачатак XX ст.)», дзе разглядаецца працэс уключэння праваслаўнай і каталіцкай цэрквеў беларускіх губерняў у прававую прастору Расійскай імперыі [14].

Да прац, якія непасрэдна прысвечаны праблематыцы пераводу ў праваслаўе, належыць манаграфія доктара гістарычных навук А. Бендузіна [15]. У кнізе аналізуецца канфлікты і супяречнасці, якія ўзнікалі на рэлігійнай аснове ў Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. На падставе шматлікіх крыніц прасочваецца працэс пераводу ў праваслаўе. У сваёй працы А. Бендузін фактычна салідарызуецца з расійскай дзяржаўнай палітыкай у харектарыстыцы каталіцкага насельніцтва, якое не жадала пераходзіць у праваслаўе. Гэты дастаткова шырокі народны рух даследчык акрэсліў як «нелегальное движение упорствующих в латинстве» і звёў яго вытокі амаль выключна да выніку агітацыі з боку каталіцкага духавенства і буйных землеўласнікаў [15, с. 22].

Па-іншаму да вывучэння пераводу з каталіцтва ў праваслаўе падышоў А. Грахоцкі. Ён ахарактарызуе пытанне прававога рэгулявання міжканфесійных пераходаў і акрэсліў заканадаўчыя нормы, у адпаведнасці з якімі маглі ажыццяўляцца пераходы [16, с. 5]. Навуковец паспрабаваў рэканструяваць працэс пераводу каталіцкіх вернікаў у праваслаўе пасля падаўлення паўстання 1863–1864 гг. [17, с. 22].

Разнастайныя аспекты, звязаныя з сусідаваннем праваслаўнай і каталіцкай канфесій на тэрыторыі беларускіх губерняў у другой палове XIX – пачатку XX ст., у сваіх даследаваннях закранаў В. Табуной, які ў 2008 г. абараніў кандыдацкую дысертацию па гэтай праблематыцы [18]. Ім акрэслена розніца ў прававым становішчы паміж праваслаўнай і каталіцкай цэрквамі, якая заключалася ў пануючым статусе першай з іх і існаванні аблежаванняў для дзеянасці другой [19, с. 12]. Таксама ён прааналізаваў узаемаадносіны паміж праваслаўнымі і каталікамі і выказаў меркаванне пра нецярпімасць паміж прадстаўнікамі розных канфесій.

У артыкуле А. Пятчыца падрабязна разбіраецца працэдура пераходу ў праваслаўе і наступствы, якія

яна выклікала. Даследчык адзначыў, што сярод прычын прыняцця праваслаўя, асабліва людзьмі шляхецкага паходжання, прысутнічалі і меркантыльныя, напрыклад спадзяванні пазбегнуць падазрэнняў ва ўдзеле ў паўстанні 1863–1864 гг. [20, с. 53].

Іншы аспект канфесійных канверсій прааналізаў В. Урублеўскі. Ён разгледзеў праблему парушэнняў паходжанай абрааднасці, якія з пункта гледжання праваслаўнай царквы дапускалі быўшыя каталікі. Яны адкрыта выказвалі нязгоду выконваць паходжаныя абраады паводле праваслаўнай традыцыі [21, с. 290]. В. Лінкевіч звярнуў увагу на праблему існавання міжканфесійных пераходаў і змяшаных шлюбаў у кантэксце барацьбы каталіцкага і праваслаўнага духавенства за прыхаджан [22, с. 263].

Апрача спецыяльных даследаванняў, міжканфесійныя пераходы вывучаюцца навукоўцамі ў кантэксце больш шырокіх тэм, перш за ёсё звязаных з гісторыяй асобных рэлігійных супольнасцей, міжканфесійных адносін, а таксама этнаканфесійных працэсаў.

Манаграфія А. Ганчара прысвячана праблеме дзеяніасці касцёла ў другой палове XIX ст. [23]. У ёй сярод іншага даецца падрабязная характарыстыка заходам, якія рабілі касцельная іерархія і шараговыя святары для супрацьстаяння абмежаванням, накладзеным дзяржавай на іх канфесію.

Дапытання міжканфесійных пераводаў у 1860-я гг. звярнуўся А. Смалянчук. Аўтар акрэсліў дзеяніасць спецыяльной рэвізійной камісіі і яе дасягненні ў справе пераводу насельніцтва з каталіцызму ў праваслаўе, а таксама пераважна адмоўную рэакцыю насельніцтва на іх [24, с. 63].

П. Церашковіч паставіў пытанне пераводу ў праваслаўе ў кантэкст скарачэння колькаснай вагі каталіцкага насельніцтва і даў ацэнку падобным заходам як мэтанакіраванай імперской палітыцы. Ён прыйшоў да вынікі, што вынікам прымусовай канверсіі насельніцтва стала стварэнне сітуацыі нестабільнасці і зменлівай этнаканфесійнай ідэнтычнасці на беларускіх землях [25, с. 216].

У рэчышчы ўзрастання цікавасці да рэгіянальнай гісторыі звяртаецца ўвага на выпадкі масавых пераводаў у праваслаўе, якія назіраліся ў асобных рэгіёнах – паветах і нават прыходах. Міжканфесійныя пераходы на Гродзеншчыне закраналі Т. Казлову [26, с. 79] і В. Працэнку [27, с. 230], канфесійную сітуацыю ў Пінскім павеце даследавала К. Марозька [28, с. 239], практикі пераводу на Мазыршчыне разглядала З. Кур'ян [29, с. 33].

У замежнай гісторыяграфіі найбольшая цікавасць да праблемы пераводу ў праваслаўе ў беларускіх губернях у другой палове XIX – пачатку XX ст. назіраецца ў расійскай, польскай і літоўскай гісторыяграфічных традыцыях.

Як і ў беларускай гісторыяграфіі, інтарэс да канфесійнай гісторыі ў расійскай навуцы стаў імкліва ўзрастаць пачынаючы з 1990-х гг. Вядомы да-

следчык польска-расійскіх узаемаадносін Л. Гарызонтаў у працы «Параходы імперской палітыкі: палякі ў Расіі і рускія ў Польшчы» (1999) сярод іншага ахарактарызаваў праблематыку змяшаных шлюбаў паміж вернікамі праваслаўнай і каталіцкай канфесій [30]. У даследаванні прааналізаваны праававая рэгламентацыя і фактычнае заключэнне такіх шлюбаў, але ў асноўным на падставе прыкладаў з жыцця вышэйшых саслоўяў. Уплыў змяшаных шлюбаў на рэлігійную ідэнтычнасць прадстаўнікоў мяшчанства і сялянства ў кнізе не закранаеца.

Разнастайны матэрыял па пытанні канверсіі з каталіцызму ў праваслаўе змяшчае манаграфія расійскага гісторыка М. Д. Далбілава «Рускі край, чужая вера: этнаканфесійная палітыка імперыі ў Літве і Беларусі пры Аляксандры II» (2010) [31]. Ажыццяўленне пераводу ў праваслаўе разгледжана і прааналізана аўтарам у шырокім кантэксце трансфармацыі падыходаў расійскіх улад у адносінах з «замежнымі» веравызнаннямі. Гісторык падкрэслівае наяўнасць унутраных супяречнасцей у канфесійнай палітыцы ў краі, яе непаслядоўнасць, якая абумоўлівалася барацьбой розных палітычных груповак унутры расійскіх дзяржаўных эліт. Несумненна, гэта найбольш поўнае ў расійскай гісторыяграфіі даследаванне, прысвячанае праблематыцы дзяржаўных мерапрыемстваў, накіраваных на ўзмацненне ролі праваслаўя ў беларускіх губернях. Тым не менш, як і яго папярэднікі, М. Д. Далбілаў у першую чаргу засяроджваецца на заходах, якія рабіліся цэнтральнымі і мясцовымі ўладамі, у меншай ступені ў яго даследаванні прасочваецца, як адбывалася рэалізацыя прынятых на агульна-дзяржаўным і лакальнym узроўнях рашэнняў, як на іх рэагавала насельніцтва. У сваю чаргу, праававыя аспекты праследавання за «выход з праваслаўя» ў розных частках Расійскай імперыі прасачыў В. Андрашчук [32].

Польскія даследчыкі ў сваіх працах таксама звярталіся да асвялення розных аспектаў расійскай рэлігійнай палітыкі ў беларускіх губернях. Сярод найбольш ранніх даследаванняў неабходна вылучыць працы А. Важынскага (1872) [33] і З. Нагродскага (1935) [34], аднак у іх увага засяроджвалася на пытаннях закрыцця касцёлаў, праследавання ксяндзоў, палітыкі распалячвання касцёла. У сучаснай польскай гісторыяграфіі перавод у праваслаўе асэнсоўваецца перш за ёсё ў больш шырокім кантэксце рэлігійнай і этнаканфесійнай гісторыі беларускіх зямель [35].

Сярод прадстаўнікоў іншых замежных гісторыяграфічных традыцый у першую чаргу варты адзначыць літоўскага гісторыка Д. Сталюнаса [36] і амерыканскага даследчыка Т. Уікса [37] і П. Верта [38], якія вывучаюць праблему далучэння каталіцкага насельніцтва да праваслаўя ў 1860-х гг. Іх даследаванні трунтующа пераважна на кропіцах з Віленскай, Гродзенскай і Ковенскай губерняй.

Заключэнне

У дарэвалюцыйнай гісторыяграфіі асноўную цікавасць да пытанняў канфесійных канверсій выказвалі расійскія гісторыкі царквы. Як правіла, у сваіх даследаваннях яны імкнуліся паказаць добраахвотнасць працэсу пераходу з каталіцызму ў праваслаўе. Зрэшты былі і выключэнні, да якіх найперш належыць праца М. Д. Ізвекава.

У савецкай гісторыяграфіі праблема пераводу ў праваслаўе і рэакцыі на яго з боку насельніцтва амаль не закраналася, затое ў цяперашні час цікавасць да яе істотна павялічылася. Даследчыкі за-сяроджваюцца на заканадаўчых асновах і фактычнай рэалізацыі працэдуры пераводу ў праваслаўе ў другой палове XIX ст., спыняюцца на канкрэтных рэгіёнах, дзе пытанне міжканфесійных узаемаадносін стаяла асабліва востра. Нягледзячы на наяўнасць грунтоўных прац высокага навуковага ўзроўню неабходна адзначыць, што ў шэрагу выпадкаў у сучаснай гісторыяграфіі паўтараюцца ідэі, прапанаваныя ў дарэвалюцыйнай навуцы, – адмаўленне наяўнасці ў беларускага сялянства развітой канфесійнай ідэнтычнасці, апраўданне правядзення прымусовых

канверсій, імкненне абвінаваці каталіцкіх святараў і памешчыкаў у правакаванні сялян да адмаўлення ад праваслаўя.

Сучасныя замежныя даследчыкі пераважна вывучаюць перавод з каталіцызму ў праваслаўе ў канцэце зменлівай дзяржаўнай палітыкі Расійскай імперыі. Яны разглядаюць прымусовыя канверсіі як частку маштабных, навязаных звонку, рэлігійных ператварэнняў, якія адбываліся на беларускіх землях пасля падаўлення паўстання 1863–1864 гг. У меншай ступені ў іх працах увага звязтаецца на рэалізацыю дзяржаўнай палітыкі на месцах і рэакцыю насельніцтва на яе.

Падсумоўваючы, неабходна адзначыць, што ў гісторыяграфіі недастаткова закраналася праблематыка канфесійных канверсій і пераводу каталіцкага насельніцтва ў праваслаўе на лакальным узроўні, амаль не даследаваны формы змагання праваслаўнага і каталіцкага духавенства за вернікаў у асобных паветах і нават прыходах, выпадкі сутыкнення дзяржаўнай працэдуры пераводу ў праваслаўе з уяўленнямі вернікаў пра сваю рэлігійную ідэнтычнасць.

Бібліографічныя спасылкі

1. Батюшков П.Н. *Белоруссия и Литва: исторические судьбы Северо-Западного края*. Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза»; 1890. 183 с.
2. Киприанович Г.Я. *Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве*. Вильна: Типография И. Блюмовича; 1895. 225 с.
3. Миловидов А.И. *Заслуги графа М. Н. Муравьева для православной церкви в Северо-Западном крае*. Харьков: Типография Губернского правления; 1900. 92 с.
4. Владимиров А.П. *О положении православия в Северо-Западном крае*. Москва: Русское обозрение; 1893. 92 с.
5. Фудель И.И. *Наше дело в Северо-Западном крае*. Москва: Университетская типография; 1893. 38 с.
6. Извеков Н.Д. *Исторический очерк состояния православной церкви в Литовской епархии за время с 1839–1889 г.* Москва: Печатня А. И. Снегиревой; 1899. 522 с.
7. Тышкевич А. *Русско-польские отношения*. Лейпциг: [б. и.]; 1895. 252 с.
8. Смолич И.К. *История Русской церкви, 1700–1917 гг.* Москва: Издательство Валаамского Спасо-Преображенского монастыря; 1997. 799 с.
9. Ігнатоўскі У.М. *Гісторыя Беларусі ў XIX і ў пачатку XX стагоддзя: лекцыі, чытаныя студэнтам Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта*. Мінск: Дзяржаўнае выдавецтва Беларусі; 1925. 251 с.
10. Мараш Я.Н. *Из истории борьбы народных масс Белоруссии против экспансии католической церкви*. Минск: Вышэйшая школа; 1969. 220 с.
11. Самбук С.М. *Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX века*. Минск: Наука и техника; 1980. 223 с.
12. Навіцкі У., рэдактар. *Канфесіі на Беларусі (канец XVIII – XX ст.)*. Мінск: Экаперспектыва; 1998. 339 с.
13. Яноўская В.В. *Хрысціянская царква ў Беларусі, 1863–1914 гг.* Мінск: БДУ; 2002. 197 с.
14. Яноўская В.В., рэдактар. *Канфесійны фактар у сацыяльным развіції Беларусі (канец XVIII – пачатак XX ст.)*. Мінск: Беларуская навука; 2015. 496 с.
15. Бендин А.Ю. *Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.)*. Минск: БГУ; 2010. 439 с.
16. Грахоцкі А.П. *Прававое рэгуляванне парадку рэлігійнай канверсіі ў Беларусі (1863–1905 гады)*. Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. 2012;1:4–18.
17. Грахоцкі А.П. «Возвращение в православие»: масавая канверсія каталікоў Беларусі ў праваслаўе ў 60-я гады XIX ст. (па матэрыялах Мінскай губерні). У: Міхедзька В.А., рэдактар. *Беларусь у гісторычнай рэträспектыве XIX–XX стагоддзяў: этнакультурныя і нацыянальна-дзяржаўныя працэсы. Частка 1*. Гомель: [б. в.]; 2009. с. 21–31.
18. Табунов В.В. *Политика российского правительства в отношении христианских конфессий в Беларуси (1895–1907)* [автореферат диссертации]. Минск: БГПУ; 2008. 22 с.
19. Табунов В.В. Регламентация законодательством Российской империи деятельности православной церкви и римско-католического костела в Беларуси конца XIX – начала XX в. *Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя А. Гуманітарныя науکі (гісторыя, філософія, філалогія)*. 2012;1:10–13.
20. Пятчиц А.И. «Торжество» православия в Беларуси: имперский вариант. *Деды: дайджест публикаций о белорусской истории*. 2010;5:40–55.

21. Урублеўскі ВВ. Парушэнне праваслаўнай царкоўнай практыкі пахавання як адлюстраванне працэсу супрацьстаяння каталікоў ліквідаваных парафій масаваму пераводу ў праваслаўе (другая палова XIX – пачатак XX ст.). *Архіварыус*. 2017;15:284–294.
22. Лінкевіч ВН. Взаимоотношения православного и католического населения Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. В: Марозава СВ, рэдактар. *Хрысціянства ў гістарычным лёсі беларускага народа. Частка 1*. Гродна: [б. в.]; 2009. с. 262–267.
23. Ганчар АІ. *Рымско-католіческі костел в Беларусі (1864–1905 гг.)*. Гродно: ГГАУ; 2008. 275 с.
24. Смалянчук АФ. *Паміж краёвасцю і нацыянальной ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях 1864–1917 г.* Гродна: ГрДУ; 2001. 320 с.
25. Терешкович ПВ. Пограничье как судьба: метаморфозы этничности в Восточноевропейском пограничье в XIX – начале XX в. *Ab Imperio*. 2009;1:191–226.
26. Козлова ТИ. Конфесіональны облік населенія Гродненскай губерніі (1801–1914 гг.). *Веснік Гродзенскага дзяржаўнага юніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Палітологія*. 2007;4:76–81.
27. Проценко ОЭ. Конфесіональны аспект історыі Гродненскай губерніі в XIX в. У: Марозава СВ, рэдактар. *Хрысціянства ў гістарычным лёсі беларускага народа. Частка 1*. Гродна: [б. в.]; 2009. с. 229–236.
28. Морозъко ЕВ. Изменение религиозной ситуации на Пинщине после восстания 1863–1864 гг. В: Чесновский МЭ, редактор. *Национализм и концепция гражданского общества в Восточной Европе*. Брест: [б. и.]; 2009. с. 236–243.
29. Курьян ЗС. К вопросу о взаимоотношениях православных и католиков в Мозырском уезде в XIX веке. У: Міхедзька ВА, рэдактар. *Беларусь у гістарычнай рэпраспектыве XIX–XX стагоддзяў: этнакультурныя і нацыянальна-дзяржаўныя працэсы*. Гомель: [б. в.]; 2011. с. 29–33.
30. Горизонтов ЛЕ. *Парадоксы імперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.)*. Москва: Индрик; 1999. 272 с.
31. Долбилов МД. *Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II*. Москва: Новое литературное обозрение; 2010. 999 с.
32. Андрошук ВВ. *Преступления против религии по законодательству России (конец XIX – начало XX в.)*. Москва: Юриспруденция; 2016. 208 с.
33. Ważyński A. *Litwa pod względem prześladowania w niej Rzymsko-katolickiego Kościoła*. Poznań: W. Decker i Spółka; 1872. 107 s.
34. Nagrodzki Z. *Rola duchowieństwa katolickiego w godzinie prób i cierpień na terenach Litwy i Białorusi (1863–1883)*. Wilno: Dom Książki Polskiej; 1935. 145 s.
35. Mironowicz A. *Kościół prawosławny w Polsce*. Białystok: Białoruskie Towarzystwo Historyczne; 2006. 920 s.
36. Staliūnas D. *Making Russians. Meaning and practice of russification in Lithuania and Belarus after 1863*. New York: Rodopi B. V.; 2007. 465 p.
37. Weeks T. *Nation and state in late imperial Russia: nationalism and russification on Russia's western frontier, 1863–1914*. Northern Illinois: Northern Illinois University Press; 1996. 297 p.
38. Вергт П. *Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи*. Москва: Новое литературное обозрение; 2012. 275 с.

References

1. Batyushkov PN. *Belorussiya i Litva: istoricheskie sud'by Severo-Zapadnogo kraja* [Belarus and Lithuania: historical fates of the Northwest lands]. Saint Petersburg: Tipografiya tovarishhestva «Obshchestvennaya pol'za»; 1890. 183 p. Russian.
2. Kiprianovich GYa. *Istoricheskii ocherk pravoslaviya, katolichestva i unii v Belorussii i Litve* [Historical essay on Orthodoxy, Catholicism and the union in Belarus and Lithuania]. Vil'na: Tipografiya I. Blyumovicha; 1895. 225 p. Russian.
3. Milovidov AI. *Zaslugi grafa M. N. Murav'eva dlya pravoslavnoi tserkvi v Severo-Zapadnom krae* [Merits of count M. N. Muravyov for the Orthodox Church in the Northwest lands]. Kharkiv: Tipografiya Gubernskogo pravleniya; 1900. 92 p. Russian.
4. Vladimirov AP. *O polozhenii pravoslaviya v Severo-Zapadnom krae* [On the state of Orthodoxy in Northwest lands]. Moscow: Russkoe obozrenie; 1893. 92 p. Russian.
5. Fudel' II. *Nashe delo v Severo-Zapadnom krae* [Our deal is in the Northwest lands]. Moscow: Universitetskaya tipografiya; 1893. 38 p. Russian.
6. Izvekov ND. *Istoricheskii ocherk sostoyaniya pravoslavnoi tserkvi v Litovskoi eparkhii za vremya s 1839–1889 g.* [Historical essay of the state of the Orthodox Church in the Lithuanian diocese during the period of 1839–1889 years]. Moscow: Pechatnya A. I. Snegirevoi; 1899. 522 p. Russian.
7. Tyshkevich A. *Russko-pol'skie otnosheniya* [Russian-Polish relations]. Leipzig: [s. n.]; 1895. 252 p. Russian.
8. Smolich IK. *Istoriya Russkoi tserkvi, 1700–1917 gg.* [The Russian Church history, 1700–1917]. Moscow: Publishing house of Valaam Monastery; 1997. 799 p. Russian.
9. Ignatowski UM. *Gistoryja Belarusi w XIX i w pachatku XX staleccja: lekcyi, chytanya studjentam Belaruskaga dzjarzhawina universitetu* [History of Belarus in the 19th and early 20th century: lectures given to students of the Belarusian State University]. Minsk: Dzjarzhawnae vydavectva Belarusi; 1925. 251 p. Belarusian.
10. Marash YaN. *Iz istorii bor'by narodnykh mass Belorussii protiv ekspansii katolicheskoi tserkvi* [From the history of the Belarusian people's struggle against the expansion of Catholic Church]. Minsk: Vyshjejszaja shkola; 1969. 220 p. Russian.
11. Sambuk SM. *Politika tsarizma v Belorussii vo vtoroi polovine XIX veka* [The policy of tsarism in Belarus in the second half of the 19th century]. Minsk: Nauka i tekhnika; 1980. 223 p. Russian.
12. Navicki UI, editor. *Kanfesii na Belarusi (kanec XVIII – XX st.)* [Confessions in Belarus (the end of the 18th – 20th century)]. Minsk: Jekaperspektyva; 1998. 339 p. Belarusian.
13. Janowskaja VV. *Hryscijanskaja carkva w Belarusi, 1863–1914 gg.* [Christian Church in Belarus, 1863–1914]. Minsk: Belarusian State University; 2002. 197 p. Belarusian.

14. Janowskaja VV, editor. *Kanfesijny faktar u sacyjal'nym razvicii Belarusi (kanec XVIII – pachatak XX st.)* [The confessional factor in the social development of Belarus (late 18th – early 20th century)]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2015. 496 p. Belarusian.
15. Bendin AYu. *Problemy veroterpmosti v Severo-Zapadnom krae Rossiiskoi imperii (1863–1914 gg.)* [The tolerance problems in the Northwest lands of the Russian Empire (1863–1914)]. Minsk: Belarusian State University; 2010. 439 p. Russian.
16. Grahocki AP. [Legal regulation of the procedure for conversion in Belarus (1863–1905)]. *Sacyjal'na-jekanamichnyja i pravavyja dasledavanni*. 2012;1:4–18. Belarusian.
17. Grahocki AP. [«Return to Orthodoxy»: the mass conversion of Belarusian Catholics to Orthodoxy in the 1860s (based on the materials of the Minsk governorate)]. In: Mihedz'ka VA, editor. *Belarus' u gistarychnaj rjetraspekyve XIX–XX stagoddzjaw: jetnakul'turnyja i nacyjanal'na-dzjarzhawnyja pracejesy. Chastka 1* [Belarus in the historical retrospective of the 19th–20th centuries: ethnocultural and national-state processes. Part 1]. Homiel': [s. n.]; 2009. p. 21–31. Belarusian.
18. Tabunov VV. *Politika rossiiskogo pravitel'stva v otnoshenii hristianskikh konfessii v Belarusi (1895–1907)* [Russian government policy on the Christian confessions in Belarus (1895–1907)] [dissertation abstract]. Minsk: Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank; 2008. 22 p. Russian.
19. Tabunov VV. [Regulation of the activities of the Orthodox Church and the Roman Catholic Church in Belarus by the legislation of the Russian Empire in the late 19th – early 20th centuries]. *Vesnik Magiljowskaga dzjarzhawnaga universtiteta imja A. A. Kuljashova. Seryja A. Gumanitarnyja navuki (gistoryja, filosofija, filalogija)*. 2012;1:10–13. Russian.
20. Pyatchits AI. [«Triumph» of Orthodoxy in Belarus: the imperial version]. *Dedy: daidzhest publikatsii o belorusskoi istorii*. 2010;5:40–55. Russian.
21. Urublewski VV. [The violation of the Orthodox tradition of interment as a manifestation of the process of resistance of the Catholics of the eliminated parishes towards conversions into Orthodox Christianity in the Minsk governorate (late 19th – early 20th century)]. *Arhivaryus*. 2017;15:284–294. Belarusian.
22. Linkevich VN. [Relationships between the Orthodox and Catholic populations of Belarus in the second half of the 19th – early 20th century]. In: Marozava SV, editor. *Hryscianstva w gistarychnym ljoze belaruskaga naroda. Chastka 1* [Christianity in the historical destiny of the Belarusian people. Part 1]. Hrodna: [s. n.]; 2009. p. 262–267. Russian.
23. Ganchar AI. *Rimsko-katolicheskii kostel v Belarusi (1864–1905 gg.)* [The Roman Catholic Church in Belarus (1864–1905)]. Hrodna: Grodno State Agrarian University; 2008. 275 p. Russian.
24. Smaljanchuk AF. *Pamizh krajovascju i nacyjanal'naj idjejaj. Pol'ski ruh na belaruskikh i litowskikh zemljah 1864–1917 g.* [Between regionalism and the national idea. Polish movement in the Belarusian and Lithuanian lands 1864–1917]. Hrodna: Yanka Kupala State University of Grodno; 2001. 320 p. Belarusian.
25. Tereshkovich PV. [Borderlands as destiny: metamorphoses of ethnicity in the Eastern European borderlands in the 19th – early 20th centuries]. *Ab Imperio*. 2009;1:191–226. Russian.
26. Kozlova TI. [Confessional image of the population of Hrodna governorate (1801–1914)]. *Vesnik Grodzenskaga dzjarzhawnaga universtiteta imja Janki Kupaly. Seryja 1. Gistoryja i arheologija. Filosofija. Palatalogija*. 2007;4:76–81. Russian.
27. Protsenko OE. [The confessional aspect of the history of the Hrodna governorate in the 19th century]. In: Marozava SV, editor. *Hryscianstva w gistarychnym ljoze belaruskaga naroda: zbornik navukovyh artykulow. Chastka 1* [Christianity in the historical destiny of the Belarusian people. Part 1]. Hrodna: [s. n.]; 2009. p. 229–236. Russian.
28. Moroz'ko EV. [Change the religious situation in the Pinsk region after the uprising of 1863–1864]. In: Chasnouski ME, editor. *Natsionalizm i kontseptsiya grazhdanskogo obshchestva v Vostochnoi Evrope* [Nationalism and the concept of civil society in Eastern Europe]. Brest: [s. n.]; 2009. p. 236–243. Russian.
29. Kur'yan ZS. [To the issue of the relationships between Orthodox and Catholics in the Mazyr district in the 19th century]. In: Mihedz'ka VA, editor. *Belarus' u gistarychnaj rjetraspekyve XIX–XX stagoddzjaw: jetnakul'turnyja i nacyjanal'na-dzjarzhawnyja pracejesy* [Belarus in the historical retrospective of the 19th–20th centuries: ethnocultural and national-state processes]. Homiel': [s. n.]; 2011. p. 29–33. Russian.
30. Gorizontov LE. *Paradoksy imperskoi politiki: polaki v Rossii i russkie v Pol'she (XIX – nachalo XX v.)* [The paradoxes of imperial policy: Poles in Russia and Russians in Poland (19th – early 20th century)]. Moscow: Indrik; 1999. 272 p. Russian.
31. Dolbilov MD. *Russkii krai, chuzhaya vera: etnokonfessional'naya politika imperii v Litve i Belorusii pri Aleksandre II* [Russian lands, foreign faith: ethnoconfessional policy of the empire in Lithuania and Belarus under Alexander II]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2010. 999 p. Russian.
32. Androshchuk VV. *Prestupleniya protiv religii po zakonodatel'stu Rossii (konets XIX – nachalo XX v.)* [Crimes against religion under Russian law (late 19th – early 20th century)]. Moscow: Yurisprudentsiya; 2016. 208 p. Russian.
33. Ważyński A. *Litwa pod względem prześladowania w niej Rzymsko-katolickiego Kościoła*. Poznań: W. Decker i Spółka; 1872. 107 s.
34. Nagrodzki Z. *Rola duchowieństwa katolickiego w godzinie prób i cierpień na terenach Litwy i Białorusi (1863–1883)*. Wilno: Dom Książki Polskiej; 1935. 145 s.
35. Mironowicz A. *Kościół prawosławny w Polsce*. Białystok: Białoruskie Towarzystwo Historyczne; 2006. 920 s.
36. Staliūnas D. *Making Russians. Meaning and practice of russification in Lithuania and Belarus after 1863*. New York: Rodopi B. V.; 2007. 465 p.
37. Weeks T. *Nation and state in late imperial Russia: nationalism and russification on Russia's western frontier, 1863–1914*. Northern Illinois: Northern Illinois University Press; 1996. 297 p.
38. Vert P. *Pravoslavie, inoslavie, inoverie: ocherki po istorii religioznogo raznoobraziya Rossijskoi imperii* [Orthodoxy, non-Orthodoxy, Heterodoxy: sketches on the history of religious diversity in the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2012. 275 p. Russian.

Артыкул пасмуніў у рэдкалагію 18.09.2020.
Received by editorial board 18.09.2020.

УДК 930(476)«19»:001 «1960/1975»

НАУЧНО-ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИСТОРИКОВ ПО ПОДГОТОВКЕ ПЯТИТОМНОГО ИЗДАНИЯ «ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСКАЙ ССР»

B. A. БЕЛОЗОРОВИЧ¹⁾

¹⁾Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, ул. Ожецко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь

Анализируется процесс создания обобщающей пятитомной работы по истории Белорусской ССР. Раскрывается уникальный для отечественной исторической науки послевоенного периода опыт координации исторических исследований, связанных с важнейшими явлениями общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни Беларуси. Впервые в историографии изучена научно-организационная деятельность по созданию фундаментального труда, отражающего историю Беларуси с древнейших времен до середины 1970-х гг. Прослеживается, как в нем проводилась идея подчинения исторической науки интересам партийной политики. Статья подготовлена на основе неопубликованных архивных источников Центрального научного архива Национальной академии наук Беларуси и Национального архива Республики Беларусь, которые впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: история; историческая наука Беларуси; историография Беларуси; Институт истории Академии наук БССР; история БССР.

НАВУКОВА-АРГАНІЗАЦЫЙНАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ ГІСТОРЫКАЎ ПА ПАДРЫХТОЎЦЫ ПЯЦІТОМНАГА ВЫДАННЯ «ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСКАЙ ССР»

B. A. БЕЛАЗАРОВІЧ^{1)*}

^{1)*}Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, вул. Ажэшка, 22, 230023, г. Гродна, Беларусь

Аналізуецца працэ стварэння абагульняючай шматтомнай працы па гісторыі Беларускай ССР. Раскрываецца ўнікальны для айчыннай гістарычнай науку пасляваеннага перыяду вопыт каардынацыі гістарычных даследаванняў, звязаных з найважнейшымі з'явамі грамадска-палітычнага, сацыяльна-еканамічнага і культурнага жыцця Беларусі. Упершыню ў гістарыяграфіі вывучана наўкуова-арганізацыйная дзейнасць па стварэнні фундаментальнай працы, якая адлюстроўвае гісторыю Беларусі са старажытных часоў да сярэдзіны 1970-х гг. Прасочваецца, як у выданні праводзілася ідэя падпарадкавання гістарычнай науку інтэрэсам партыйнай палітыкі. Артыкул падрыхтаваны на аснове неапублікованых архіўных крыніц Цэнтральнага наўковага архіва Нацыянальнай акадэміі науک Беларусі і Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, што ўпершыню ўводзяцца ў наўковы зварот.

Ключавыя слова: гісторыя; гістарычная наука Беларусі; гістарыяграфія Беларусі; Інстытут гісторыі Акадэміі наукаў Беларускай ССР; гісторыя БССР.

Образец цитирования:

Белозорович ВА. Научно-организационная деятельность историков по подготовке пятитомного издания «Гісторыя Беларускай ССР». *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2021;1:90–98.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-1-90-98>

For citation:

Belazarovich VA. Scientific and organizational activity of historians for the preparation of the five-volume work «Histories of the Belarusian SSR». *Journal of the Belarusian State University. History*. 2021;1:90–98. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-1-90-98>

Автор:

Виктор Александрович Белозорович – кандидат исторических наук, доцент; декан факультета истории, коммуникации и туризма.

Author:

Viktor A. Belazarovich, PhD (history), docent; dean of the faculty of history, communication and tourism.
vbelozorovich@mail.ru

SCIENTIFIC AND ORGANIZATIONAL ACTIVITY OF HISTORIANS FOR THE PREPARATION OF THE FIVE-VOLUME WORK «HISTORIES OF THE BELARUSIAN SSR»

V. A. BELAZAROVICH^a

^a*Yanka Kupala State University of Grodno, 22 Ažėška Street, Hrodna 230023, Belarus*

The article analyses the process of creating a generalizing multi-volume work on the history of the Belarusian SSR. The publication reveals a unique experience of coordinating historical research related to the most important phenomena of the socio-political, socio-economic and cultural life of Belarus in the post-war period of the development of national historical science. For the first time in historiography, the scientific and organizational activity of creating a fundamental work reflecting the history of Belarus from ancient times to the mid 1970s has been studied. The idea of subordinating historical science to the interests of party politics is presented. The article is based on unpublished archival sources of the Central Scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus, of the National Archives of the Republic of Belarus, which are being introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: history; historical science of Belarus; historiography of Belarus; Institute of History of the Academy of Sciences of the Belarusian SSR; history of the BSSR.

Научно-организационная деятельность историков при подготовке пятитомного труда «Гісторыя Беларускай ССР» (1972–1975) и разработке концепции отечественной истории в 1960–1975 гг. недостаточно изучена в исторической науке, чем и обусловлена актуальность данной статьи. В работе использованы неопубликованные материалы Центрального научного архива НАН Беларуси и Национального архива Республики Беларусь. Анализ процесса научного творчества позволяет определить особенности развития исторической науки в БССР и проследить формирование основных тематических направлений в отечественной историографии. Изучение проблем истории Беларуси осуществлялось в условиях координации научно-исследовательской деятельности ученых, приоритета истории БССР советского периода и истории Коммунистической партии Белоруссии.

После выхода двухтомного труда «История Белорусской ССР» (1954–1958) и его дополненного переиздания в 1961 г. ЦК КПБ поставил перед учеными республики задачу подготовить новое обобщение истории Беларуси. Срок реализации восьмитомного проекта был приурочен к юбилейной дате – 50-летию образования БССР.

В Минске 26 декабря 1960 г. состоялось заседание координационного научного совета Института истории АН БССР по истории Беларуси, на котором обсуждались как результаты деятельности историков за истекший год, так и планы дальнейших исследований. С основным докладом выступил директор института И. С. Кравченко. Ученый отметил: «Нам, историкам, создающим труды по истории нашего народа, конечно, нужно отобразить успехи нашего народа во всей этой бурной кипучей жизни

по строительству коммунизма, по борьбе за мир, по борьбе за социальный прогресс»¹. Далее выступили руководители секций института, отметившие проблемные аспекты научной деятельности. Первоочередное внимание уделялось советскому периоду. Координатор изучения проблемы истории социалистического строительства в Беларуси член-корреспондент АН БССР Н. В. Каменская охарактеризовала степень разработки советского периода белорусской истории и отметила, что, «став хозяином своей жизни и своей судьбы, трудящиеся БССР в братской семье народов Советского Союза построили социализм и сейчас осуществляют семилетний план развития народного хозяйства – план создания материально-технической базы коммунизма. <...> ...Поэтому вопросы социалистического строительства в Советской Белоруссии являются наиболее актуальными для исторической науки объектами научного изучения»². Сотрудники Института истории АН БССР единодушно поддержали задачу подготовки многотомного труда по истории БССР, разработали планы-проспекты книг и определили предварительный состав авторского коллектива. Предполагалось, что в подготовке текста, помимо сотрудников Института истории АН БССР и прочих академических учреждений, будут участвовать ученые из Института истории партии при ЦК КПБ, БГУ, Минского, Брестского и Гродненского педагогических институтов, Минского политехнического института, Львовского университета и др.³ Из запланированных восьми томов первые четыре должны были освещать историю Беларуси с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г., а последующие – советский период. На февраль 1961 г. коор-

¹Центр. науч. арх. Нац. акад. наук Беларуси (ЦНА НАН Беларуси). Ф. 6. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

²Там же. Л. 3.

³Там же. Д. 1. Л. 22.

динационный научный совет по истории Беларуси наметил обсуждение плана-проспекта⁴.

Реализация столь важной задачи осуществлялась в новой общественно-политической ситуации, обусловленной решением XXII съезда КПСС о построении коммунистического общества в СССР. Расширенное заседание ученого совета Института истории АН БССР, на котором присутствовало более 70 историков (в том числе сотрудники Института истории партии при ЦК КПБ, БГУ, педагогических институтов Минска, Могилёва, Гомеля, архивных учреждений и музеев республики, а также представители академической науки из Москвы, Киева и Вильнюса), состоялось 2 февраля 1962 г. С докладом «Решения XXII съезда КПСС и задачи историков по разработке проблем истории БССР» выступил член-корреспондент АН БССР И. С. Кравченко. Ученый обратил внимание на необходимость глубокой разработки истории коммунистического строительства, проблем развития рабочего класса и крестьянства, коммунистического воспитания трудящихся, национально-государственного и культурного строительства.

Институту истории АН БССР пришлось радикально пересмотреть план научно-исследовательской работы на 1962 г. Главное внимание было сосредоточено на разработке наиболее крупных и актуальных проблем истории Беларуси советского периода, имевших общественно-политическое значение, в числе которых указывались следующие: профсоюзы БССР в борьбе за установление и упрочение советской власти (1917–1918), культурное строительство в БССР в период упрочнения и развития советского общества (1938–1941), рабочий класс БССР в послевоенные годы (1945–1950). Историкам предстояло раскрыть объективные закономерности построения коммунизма в Белорусской ССР, поэтому проблематика разрабатываемых кандидатских диссертаций затрагивала в основном современный период общественного развития (например, «Движение бригад и ударников коммунистического труда в сельском хозяйстве БССР (1958–1962 гг.)», «Политико-массовая и культурно-просветительская работа в белорусской деревне в период развернутого строительства коммунизма (1959–1963 гг.)»⁵). Кроме того, сотрудники Института АН БССР запланировали на 1962 г. проведение семи научно-теоретических конференций по материалам XXII съезда КПСС, написали текст публичной лекции «Программа КПСС – программа строительства коммунизма», подготовили брошюру «Белорусская ССР в период развернутого строительства коммунизма»⁶.

О развитии исторической науки в новых условиях шла речь на Всесоюзном совещании историков в Москве, состоявшемся 18–21 декабря 1962 г. В МГУ собралось около 2 тыс. историков. Белорусскую делегацию возглавлял И. С. Кравченко⁷. С основным докладом «Задачи исторической науки и подготовка научно-педагогических кадров в области истории» выступил академик АН БССР Б. Н. Пономарев. Участники совещания в прениях по докладу подчеркнули важность и своевременность созданного форума, позитивное влияние КПСС на развитие исторической науки, указали на необходимость преодоления последствий культа личности и актуализацию исследований, связанных с задачами коммунистического строительства. Историки подняли вопросы координации научно-исследовательской работы, актуальности борьбы с буржуазными фальсификаторами истории. Выступление директора Института истории АН БССР И. С. Кравченко содержало анализ работы, проведенной учеными в Беларуси: отмечались подготовка и издание книг по истории БССР и Компартии Беларуси, исторических очерков Минска, Полоцка, Гродно и других городов, сборников архивных документов и материалов. Директор Института истории АН БССР поднял проблему координации научных исследований, предложил созывать хотя бы раз в год организационные совещания в каком-либо научном центре СССР. Он активно участвовал в дискуссии о подготовке научных кадров высшей квалификации⁸.

После Всесоюзного совещания историков в январе 1963 г. состоялось партийное собрание в Институте истории АН БССР. В докладе К. И. Шабуни и содокладе М. Е. Стрельцова не только отмечались успехи белорусских историков, но и подчеркивалась необходимость преодоления последствий культа личности в исторической науке. Было указано, что во многих научных работах приуменьшалась роль В. И. Ленина, народных масс и Коммунистической партии, но превозносилась деятельность И. В. Сталина, которого отдельные белорусские историки ошибочно объявили создателем БССР, ее промышленности, отцом ее культуры, а некоторые ученыe проявили субъективизм в оценке событий и личностей. Старшие научные сотрудники И. И. Саладков, В. Ф. Романовский, В. Г. Гневко поддержали задачу актуализации тематики научных исследований, посвященных советскому периоду белорусской истории. По их мнению, изучение опыта борьбы за социализм мог оказать неоценимую помощь в строительстве материально-технической базы ком-

⁴ ЦНА НАН Беларуси. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

⁵ Нац. арх. Респ. Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 73. Д. 196. Л. 20.

⁶ Там же.

⁷ Всесоюзное совещание историков // Вопр. истории. 1963. № 2. С. 3.

⁸ Там же. С. 20, 26.

мунизма, формировании коммунистических отношений в советском обществе.

Таким образом, в начале 1960-х гг. были сформированы четкие методологические установки для историков – исследователей БССР. Выступая на расширенном заседании координационного научного совета истории Беларуси (1963), И. С. Кравченко отметил: «Советские историки должны изучать как проблемы прошлого, так и настоящего. <...> Любое историческое исследование того или иного периода должно учитывать историческую перспективу, каждое явление надо брать во взаимосвязи. История отдельных республик должна освещаться как часть истории всей страны, в тесной связи с историей других народов нашей родины. <...> Мы, белорусские историки, должны много потрудиться над тем, чтобы создать труды по истории рабочего класса, крестьянства, по истории борьбы народных масс против агрессоров, о роли Советов и Советского государства, по проблемам национального строительства, о рабоче-крестьянском контроле, культурном строительстве, о новых явлениях в истории развития коммунистического отношения к труду, о развитии государства диктатуры пролетариата в общеноародное государство. На основе классового анализа раскрывать колонизаторскую реакционную политику русского царизма в прошлом, показать борьбу прогрессивных сил общества против феодальной и капиталистической эксплуатации человека человеком, раскрыть высокие духовные качества человека коммунистического общества, показать революционные традиции. В работах наших историков должны также найти место вопросы формирования героических образов руководителей крестьянских движений, освещения революционных подвигов деятелей демократического пролетарского движения, проблемы истории фабрик, заводов, совхозов, колхозов и многое другое⁹. Очевидно, что научной разработке подлежали вопросы, актуальность которых определялась правящей партией. ЦК КПБ предложил историкам из АН БССР сосредоточить внимание на «важнейших проблемах исторической науки», таких как Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г. и ее значение для судьбы белорусского народа, победа советской власти в Беларуси и социалистические преобразования в республике (индустриализация, коллективизация, культурная революция), история рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции БССР, борьба белорусского народа против внутренней контрреволюции и иностранной интервенции

в годы Гражданской войны, против фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны, социалистическое и коммунистическое строительство в БССР в послевоенный период, осуществление ленинской национальной политики и национально-государственное строительство в БССР, борьба народных масс за социальное и национальное освобождение в дореволюционной Беларуси, исторические связи белорусского народа с русским и другими народами СССР, народами зарубежных стран, общественная мысль и культура белорусского народа, критика буржуазных и ревизионистских концепций, фальсифицирующих историю белорусов¹⁰. Фактически историки в 1960-х гг. направили свои усилия на разработку трех крупных проблем, таких как история Великой Октябрьской социалистической революции и ее всемирно-историческое значение, закономерности развития социализма и перехода к коммунизму, а также закономерности исторического развития общества и перехода от одной социально-экономической формации к другой¹¹.

Закрытыми для белорусских историков были исследования, которые публиковались за пределами стран, входивших в так называемую мировую систему социализма. Они оценивались как «буржуазные фальсификации» и чаще всего отвергались. Информация о новинках зарубежной литературы поступала в отдел пропаганды и агитации ЦК КПБ, который принимал решение о судьбе издания: или умолчание, или перевод для служебного пользования. Выступая на июньском (1968 г.) Пленуме ЦК КПБ, директор Института истории АН БССР Н. В. Каменская подчеркивала, что сотрудники института ведут борьбу против фальсификации истории белорусского народа, говорила о вкладе «ученых общественного профиля» в борьбу против буржуазной идеологии во всех ее формах и проявлениях, считала необходимым создать в ближайшие годы новые научные и научно-популярные труды, разоблачающие домыслы западных ученых о происхождении белорусского народа, истории его культуры, формировании белорусской нации. По мнению ученого, следовало раскрыть «реакционную сущность так называемых трудов белорусского националистического отребья, подвзывающегося на службе у империалистической реакции, и буржуазных историков по таким важным вопросам, как создание Белорусской ССР и ее успехи в строительстве коммунизма»¹².

Негативное влияние на формирование концепции истории Беларуси оказала тенденция борьбы с «национализмом», реанимированная в первой

⁹ЦНА НАН Беларуси. Ф. 6. Оп. 1. Д. 7. Л. 5–6.

¹⁰Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК : сб. док. : в 6 т. / под общ. ред. В. И. Бровикова. Т. 6. Минск : Беларусь, 1987. С. 275.

¹¹НАРБ. Ф. 4п. Оп. 73. Д. 254. Л. 200–202.

¹²О состоянии и мерах улучшения массово-политической работы в республике. Прения по докладу секретаря ЦК КП Белоруссии тов. Пилотовича С. А. // Сов. Белоруссия. 1968. 19 июля. С. 4.

половине 1970-х гг. Первый секретарь ЦК КПБ П. М. Машеров на апрельском (1974 г.) Пленуме ЦК КПБ высказал упрек в адрес АН БССР в политической незрелости, недостаточной партийной ответственности ученого, неточности классово-политических позиций: «Об этом приходится напоминать в связи с тем, что в некоторых публикациях, в том числе в народных поэмах “Энеїда навыварат” и “Тарас на Парнасе”, в работах о Евфросинии Полоцкой, Смотрицком, Зизании проявились отголоски внеклассового объективизма, идеализации отдельных богословов как выдающихся просветителей»¹³. Докладчик обвинил бюро Отделения общественных наук АН БССР, в частности его руководителя академика-секретаря К. П. Буслова, в слабом управлении исследовательским процессом, следовании на поводу у «незрелых в политическом отношении лиц». Это было связано с тем, что группа антропологов этнографического сектора Института искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР в 1973 г. предложила провести научный симпозиум по проблеме этногенеза белорусов. Из ЦК КПБ поступил категорический запрет на проведение этого мероприятия. Решение столь важной для белорусской исторической науки проблемы было административно отложено.

План-проспект восьмитомного издания «Гісторыя Беларускай ССР» был разослан еще в конце 1962 г. 40 адресатам¹⁴. В его обсуждении приняли участие профессор Минского педагогического института А. П. Пьянков, старший научный сотрудник АН БССР Е. М. Карпачев, старшие научные сотрудники Института истории АН СССР Р. П. Дадыкин, Н. Н. Улащик, старшие научные сотрудники Института истории АН УССР И. И. Слинько, Н. Н. Ляшенко, заместитель директора Института истории АН Литовской ССР Ю. М. Юргинис, заведующий кафедрой истории Могилёвского педагогического института К. П. Петров, академик АН БССР В. А. Сербента, кандидат исторических наук Р. Т. Шлопак, заведующий кафедрой истории СССР Минского педагогического института А. В. Полонский, председатель исторической секции Военно-исторического общества БССР А. М. Чубченко. Выступавшие указали на необходимость уточнения периодизации истории феодально-го общества, недостаточное освещение трудностей индустриализации в Беларуси, трудового героизма рабочего класса, классовой борьбы в годы первой пятилетки, деятельности профсоюзов, отметили гиперболизацию отсталости белорусских земель [1].

Последовавшая корректировка плана-проспекта труда «Гісторыя Беларускай ССР» привела к сокра-

щению предполагаемого объема издания: вместо восьми томов, запланированных в 1964 г., приняли решение сформировать пятитомник. Первые два тома посвящались досоветскому периоду истории Беларуси, а последующие должны были охватить историю советского общества. Неравномерное распределение материала объясняется общей тенденцией развития советской историографии. Об этом говорилось в выступлении директора Института истории партии при ЦК КПБ Н. В. Каменской на заседании координационного научного совета по истории Беларуси 17 января 1964 г.: «Планируя работы до 1970 года, мы должны думать, чтобы все наши исследования отвечали задачам идеологической работы, которые стоят перед советским народом и идеологическим фронтом. Не случайно поэтому и в комитете по делам печати дают указание ограничить тематику досоветскую и отвести больше места тематике сегодняшнего дня»¹⁵.

В течение 1964 г. сотрудники Института истории АН БССР совместно с историками других научно-исследовательских учреждений и вузов республики приступили к подготовке текста первых двух томов. Публикация труда «Гісторыя Беларускай ССР» была намечена на 1967–1970 гг. За каждым томом был закреплен конкретный ученый-историк, представлявший либо Институт истории АН СССР, либо Институт военной истории Министерства обороны СССР. Первый том курировала доктор исторических наук Е. И. Индова, второй – доктор исторических наук Н. Н. Улащик, третий – доктор исторических наук Ю. А. Поляков, четвертый – кандидат военных наук генерал-майор И. В. Паротькин, пятый – доктор исторических наук В. Е. Полетаев.

Авторская работа над текстом первого тома издания «Гісторыя Беларускай ССР» была завершена только в январе 1967 г. После редактирования общий объем книги составил 1540 страниц. Председатель редакционной коллегии К. И. Шабуня просил дирекцию Института истории АН БССР больше не сокращать текст. Подбором иллюстраций к тому занимался В. И. Мелешко. Для этого ему пришлось посетить архивы Москвы, Ленинграда, Вильнюса, Минска, найти дореволюционные печатные издания. Сотрудники сектора досоветской истории составили хронологические таблицы и 16 карт. К 1 апреля 1967 г. рукопись (без введения и историографического обзора) должны были передать в издательство¹⁶. На заседании ученого совета института истории АН БССР 27 января 1967 г. развернулась дискуссия по вопросу необходимости историографического обзора. И. Е. Марченко предложил внести

¹³ О дальнейшем повышении действенности идеально-политической работы в свете решений XXIV съезда КПСС. Доклад кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК КПБ товарища П. М. Машерова // Сов. Белоруссия. 1974. 30 апр. С. 4.

¹⁴ ЦНА НАН Беларуси. Ф. 6. Оп. 1. Д. 4. Л. 11–12.

¹⁵ Там же. Д. 8. Л. 27.

¹⁶ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 548. Л. 1–2.

в текст изменения, дополнив его историографией периодов. Против высказались Е. И. Корнейчик и И. С. Кравченко, которые приводили три довода. Во-первых, историографический обзор вызвал бы увеличение объема текста на 5–7 печатных листов, что было невозможно в условиях сокращения объема и длительности исторического периода, рассматриваемого в первых двух томах (весь досоветский период). Во-вторых, в издании «История СССР», вышедшем в 12 томах, отсутствовали историографические обзоры. В-третьих, в Институте истории АН БССР была начата разработка темы по историографии БССР под руководством З. Ю. Копысского.

Обсуждение содержания первого тома труда «Гісторыя Беларускай ССР» состоялось 15 марта 1967 г. на заседании ученого совета Института истории АН БССР. С обстоятельными замечаниями выступили сотрудники АН СССР В. В. Седов, Н. Н. Улащик, Е. И. Индова. Заведующий кафедрой истории БССР БГУ Л. С. Абецедарский подверг критике содержание первых восьми глав. «Перегрузка текста научнообразными фразами», «словесный шлак», «малозначительный материал» – с подобных выражений ученый начал свою речь. По его мнению, текст следовало сократить наполовину. Рецензент также настаивал на том, чтобы его коллеги по авторскому коллективу, включая археологов, «опровергли выступления белорусских буржуазных националистов и многочисленных их пособников»¹⁷. К дискуссии подключились М. Б. Фридман, А. П. Пьянков, З. Ю. Копысский, Е. П. Шлосберг, П. Г. Козловский и др. Точку в прениях поставил К. И. Шабуня, который поблагодарил рецензентов за проделанную работу и заметил, что текст первого тома «не имеет серьезных идеологических пороков»¹⁸.

Ученый совет Института истории АН БССР дал положительную оценку макету первого тома труда «Гісторыя Беларускай ССР» и рекомендовал его к печати. В принятом постановлении отмечалось, что содержание книги охватывает две социально-экономические формации (первобытно-общинную и феодальную) и отличается от предшествующих обобщающих изданий более обстоятельной характеристикой древнейших эпох, более аргументированным освещением процесса становления классового общества на территории Беларуси, этногенеза белорусов, взаимосвязи славянской и балтийской культур. Однако авторы совместно с редакцией были обязаны учесть отдельные замечания и доработать текст¹⁹. Корректировка содержания затянулась более чем на два года. Только в конце декабря

1969 г. в издательство «Наука и техника» поступила машинописная рукопись.

График подготовки пятитомного издания «Гісторыя Беларускай ССР» был сорван, что вызвало озабоченность со стороны ЦК КПБ, в связи с чем 25 февраля 1970 г. вышло постановление ЦК КПБ «О работе Института истории Академии наук БССР». В документе отмечалось, что «до сих пор нет фундаментальных трудов, в которых убедительно, аргументированно, глубоко научно раскрывались вопросы образования БССР и начальный период белорусской государственности, такие важные процессы в осуществлении ленинского плана социалистического строительства в Белоруссии, как индустриализация, социалистические преобразования в сельском хозяйстве, культурная революция, развитие социалистической демократии. Ученые института не сумели создать обобщающих трудов, в которых в многоплановой исторической перспективе были бы раскрыты и освещены роль и место рабочего класса, крестьянства и интеллигенции Белоруссии в общей борьбе советского народа за победу социализма в СССР»²⁰. ЦК КПБ заявил об отсутствии эффективного контроля со стороны дирекции и ученого совета Института истории АН БССР за подготовкой издания «Гісторыя Беларускай ССР»²¹.

Руководство института ходатайствовало перед Президиумом АН БССР о переносе сроков издания. Президиум АН БССР 26 февраля 1970 г. предложил ученым-историкам новый график подготовки томов к публикации: с апреля 1970 по апрель 1972 г. Его выполнение возлагалось на конкретных лиц: К. И. Шабуню, И. Е. Марченко, И. С. Кравченко, А. А. Филимонова²². На заседании ученого совета Института истории АН БССР 2 марта 1970 г. обсуждался вопрос о мерах по выполнению постановления бюро Отделения общественных наук «О подготовке и издании пятитомной «Истории БССР» от 18 февраля 1970 г. Президиум АН БССР и Государственный комитет Совета Министров БССР по печати поставили перед директором Института истории АН БССР членом-корреспондентом И. М. Игнатенко задачу «потребовать от редакционных коллегий каждого тома значительного повышения уровня научной и литературной обработки помещаемых в «Истории БССР» материалов»²³. Директор института срыв сроков подготовки обобщающего издания объяснил ошибками в формировании авторского коллектива. По его мнению, не следовало привлекать к столь серьезной работе младших научных сотрудников и аспирантов, не обладавших

¹⁷ЦНА НАН Беларуси. Ф. 6. Оп. 1. Д. 8. Л. 23.

¹⁸Там же. Л. 35.

¹⁹Там же. Л. 36–38.

²⁰Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов. Т. 6. С. 273–274.

²¹Там же. С. 274.

²²ЦНА НАН Беларуси. Ф. 3. Оп. 1. Д. 628. Л. 52–53.

²³Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1648. Л. 199.

необходимой квалификацией, к тому же в секторах института отсутствовал действенный контроль со стороны заведующих за качественной подготовкой рукописи. К. И. Шабуня обратил внимание на факт слабой технической оснащенности фотолаборатории института, в связи с чем подготовка карт и иллюстраций занимала большое количество времени. Ученый предложил написать общее предисловие к пятитомному изданию «Гісторыя Беларускай ССР», поручив эту задачу трем сотрудникам института²⁴.

Свидетельством оперативного реагирования на партийную критику стало формирование комиссии в Институте истории АН БССР для проверки сектора истории Беларуси досоветского периода, образованного в 1963 г. в результате слияния сектора истории феодализма и сектора истории капитализма. Выбор данного объекта для проверки был не случайным, ведь первый том труда «Гісторыя Беларускай ССР» издательство «Наука и техника» включало в планы в 1969, и 1970 гг., но макет книги так и не подготовили к этому сроку. В результате Институт истории АН БССР в объеме выделенных ему лимитов утратил свыше 100 печатных листов. Комитет по печати при Совете Министров БССР вынужден был принять решение о начале издания пятитомного труда «Гісторыя Беларускай ССР» только при наличии подготовленных рукописей первых трех томов.

Отчет председателя комиссии П. Т. Петрикова заслушали на заседании ученого совета Института истории АН БССР 27 апреля 1970 г. Историк отметил высокий научный уровень кадрового обеспечения сектора (2 доктора исторических наук, 9 кандидатов исторических наук), наличие монографических работ по проблемам феодального города, разложения феодально-крепостнической системы в сельском хозяйстве Беларуси, зарождения капиталистических отношений. Комиссия указала на необходимость расширить проблематику исследований в сторону изучения общественно-политических процессов и вопросов классовой борьбы в феодальную и капиталистическую эпохи. Также ставилась задача комплексно изучить крестьянство Беларуси в целях более полного раскрытия предпосылок социалистической революции в деревне. Сотрудникам сектора давались четкие рекомендации: «В условиях острой идеологической борьбы между социализмом и отживающим свой век империализмом, между марксистско-ленинской и буржуазной идеологией, борьбы, которая непосредственно захватывает историографию на всех этапах ее развития, сектору истории досоветского общества

также необходимо обратить серьезное внимание на разоблачение искажений исторической правды, а зачастую и злобных фальсификаторских измышлений буржуазных историков и их националистических подголосков в адрес белорусского народа и его героического прошлого»²⁵. Первый том труда «Гісторыя Беларускай ССР» издали в 1972 г.

Первоначальный вариант рукописи второго тома «Белоруссия в период капитализма (1861–1917 гг.)» был готов уже в 1967 г. На протяжении следующего года проводилось редактирование текста, осуществлялся подбор иллюстраций, карт. К. И. Шабуня, ответственный за подготовку тома, заверил ученый совет Института истории АН БССР, что книга будет издана в 1970 г.²⁶, но ее макет впервые обсудили только в январе 1971 г. с участием научных сотрудников БГУ, Минского педагогического института, Института истории партии при ЦК КПБ, АН УССР. Том прошел рецензирование в академических учреждениях Москвы и Вильнюса. Многочисленные замечания были учтены в процессе окончательной редакции книги, проведенной К. И. Шабуней, А. М. Анфимовым, Т. Е. Солодковым. Затем рукопись передали в издательство. Его сотрудники подготовили корректуру текста и перевели его на белорусский язык²⁷. Второй том труда «Гісторыя Беларускай ССР» издали также в 1972 г.

Над текстом третьего тома «Великая Октябрьская социалистическая революция и построение социализма в Белорусской ССР (1917–1937 гг.)» работали сотрудники сектора истории Октябрьской революции и социалистического строительства. Большим авторским коллективом, состоявшим из 18 человек, руководил член-корреспондент АН БССР И. С. Кравченко. Подготовка к печати третьего тома растянулась на несколько лет. До 1970 г. осуществлялось формирование рукописи книги. Затем потребовалось уточнение содержания: В. А. Милованов дописал главу «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства в годы II пятилетки», А. Н. Сорокин – параграф «Укрепление КПБ. Общественные организации Белоруссии», И. Е. Марченко – параграф о развитии интернациональных связей белорусского народа. Так как ряд авторов предоставили «слабые» в научном отношении рукописи, то дирекция Института истории АН БССР передала написание этих глав и параграфов другим ученым – сотрудникам Института истории партии при ЦК КПБ Н. В. Власенко, Р. Т. Шлопаку, доценту БГУ И. Е. Иващенко. В авторский коллектив тома был включен В. А. Полуян, который доработал главы о культурном строительстве в БССР в 1921–1937 гг.

²⁴ ЦНА НАН Беларуси. Ф. 3. Оп. 1. Д. 628. Л. 48–50.

²⁵ Там же. Л. 76.

²⁶ Там же. Д. 572. Л. 121.

²⁷ Там же. Д. 666. Л. 37.

В. И. Вышинский и Р. Т. Горбунова подобрали более 200 фотографий, а М. П. Костюк и А. П. Врублевский подготовили карты о размещении промышленного и сельскохозяйственного потенциала БССР²⁸.

Редакторами рукописи являлись И. М. Игнатенко, И. Е. Марченко, Г. Л. Напреев, П. З. Савочкин, В. И. Мартовицкий и др. Одновременно авторы провели доработку текстов с учетом изменений структуры тома, замечаний редакторов и рецензентов. Значительное участие в подготовке третьего тома издания «Гісторыя Беларускай ССР» приняли П. А. Селиванов, Н. В. Каменская, И. Е. Иващенко, М. И. Злотник, М. Е. Стрельцов, В. И. Вышинский. В октябре 1971 г. рукопись размножили в 14 экземплярах на копировальном аппарате «Эра» и направили для рецензирования в академические учреждения СССР и вузы БССР²⁹. В конце февраля 1972 г. работа над текстом третьего тома была завершена и рукопись передали в издательство. Публикации предшествовало обсуждение вопроса о ходе выполнения издательского плана по третьему тому на заседании ученого совета Института истории АН БССР в 1973 г.

Основная нагрузка при подготовке текста четвертого тома «Белорусская ССР накануне и в годы Великой Отечественной войны (1938–1945 гг.)» легла на сектор истории Великой Отечественной войны Института истории АН БССР. Но свою лепту внесли сотрудники сектора истории Октябрьской революции и социалистического строительства, предоставив информацию о БССР в предвоенные годы³⁰. В 1968 г. была сформирована содержательная часть книги В. Н. Антонишиным, М. И. Злотником, И. С. Кравченко, В. А. Полуяном, Е. К. Прягуновой, Р. Т. Горбуновой, В. Ф. Романовским, Э. Ф. Языкович, Р. Р. Крючком, А. П. Купреевой, В. М. Горцевым, Н. У. Филимоненковым, Н. А. Якубовским. Работа над текстом четвертого тома была ускорена постановлением ЦК КПБ от 20 июня 1969 г. «О дополнительных мерах по улучшению научной разработки истории всенародной борьбы в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны». Параллельно историки АН БССР совместно с учеными из Института истории партии при ЦК КПБ, Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны, БГУ и других вузов республики работали над трехтомником «Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой

Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944 гг.)». Чтобы избежать дублирования текста с четвертым томом, возникла необходимость в корректировке плана-проспекта пятитомника³¹.

Вновь вопрос о подготовке четвертого тома был поднят на заседании ученого совета Института истории АН БССР 6 июля 1970 г. при обсуждении результатов проверки сектора истории Великой Отечественной войны комиссией, возглавляемой А. А. Филимоновым. В ходе обсуждения заведующий сектором И. С. Кравченко обратил внимание на то, что авторы (А. И. Залесский, Э. Ф. Языкович, В. Ф. Романовский, Р. Р. Крючок, А. П. Купреева, Н. А. Якубовский) медленно работают над составлением текста, поэтому научные материалы утрачивают свою актуальность и требуют дополнительной обработки. К тому же возникла необходимость корректировки периодизации истории Великой Отечественной войны. Всего было переработано 35 печатных листов текста, из которых 30 % составили новые данные³². Академик дал обещание, что сектор завершит рукопись к концу года. Однако, поскольку требовалось значительное время на редакторскую правку, в издательство рукопись планировали передать лишь в мае 1971 г. Для четвертого тома труда «Гісторыя Беларускай ССР» в связи с уточнением его структуры старший научный сотрудник В. А. Полуян написал параграфы «Революционное освободительное движение в Западной Белоруссии в 1921–1929 гг. Деятельность массовых народных организаций», «Рабочее и крестьянское движение в Западной Белоруссии в 1928–1938 гг. Борьба за создание народного фронта», Н. В. Жарская составила часть параграфа «Здравоохранение. Физкультура и спорт Белоруссии в 1938–1940 гг.»³³.

Ученый совет и партийное бюро Института истории АН БССР 13 декабря 1971 г. обсудили состояние работы над томом, констатировав необходимость устранения недостатков в ней³⁴. В четвертом томе «Белорусская ССР накануне и в годы Великой Отечественной войны (1938–1945 гг.)» было переработано 26 авторских листов текста и вновь написано 12 авторских листов. Рукопись размножили в 16 экземплярах для широкого научного обсуждения. Лишь в середине 1972 г. ученый совет Института истории АН БССР рекомендовал рукопись к изданию³⁵.

Концепцию истории Беларуси периода завершения строительства социализма и перехода к коммунизму в последнем, пятом томе издания

²⁸ЦНА НАН Беларуси. Ф. 3. Оп. 1. Д. 629. Л. 181–182.

²⁹Там же. Д. 650. Л. 63.

³⁰Там же. Д. 573. Л. 52.

³¹Там же. Д. 628. Л. 51.

³²Там же. Д. 629. Л. 196.

³³Там же. Л. 182.

³⁴Там же. Д. 650. Л. 63.

³⁵Там же. Д. 666. Л. 38.

«Гісторыя Беларускай ССР» разработали сотрудники сектора истории Беларуси послевоенного периода. Первоначально перед ними стояла задача раскрыть общественно-политические, социально-экономические и культурные процессы в БССР с 1945 по 1965 г. Ее реализация усложнялась рядом объективных и субъективных факторов. К объективным барьерам следует отнести проблему источниковской базы и недостаточную научную разработку истории данного периода, к субъективному – зависимость исторического познания от политической линии правящей партии. Уже в самом названии пятого тома – «Белорусская ССР в период создания развитого социалистического общества и строительства коммунизма (1945–1974 гг.)» – проявился так называемый партийный заказ: требовалось на историческом материале подтвердить правильность курса на построение коммунистического общества в СССР. Во второй половине 1960-х гг. И. Е. Марченко, Е. А. Василевская, С. Д. Войтович, Е. П. Белязо, П. Т. Петриков, В. С. Толстой, И. В. Полуян, Е. И. Фирсова, Л. М. Лыч, И. О. Царюк, Г. Л. Напреев, Я. С. Мазурова, В. И. Нефед, В. И. Смаль, А. Т. Андреев, Н. И. Галенчик, А. Е. Козловская, В. С. Родин, Г. С. Мельянков, Ю. И. Афонин, С. А. Шмыгова начали подготовку текста книги. Однако уже в 1968 г. возникла необходимость разработать главы, посвященные реализации задач восьмой пятилетки (1966–1970)³⁶, причем эти главы подлежали ежегодной корректировке. Для сектора, в котором в 1970 г. трудилось только четыре старших научных сотрудника, выполнить данную задачу было сложно. Работа над текстом завершилась к середине 1972 г. Затем рукопись размножили в 15 экземплярах и разослали для рецензирования

в научные учреждения СССР³⁷. Издали последний том в 1975 г.

Пятитомное издание «Гісторыя Беларускай ССР» [2] до 1990-х гг. выступало основным академическим изложением концепции отечественной истории. Подготовка к публикации каждого тома этого труда сопровождалась напряженной работой редакции и авторского коллектива. Обсуждение концепции отечественной истории имело важное значение в процессе создания этих томов. Соотношение авторских подходов и положений марксистско-ленинской методологии требовало от разработчиков корректности в вынесении оценок. Немаловажное значение имело согласование текстов с общей концепцией истории СССР. В результате большая часть академического издания (т. 3–5) была посвящена советской эпохе и содержала идеологические установки, предложенные КПБ.

Научно-организационная деятельность по созданию обобщающей работы по истории Беларуси стала показателем высокого уровня развития отечественной науки, что проявилось в концентрации научно-организационного потенциала, объединившего силы ученых Института истории АН БССР, БГУ, Минского педагогического института и других вузов республики. Создание масштабной концепции истории Беларуси в пятитомном издании свидетельствовало о формировании системы координации исторических исследований в БССР. Работа над фундаментальным трудом содействовала развитию новых исследовательских направлений, прежде всего в истории советского периода, и определила актуальную научную проблематику на ближайшее десятилетие.

Библиографические ссылки

1. Марченко ИЕ. В координационном научном совете Института истории Академии наук БССР. *История СССР*. 1962;3:217–218.
2. Ігнаценка ІМ, рэдактар. *Гісторыя Беларускай ССР*. Мінск: Навука і тэхніка; 1972–1975. 5 тамоў.

References

1. Marchenko IE. [In the coordinating scientific council of the Institute of history of the Academy of Sciences of the BSSR]. *Istoriya SSSR*. 1962;3:217–218. Russian.
2. Ihnacienka IM, editor. *Gistoryja Belaruskaj SSR* [History of the Belarusian SSR]. Minsk: Navuka i tjehnika; 1972–1975. 5 volumes. Belarusian.

Статья поступила в редакцию 31.05.2020.
Received by editorial board 31.05.2020.

³⁶ЦНА НАН Беларуси. Ф. 3. Оп. 1. Д. 573. Л. 109–111.
³⁷Там же. Д. 666. Л. 38.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРЫТЫКА І БІБЛІЯГРАФІЯ

REVIEW AND BIBLIOGRAPHY

Курта Ф. Восточная Европа в Средние века (500–1300) : в 2 т. Лейден ; Бостон : Брилл, 2019. 2 т. 1426 с. (на англ.).

Курта Ф. Усходняя Еўропа ў Сярэднія вякі (500–1300) : у 2 т. Лейдэн ; Бостан : Брыл, 2019. 2 т. 1426 с. (на англ.).

Curta F. Eastern Europe in the Middle Ages (500–1300) : in 2 vols. Leiden ; Boston : Brill, 2019. 2 vols. 1426 p.

Флорын Курта, прафесар Фларыдскага юніверсітета, стварыў працу, за якую многія іншыя гісторыкі ўзяліся б толькі ў калектыве суаўтараў. Перад намі двухтомнае даследаванне, якое ахоплівае перыяд Ранняга і Высокага сярэдневякоўя ў межах вялікага абшару – ад Ладажскага возера да Адрыятыкі і ад Одэра да ўсходніх рубяжоў Старожытнай Русі. Такім чынам, Усходняя Еўропа для Ф. Курты – гэта не больш чым канвенцыйны тэрмін. Як кажа сам аўтар ва ўводзінах, ідэя напісаць такую кнігу выкліканая найперш адсутнасцю падобнай сінтэтычнай працы, якую можна было б рэкамендаваць студэнтам-гісторыкам у якасці асноўнай літаратуры. Безумоўна, гэта праца будзе цікавай кожнаму, хто захоча атрымаць агульнае ўяўленне пра адпаведную частку Еўропы ў Сярэдневякоўі. У 32 главах разглядаецца гісторыя асобных рэгіёнаў, краін і этнасай – славян, авараў, хазараў, пястаўскай Польшчы, пшэмыслідской Багеміі і г. д., асвятляюцца асноўныя аспекты жыцця грамадства: эканоміка, станаўленне феадалізму, сацыяльная арганізацыя, дэмографія, рэлігія, пісьменства, манументальнае мастацтва. Асобныя главы прысвечаны такім з'явам, як Крыжовыя паходы ў Балтыйскім рэгіёне і мангольскае нашэсце. Кніга ўключае бібліографічны спіс, а таксама предметны, імянны і геаграфічны паказчыкі.

Напэўна, вузкія спецыялісты знайдуць, за што пакрытыкаваць аўтара, – кожны ў межах сваёй наўковай кампетэнцыі. Я ж хацеў бы звярнуць увагу на тое, чым гэта кніга, арыентаваная найперш на заходняга чытача, можа быць цікавай і для ўсходнеўрапейскай, у прыватнасці беларускай, аўдыторыі. Па-першае, сапраўды ўражвае ахоп літаратуры. Дастаткова сказаць, што 700 старонак уласна тэкstu дапаўняюцца 630 старонкамі бібліографічнага спіса, у які ўключаныя крыніцы на многіх мовах. Часта аўтар не паглыбляеца ў асобныя пытанні, затое наяўнасць багатых па старонках спасылак і надзвычай шырокай бібліографіі дапаможа цікаўнаму чытчу звярнуцца да прац адпаведнай тэматыкі. Гэты велізарны спіс літаратуры сам па сабе каштоўны як своеасаблівы гісторыяграфічны даведнік. Варта адзначыць, што яго электронная версія даступная на сайце выдавецтва, што з'яўляецца немалаважнай акадычнасцю пры традыцыйна высокім кошце выдання.

Па-другое, Ф. Курта знаёміць чытача з дыскусійнымі праблемамі і навейшымі тэндэнцыямі ў падыходах да вывучэння пэўных пытанняў. На прыклад, можна даведацца, што марксісцкая ідэя пра дружыну, якая з XI ст. паступова становіцца крыніцай фарміравання знаці, не знаходзіць археалагічнага пацвярджэння. Пахаванні са зброяй былі вельмі распаўсюджаны, аднак сярод іх складана вылучыць тыя, якія можна надзеіна асацыраваць з дружынай (р. 447–448). Аўтар адзначае, што канцепцыя феадалізму як спосабу вытворчасці пераставала цікавіць навукоўцаў у пачатку 1990-х гг. і што «маліваць карціну сярэдневяковага грамадства вялікімі мазкамі марксісцкай тэрміналогіі на сёння абсалютна выйшла з моды»¹ паўсюль, акрамя Расіі (можна было б смела дадаць: і Беларусі) (р. 466).

¹ Тут і далей пераклад наш. – А. К.

Нарэшце, кніга каштоўная тым, што пераносіць добра (ці не вельмі) знаёмыя нам сюжэты і факты ў шырэйшы геаграфічны і культурны кантэкст. Гэта дазваліе ўбачыць звыклую карціну ў рэгіянальной перспектыве. Напрыклад, можа падацца досьць цікавым, што «палітычная ўлада, якой валодалі некалькі жанчын у Палацкім княстве на працягу двух дзесяцігоддзяў XII ст., не мае паралелей у єўрапейскай гісторыі» (р. 458).

Кніга ўтрымлівае некалькі глаў, што непасрэдна закранаюць усходненеўрапейскі, або, як можна ўмоўна яго называць, усходнеславянскі, рэгіён. Гэта пытанні, прысвечаныя фарміраванню славян, актыўнасці скандынаваў на паўднёва-ўсходнім кірунку, станаўленню Русі як палітычнай сілы і мангольскаму нашэсцю. Сюжэты, якія мы прывыклі звязваць з беларускай гісторыяй, напрыклад узвышэнне Палацка пры князях Брачыславе і Усяславе, застаюцца на ўзбочыне вялікага наратыву: аўтар не лічыць вартым згадкі імя полацкага князя, якому ў 980 г. нанёс паражэнне Уладзімір. Найперш даследчыка цікавяць пытанні большага маштабу, у прыватнасці генезіс палітычнай улады з цэнтрам у Кіеве. Гісторыя ўзнікнення Вялікага Княства Літоўскага хоць і ўпісваецца ў храналагічныя рамкі работы, аднак пакінута Ф. Куртам без належнай увагі. Толькі ў главе пра дзеянасць крыжакоў у Балтыцы ўтрымліваецца сіцілы агляд падзеяў, звязаных з актыўнасцю літоўскіх князёў (р. 569–571). Кніга Ф. Курты – гэта прыклад таго, як выглядае гісторыя Беларусі ў агульнай рэгіянальной карціне, калі яе назірае амерыканскі прафесар.

Асобнай увагі даследчыка заслугоўвае проблема паходжання і міграцыі славян з улікам яе дыскусійнасці. Ф. Курта вядомы як спецыяліст па гэтай праблематыцы, а Беларускае Палесссе апошнім часам усё больш прэтэндуе на ролю прарадзімы славян. Аўтар з'яўляецца пратаганістам дунайскай версіі і выкарыстоўвае канструктыўісцкі падыход да праблемы ўзнікнення славянскай ідэнтычнасці. Свае погляды Ф. Курта выкладаў у манографіі «Паходжанне славян. Гісторыя і археалогія Ніжняга

Дуная (500–700)» (*The making of the Slavs. History and archaeology of the Lower Danube region, 500–700*), выдадзенай яшчэ ў 2001 г. У рэцэнзуемай працы ён толькі сцісла пераказаў сваю аргументацыю, якую можна звесці да некалькіх асноўных тээзісаў. Так, аўтар сцвярджае, што няма ніякіх археалагічных сведчанняў міграцыі насыбітаў зарубінецкай, кіеўскай ці пражскай культур, з якімі асацыярующа раннія славяне, у кірунку дунайскай мяжы Візантыйскай імперыі. Матэрыйальная культура Маравіі, Багеміі, Польшчы, Беларусі і паўночнага заходу Рэспублікі VI–VII стст. кардынальна адрозніваецца ад культуры тэрыторыі на поўнач ад Дуная, дзе, згодна з візантыйскімі крэніцамі, пражывалі склавіны. З'яўляецца ўсё больш археалагічных сведчанняў моцнага культурнага ўплыву з рэгіёна Ніжняга і Сярэдняга Дуная на Сярэдняе Паднепрэднє ў VII ст. Пісьмовыя крэніцы не паведамляюць пра міграцыю славян раней за X ст.

Будучы далёкім ад гэтай праблематыкі, пакідаю пошук ісціны спецыялістам. Выход новай кнігі Ф. Курты – гэта проста нагода звярнуць увагу на амаль поўную адсутнасць дыскусіі паміж амерыканскім даследчыкам і беларускімі навукоўцамі, якія прости не заўважаюць яго канцепцыю. Паказальна, што ў дзвюх манографіях па славянагенезе, якія выйшлі ў Беларусі ў 2008 і 2012 гг., пра Ф. Курту няма ніводнай згадкі. Іранізуючы, можна сказаць, што той плаціць нашай гісторыяграфіі ўзаемнасцю: на 630 старонках бібліографічнага спіса знайшлося месца толькі для прац 15 беларускіх аўтараў. Гэты выпадак, на жаль, не ўнікальны. Ён ілюструе адварванасць беларускай гісторычнай навукі ад сусветнай нават у пытаннях, якія выходзяць далёка за межы нацыянальнага гісторычнага наратыву. Застаецца толькі выказаць спадзяванне на тое, што беларускія навукоўцы будуть актыўней дыскутуваць з заходнімі калегамі і ствараць больш прац, заўважных на сусветным узроўні. Ад гэтага абодва бакі толькі выйграюць.

А. У. Казакоў²

²Александр Владимиович Казаков – кандидат исторических наук; доцент кафедры истории Беларуси древнего времени и средних веков исторического факультета Белорусского государственного университета.

Аляксандр Уладзіміравіч Казакоў – кандыдат гісторычных навук; дацэнт кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў гісторычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

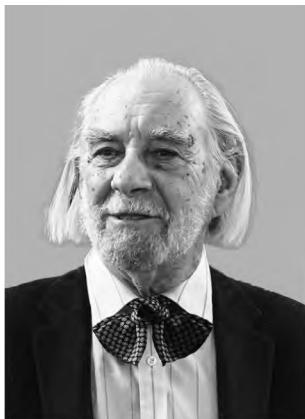
Aliaksandr U. Kazakou, PhD (history); associate professor at the department of Belarus history of ancient time and Middle Ages, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: kazakou@bsu.by

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

ПАМЯЦІ ВУЧОНАГА

TO THE MEMORY OF SCIENTIST

Янош М. БАК

Янаш М. БАК

Janos M. BAK

Вучні і настаўнікі – для навуковай антрапалогіі гэта відавочная рэчаіснасць. Унямецкай акадэмічнай культуры XIX–XX стст., а ў значнай ступені і цяпер адносіны паміж вучнямі і настаўнікамі вызначаюцца сямейнымі канатацыямі (*прафесар-бацька*), на іх аснове складаюцца пакаленні навуковых школ. С самым пачэсным лічыцца быць першым вучнем, які нібыта адкрывае спіс навуковага «клана», і апошнім, які завяршае яго сладкую гісторыю.

Ва ўзросце 91 года 18 чэрвеня 2020 г. пайшоў з жыцця венгерскі медыявіст, крыніцазнаўца, спецыяліст па кампаратыўнай гісторыі Цэнтральнай Еўропы, заснавальнік Цэнтра даследаванняў Сярэдневякоўя Цэнтральна-Еўрапейскага ўніверсітэта (*Department of Medieval Studies, Central European University*) у Будапешце, стваральнік і доўгагадовы

старшыня Асацыяцыі медыявістаў Цэнтральнай Еўропы Янаш Бак – навуковец, які лічыў сябе апошнім вучнем Персі Эрнста Шрама (*Percy Ernst Schramm*).

Творчы шлях Я. Бака пераплецены з яго асаўствам жыццём. Лёс навукоўца складваўся не надта проста, палітычныя падзеі ў яго краіне значна пайплывалі і на яго прафесійнае ўдасканаленне. Дзяцінства Янаша Бака праходзіла ў Венгрый ўваенныя гады. Ён быў сведкам нараджэння венгерскага камунізму, у якім расчараўваўся пасля падзеяў Венгерскай вясны 1956 г. Янаш Бак вымушана эміграваў у Германію, а пазней у Паўночную Амерыку. Потым было вяртанне на радзіму, якая заўсёды заставалася для гісторыка той зямлЁй абязцанай, дзеля славы якой ён не спыняў сваю творчую

працу. Менавіта тут, у Будапешце, Я. Бак рэалізаваў свае ідэі пра навуковую супольнасць даследчыкаў Цэнтральна-Еўрапейскага рэгіёна і заснаваў Цэнтр даследаванняў Сярэдневякоўя ў Цэнтральна-Еўрапейскім універсітэце.

У 1956 г. Я. Бак адразу паступіў у аспірантуру славутага Гётынгенскага ўніверсітэта, дзе атрымаў докторскую ступень (навуковы кіраунік – П. Э. Шрам). Падчас падрыхтоўкі навуковай работы Я. Бак меўмагчымасць вывучаць крыніцы па венгерскай сярэдневяковай гісторыі ў Оксфардзе. Навуковая і выкладчыцкая дзейнасць у Германіі ў 1960-х гг. дазволіла засяродзіцца на гісторыі еўрапейскага Сярэдневякоўя, а таксама на лацінскіх тэкстах, міждысцыплінарнай метадалогіі ў вывучэнні гісторыі цэнтральнаеўрапейскіх дзяржаў, злучыць розныя метадалагічныя падыходы ў даследаванні еўрапейскай гісторыі, сацыяльна арыентаваны наарату́ і абсалютную павагу да крыніцы. У Марбургскім універсітэце была выдадзена праца Я. Бака, прысвечаная маёмасным адносінам у Венгрый Позняга сярэдневякоўя.

Амерыканскі перыяд навуковай і выкладчыцкай дзейнасці венгерскага гісторыка распачаўся ў 1966 г. Я. Бак працаваў ва ўніверсітэтах ЗША і Канады. Ён атрымаў званне прафесара ва Універсітэце Брытанскай Калумбіі ў Ванкуверы. Менавіта там пачынаецца арганізатарская дзейнасць навукоўца, калі яго венгерскія калегі і іншыя даследчыкі сярэдневяковай гісторыі Цэнтральнай і Усходняй Еўропы паступова пачалі далучацца да канферэнцыйнага руху, аўядноўвацца ў асацыяцыю даследчыкаў усходнееўрапейскага Сярэдневякоўя *Majestas*.

У канцы 1980-х гг., у час новых выклікаў і перабудовы палітычнай карты Цэнтральнай Еўропы, Я. Бак вяртаецца з Амерыкі на радзіму, у Будапешт. Ён прымае актыўны ўдзел у распрацоўцы гістарычнага профілю ў новаутвораным Цэнтральна-Еўрапейскім універсітэце. Намаганнямі даследчыка пачалася трансляцыя актуальнай метадалогіі інтэлектуальнай гісторыі і міждысцыплінарнага дыскурсу ў прастору постсацыялістычнай Еўропы, у вакуум, пакінуты пасля масавага адыходу ад марксісцкай метадалогіі ў гістарычных даследаваннях, рэгіён, дзе адраджалацца цікавасць да нацыянальных наратываў.

Праз навучанне студэнтаў, летнія школы і магістратуры Цэнтра даследаванняў Сярэдневякоўя Я. Бака прайшлі маладыя даследчыкі ўсяго Усходне-Еўрапейскага рэгіёна. Менавіта дзяякуючы ім быті распрацаваны цэлыя напрамкі даследаванняў Сярэдневякоўя і сярэдневяковых крыніц. Вялікая хвала спецыялістаў з усяго рэгіёна ў 1990–2000-я гг. атрымала свой першы волыт кампаратыўнай гісторыі і міждысцыплінарных даследаванняў. Такія ініцыятывы прафесара Я. Бака, як даследчыцкі праект парашунаўчай гісторыі сярэдневяковай знаці ці серыя выданняў «Цэнтральнаеўрапейскія сярэдне-

вяковыя тэксты» (*Central European medieval texts*), становіцца ўзорам для іншых навуковых школ рэгіёна.

З 2007 г. Я. Бак адыходзіць ад актыўнага выкладання і займаецца стварэннем навуковай Цэнтральна-Еўрапейскай сеткі аkadэмічных даследаванняў Сярэдневякоўя (*Medieval Central Europe Research Network*), поводле ўзору якіх павінны быті ўзнікнуць лакальныя даследчыцкія супольнасці новага тыпу.

Дзейнасць Я. Бака своеасаблівым чынам паўплывала на гістарычную навуковую прастору Беларусі і ўсяго нашага рэгіёна. Професара Я. Бака цікавіла гісторыя Вялікага Княства Літоўскага, а таксама роля і адлюстраванне гэтай дзяржавы ў сярэдневяковых крыніцах. Гісторык бачыў патэнцыял вывучэння як інтэлектуальнай прасторы ВКЛ – яго дзеячча, візуальных вобразаў, асабістай гісторыі – так і мадэлі сацыяльных і палітычных паводзін. Не без уплыву Я. Бака з'явілася праца пра вобразы вялікага князя Вітаўта ў гістарычнай літаратуре Усходняй Еўропы, распачалася дыскусія пра тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага як культурнага памежжа Еўропы, было паставлена пытанне пра ВКЛ як сярэдневяковы правобраз дзяржавы імперскага тыпу.

Професар Я. Бак прымаў актыўны ўдзел у выдавецкіх праектах. Так, зборнік па метадалогіі і мітадах даследаванняў Вялікага Княства Літоўскага, выдадзены ў 2003 г. беларускай групай даследчыкаў, не абышоўся без рэкамендацыйнага тэксту венгерскага гісторыка.

Звычайна ў аповедах пра выдатных навукоўцаў ствараецца аkadэмічны вобраз, амаль пазбаўлены звычайных чалавечых рыс. Але падобнае апісанне немагчымае ў дачыненні да прафесара Я. Бака, бо яго асабістая якасці значна ўплывала і на ўспрыманне яго як прафесіянала. Гэты чалавек быў *настайнікам* па Божым прызначэнні, і, магчыма, менавіта таму Бог адмераў яму працяглосць і такое насычанае жыццё! Неад'емныя чалавечая годнасць, любоў і павага да вучняў, высакародная справядлівасць заўсёды адчуваўся ў Я. Баку, нават міжволі выклікалі да яго павагу і шанаванне з боку калег.

У навуковым асяроддзі адразу прызнаваліся аўтарытэт і шырокія гістарычныя веды Я. Бака. Безумоўна, ён быў энцыклапедыстам, што ўжо нячаста сустракаецца сярод сучасных спецыялістаў-гісторыкаў. У разуменні і асобных гістарычных сітуацый, і глабальных працэсаў з першых хвілін абмеркавання ўражвала шырыня геаграфічнага і гістарычнага падыхода даследчыка. Прычым гэта заўсёды пралівалася новае святло на пэўную сітуацыю. Янаш Бак вельмі лёгка аперыраваў прыкладамі з сярэдневяковай гісторыі як Заходняй, так і Цэнтральнай ды Усходняй Еўропы. Каб мець магчымасць удзельнічаць у навуковых дыскусіях, яго вучням і калегам з розных краін прыходзілася падрабязна чытаць венгерскую і румынскую гісторыю, назіраць за падзеямі Сярэдневякоўя на Балканах. А гэтыя

тэмы доўгі час не былі ў прыярытэце на гістарычных факультэтах нашага рэгіёна. Таму, калі малады навуковец упершыню аказваўся побач з прафесарам Я. Бакам, ён адразу адчуваў самы высокі навуковы ўзровень гісторыка, яго прафесійнасць у працы з маладым пакаленнем, і гэтага было дастаткова, каб прызнаць жаданне вучыцца ў яго і мець гонар лічыць яго сваім настаўнікам.

Янаш Бак меў няпросты лёс. На першы погляд вымушаная эміграцыя павінна была выхаваць у ім жорсткае непрыманне сацыялістычных ідэй і адпаведнага гістарычнага перыяду, які цяжка адбіўся на яго жыцці. Вяртанне ў Венгрыю стала магчымым толькі пасля дэмакратычных пераўтварэнняў у краіне. Падавалася, Я. Бак мусіў выбраць палітычны бок, стаяць на абароне ідэй заходняй дэмакратыі, і, як гэта нярэдка бывае, некрытычна стаўіцца да сваіх ідэалаў. Менавіта такое ўражанне ўзнікла ў аднаго з аўтараў гэтых радкоў, выхаванага ў сацыялістычнай сістэме, якая прымушала стаяць толькі на адным баку ў сусветным змаганні. Таму ніколі не забыць думку Я. Бака, выказаную ім у прыватным аблігаванні поспехаў у пашырэнні і аўяднанні Еўрапейскага саюза: «Поспехі ёсць, але я памятаю, як мы будавалі сацыялістычны агульны лагер на чале з Савецкім Саюзам, а Венгрыя была блізкім саюзнікам. Ну, а цяпер мы будуем Еўрапейскі саюз, а Венгрыя з'яўляецца яго часткай». На вачах рассыпалася разуменне вечнасці, і замест яго паўставала гістарычнае асэнсаванне бясконцага палітычнага працэсу, які ніколі не спыніцца ў сваім этнаўтаральным руху. Такім чынам Я. Бак паказаў варты павагі прыклад крытычнага мыслення. Так настаўнік фарміраваў асобу даследчыка, напэўна, не менш, чым сваімі працамі. Гэта быў узор таго, як прафесійныя якасці перамагаюць персанальныя перажыванні.

Лёс навукоўца ў віры палітычных падзеяў натхняў Я. Бака на напісанне і ўдзел у напісанні цэлай серыі кніг, прысвячаных гісторыі яго радзімы, і перш за ўсё рэвалюцыйным падзеям у Венгрыі 1956 г.: «Венгерская рэвалюцыя 1956 г.: рэформы, паўстанне і рэпрэсіі (1953–1963)» (*The Hungarian Revolution of 1956: reform, revolt and repression, 1953–1963*), «Свабода і сацыялізм: працы лібертарыянскіх сацыялістаў у Венгрыі (1884–1919)» (*Liberty and socialism: writings of libertarian socialists in Hungary, 1884–1919*). З Я. Бакам магло здарыцца незвычайнае: запрошаны як гасцівы лектар, прафесар-медыяўіст мог прачытаць лекцыю на тэму «Рэвалюцыя чалавечай годнасці: мэты і праграмы венгерской рэвалюцыі 1956 г.», як гэта адбылося ў адным з расійскіх універсітэтаў.

У вялікай ступені менавіта дзякуючы прафесару Я. Баку Цэнтр даследаванняў Сярэдневякоўя Цэнтральна-Еўрапейскага ўніверсітэта сфарміраваўся не толькі як навуковая адзінка самой венгерской навукі, а стаў адным з аўтарытэтных асярод-

каў падрыхтоўкі спецыялістаў з усяго Цэнтральна-і Усходне-Еўрапейскага рэгіёна. Любы навуковец ці аспірант, прыехаўшы на стажыроўку ў цэнтр, мог адчуць вельмі блізкія, амаль сямейныя адносіны паміж выкладчыкамі і навучэнцамі. Шмат залежала менавіта ад Я. Бака, які не толькі падабраў высокапрафесійны калектыв, але і з вялікай павагай ставіўся да людзей. Пры гэтым ён меў цвёрдыя характар і ўмей задаволіць неабходныя адміністрацыйныя патрэбы пры арганізацыі навучальнага і навуковага працэсу.

Колькі маладых і ўжо не надта маладых даследчыкаў-медыяўістаў прайшлі стажыроўкі пры Цэнтры даследаванняў Сярэдневякоўя Цэнтральна-Еўрапейскага ўніверсітэта! Гэта прадэманстравала высокія здольнасці Я. Бака як *арганізатора*. Яшчэ працяглы час, ужо скончыўшы стажыроўку, маладыя даследчыкі падтрымлівалі цесныя сувязі са сваёй новай *alma mater*. Навуковая дасведчанасць і чалавечая годнасць праста насычалі атмасферу наўкол Я. Бака і дапамагалі ўзнімацца вышэй па прыступках да самаўдасканалення.

Колькі мог, прафесар Я. Бак асаўіста вадзіў экспкурсіі па Будапешце для гасцей Цэнтра даследаванняў Сярэдневякоўя Цэнтральна-Еўрапейскага ўніверсітэта. Гісторык мог парыць наведаць самыя далёкія і амаль невядомыя звычайнім турыстам месцы ў сталіцы Венгрыі, калі госьць меў спецыяльны інтарэс. Часам падавалася, што веды Я. Бака пра Будапешт таксама неабмежаваныя.

З вялікім гонарам адзначым, што ў 1998 г. прафесар Я. Бак наведаў гістарычны факультэт Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, дзе прачытаў лекцыю па медыяўістыцы і сустрэўся з аспірантамі. Было бачна, што ён з вялікай цікавасцю падчас экспкурсійных вандровак прыглядаеца да гістарычных вобразаў упершыню ўбачанай краіны, пра гісторыю якой толькі чытаў. Я. Бак парадунаваў і ацэніваў, задаваў шмат пытанняў. Пры гэтым не менш яго цікавіла штодзённае жыццё жыхароў Мінска. Задавалася, што ён ацэнівае і сучасны стан беларускага грамадства.

У 2020 г., пасля смерці прафесара Я. Бака ў Будапешце, Інстытутам гісторыі Венгерскай акадэміі навук сумесна з Венгерскім нацыянальным музеем была надрукавана манаграфія «Карона і каранацыя ў Венгрыі ў 1000–1916 гг.» (*Crown and coronation in Hungary 1000–1916 A. D.*) (аўтары – Янаш Бак і Геза Палфі (*Géza Pálffy*)), прысвячаная сімволіцы каралеўскіх інсігній Венгерскага каралеўства, паходжанню і сэнсу каранацыі. Што важна, гэта праца мае мэту папулярызацыі гісторыі Венгрыі, таму яна выйшла на англійскай мове. У лістападзе 2020 г. Цэнтр даследаванняў Сярэдневякоўя ў Цэнтральна-Еўрапейскім універсітэце абвясціў конкурс на атрыманне стыпендыі імя Янаша Бака. Такім чынам, ушанаванне памяці мэтра адбываецца ў форме папуляры-

зацыі творчай спадчыны гісторыка і пашырэння магчымасцей метадалагічнага ўдасканалення для маладых і сталых даследчыкаў Сярэдневякоўя нашай часткі Еўропы.

За апошніяе дзесяцігоддзе Цэнтральная і Усходняя Еўропа страціла цэлы шэраг вядомых даследчыкаў эпохі Сярэдневякоўя і ранняга Новага часу, якія адраджалі мультыдысцыплінарную і кампаратывную гісторыю рэгіёна ў 1990–2000-я гг. Яны зрабілі істотны ўклад у развіццё навуковых структур, інстытутаў, асацыяцый, але самае галоўнае – змаглі адчуць перазагрузку сваіх навуковых і дыдактычных інтарэсаў, накіраваць уласны па-

тэнцыял і сілы цэлых навуковых супольнасцей на выхаванне новага пакалення даследчыкаў эпохі Сярэдневякоўя, узброеных новай метадалогіяй, пазбавіцца нягнуткай структуры навуковай школы мінулага стагоддзя, дзе адносіны паміж настаўнікам і вучнем амаль сакральныя. Я. Бак здолеў стаць прафесарам-бацькам для многіх вучняў некалькіх пакаленняў, дзе няма першых і апошніх. У гэтым праглядаецца новая веха ў антрапалогіі навукі Цэнтральнай і Усходняй Еўропы XXI ст., шлях якой толькі пачынаецца.

А. А. Прохараў¹, А. У. Любы²

¹Андрей Аркадьевич Прохоров – кандидат исторических наук, доцент; заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков исторического факультета Белорусского государственного университета.

Андрэй Аркадзьевіч Прохараў – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; загадчык кафедры гісторыі старажытнага свету і сярэдніх вякоў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Andrei A. Prokhorov, PhD (history), docent; head of the department of ancient and medieval history, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: andrei_prokhorov@mail.ru

²Андрей Владимирович Любы – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории Беларуси древнего времени и средних веков исторического факультета Белорусского государственного университета.

Андрэй Уладзіміравіч Любы – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Andrei V. Liuby, PhD (history), docent; associate professor at the department of Belarus history of ancient time and Middle Ages, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: liuby@bsu.by

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции.....	5
ТЕМАТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ	
К 160-летию отмены крепостного права в Российской империи	
Кохановский А. Г. Начало трансформации белорусской деревни	7
Маскевич А. И. Сельское общество в Беларуси после отмены крепостного права.....	15
Бурачонок А. В. Основные тенденции развития деловой активности в Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. (на примере г. Минска)	26
Арлукевич А. Б. Военный постой и постойная повинность в Беларуси (середина 1850-х – середина 1870-х гг.).....	36
ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ	
Колб Е. Г. Социальная политика правительства Л. Жоспена во Франции (1997–2002).....	59
Лукашевич А. М. Ненадежный союзник: участие России в войне 1809 г. против Австрии.....	68
ИСТОРИОГРАФИЯ	
Король М. М. Конфессиональные конверсии на территории Беларуси во второй половине XIX – начале XX в.: обзор историографии.....	82
Белозорович В. А. Научно-организационная деятельность историков по подготовке пятитомного издания «Гісторыя Беларускай ССР»	90
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
Казаков А. В. Курта Ф. Восточная Европа в Средние века (500–1300)	99
ПАМЯТИ УЧЕННОГО	
Янош М. Бак	101

ЗМЕСТ

Ад рэдакцыі	5
-------------------	---

ТЭМАТИЧНЫ РАЗДЗЕЛ

Да 160-годдзя адмены прыгоннага права ў Расійскай імперыі

Каханоўскі А. Г. Пачатак трансфармацыі беларускай вёскі	7
Маскевіч Г. І. Сельская грамада ў Беларусі пасля адмены прыгоннага права	15
Бурачонак А. В. Асноўныя тэндэнцыі развіцця дзялавой актыўнасці на тэрыторыі Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. (на прыкладзе г. Мінска)	26
Арлукевіч А. Б. Ваенны пастой і пастойная павіннасць у Беларусі (сярэдзіна 1850-х – сярэдзіна 1870-х гг.)...	36

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

Колб Я. Г. Сацыяльная палітыка ўрада Л. Жаспена ў Францыі (1997–2002)	59
Лукашэвіч А. М. Ненадзейны саюзнік: удзел Расіі ў вайне 1809 г. супраць Аўстрый	68

ГІСТАРЫЯГРАФІЯ

Кароль М. М. Канфесійныя канверсіі на тэрыторыі Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст.: агляд гістарыяграфіі	82
Белазаровіч В. А. Навукова-арганізацыйная дзейнасць гісторыкаў па падрыхтоўцы пяцітомнага выдання «Гісторыя Беларускай ССР»	90

КРЫТЫКА І БІБЛІЯГРАФІЯ

Казакоў А. У. Курта Ф. Усходняя Еўропа ў Сярэднія вякі (500–1300)	99
---	----

ПАМЯЦІ ВУЧОНАГА

Янаш М. Бак	101
-------------------	-----

CONTENTS

Editorial	5
SPECIAL TOPIC SECTION	
On the 160th anniversary of the abolition of serfdom in the Russian Empire	
<i>Kakhanouski A. G.</i> The beginning of transformation of the Belarusian village	7
<i>Maskevich A. I.</i> The rural community in Belarus after the abolition of serfdom	15
<i>Burachonak A. V.</i> Major trends in the development of business activity in Belarus in the second half of the 19 th – early 20 th century (the case of Minsk).....	26
<i>Arlukevich A. B.</i> Cantonment of troops and housing service in Belarus (mid 1850s – mid 1870s)	36
WORLD HISTORY	
<i>Kolb E. G.</i> The social policy of Lionel Jospin's government in France (1997–2002).....	59
<i>Lukashevich A. M.</i> Unreliable ally: participation of the Russia in the war of 1809 against Austria	68
HISTORIOGRAPHY	
<i>Karol M. M.</i> Confessional conversions on the territory of Belarus in the second half of the 19 th – early 20 th century: overview of historiography	82
<i>Belazarovich V. A.</i> Scientific and organizational activity of historians for the preparation of the five-volume work «Histories of the Belarusian SSR»	90
REVIEW AND BIBLIOGRAPHY	
<i>Kazakou A. U.</i> Curta F. Eastern Europe in the Middle Ages (500–1300)	99
TO THE MEMORY OF SCIENTIST	
[Janos M. Bak]	101

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам, а также в области музееведения, консервации, реставрации историко-культурных объектов, документалистики, документоведения и архивоведения.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета. История.
№ 1. 2021**

**Часопіс Беларускага
дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя.
№ 1. 2021**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.
E-mail: jhistory@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/history>

«Журнал Белорусского государственного
университета. История» издается с января 1969 г.

До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ.
Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»
(ISSN 2308-9172).

Редакторы С. Е. Богуш, А. С. Люкевич
Технический редактор Д. Ф. Когут
Корректор Л. А. Меркуль

Подписано в печать 29.01.2021.
Тираж 100 экз. Заказ 62.

Республиканскоe унитарное предприятие
«Информационно-вычислительный центр
Министерства финансов Республики Беларусь».
ЛП № 02330/89 от 03.03.2014.
Ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск.

**Journal
of the Belarusian State University. History.
No. 1. 2021**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.
E-mail: jhistory@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/history>

«Journal of the Belarusian State University. History»
published since January, 1969.
Until 2017 named «Vesnīk BDU.
Seryja 3, Gistoryja. Jekonomika. Prava»
(ISSN 2308-9172).

Editors S. J. Bohush, A. S. Lyukevich
Technical editor D. F. Kogut
Proofreader L. A. Merkul'

Signed print 29.01.2021.
Edition 100 copies. Order number 62.

Republican Unitary Enterprise
«Informatsionno-vychislitel’nyi tsentr
Ministerstva finansov Respublikii Belarus’».
License for publishing No. 02330/89, 3 March 2014.
17 Kal’varyjskaja Str., Minsk 220004.